

1Ф
01795

МОРЕЛЛИ
КОДЕКС ПРИРОДЫ

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

ПРЕДШЕСТВЕННИКИ
НАУЧНОГО
СОЦИАЛИЗМА

Под общей редакцией

академика

В. П. ВОЛГИНА

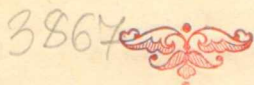
1947
МСМXLVII

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва—Ленинград

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

МОРЕЛЛИ
КОДЕКС ПРИРОДЫ
ИЛИ
ИСТИННЫЙ ДУХ ЕЕ ЗАКОНОВ

Перевод с французского
М. Е. ЛАНДАУ

под редакцией и с комментариями
Ф. Б. ШУВАЕВОЙ

Вступительная статья
В. П. ВОЛГИНА

MCMXLVII

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва — Ленинград

*CODE DE LA NATURE,
OU LE VÉRITABLE
ESPRIT DE SES LOIX,
DE TOUT TEMS NÉGLIGÉ OU MÉCONNU
PAR-TOUT, CHEZ LE VRAI SAGE.*

1755

Академик

В. П. ВОЛГИН

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ МОРЕЛЛИ

I

Имя Морелли не пользовалось популярностью в XVIII веке, в те годы, когда писались и распространялись его книги. Значительнейшее его произведение — „Кодекс природы“ было опубликовано в 1755 г. анонимно и долго, вплоть до XIX века, приписывалось Дидро. В 1773 г. „Кодекс“ даже вошел в лондонское издание сочинений великого энциклопедиста. В 1796 г. Бабеф в своей защитительной речи ссылался на Дидро как на автора „Кодекса“, называя его учителем коммунизма. Впервые под фамилией Морелли „Кодекс“ появился лишь в 1841 г. в издании Вильгарделя. Об авторе „Кодекса“ современники ничего не могут нам сообщить.

Не расширили наших знаний о нем и последующие изыскания. Но, кто бы он ни был, в истории социализма ему должно быть отведено, несомненно, видное место.

Морелли заслуживает внимания и изучения прежде всего как учитель Бабефа и „равных“. Идейные корни бабувизма — в учении Морелли, несмотря на все изменения, внесенные бабувистами в это учение. Коммунисты-практики, отделенные от учителя Великой буржуазной революцией, конечно, должны были известным образом приспособить к опыту и потребностям своего времени несколько старомодного просветителя середины XVIII века. Но они во всяком случае теснейшим образом к нему примыкают и сами в полной мере признают влияние „Кодекса“ на формирование их коммунистических взглядов. Непосредственное пропагандистское воздействие книги Морелли не ограничивается, однако, XVIII веком. Морелли является учителем не только для Бабефа, но и для следующего поколения коммунистов. Новый подъем коммунистических настроений во Франции в 30—40-х годах XIX века возрождает интерес к старым коммунистическим писателям, и среди них одно из первых мест занимает Морелли. Его влияние на коммунистическую концепцию Каба совершенно бесспорно. В той или иной мере оно сказывается и в других построениях этого периода.

Морелли — типичнейший представитель определённого этапа в развитии социалистической теории, чистейший выразитель рационалистического социализма. Для рационализма в области общественной философии характерно противопоставление разумного порядка неразумному. Существует некий порядок, соответствующий естественным свойствам человека — человека вообще, независимо от условий времени и места. Этот порядок может быть установлен, „открыт“ разумом, выведен им из природы человека. Это и есть разумный, или, иначе, естественный, строй. Но человек не живет в условиях естественного строя. По неразумию, по ошибке разума он уклонился от велений природы. Существующий общественный строй неестественен и неразумен, он плод человеческого неведения. Чтобы от него освободиться, свет разума должен рассеять тьму этого неведения. Чтобы истина победила, нужно только ее открыть и распространить среди людей. История человечества складывается из ошибок человеческого разума и его открытий.

Элементы этой рационалистической концепции мы можем найти у всех представителей утопического социализма, начиная с Томаса Мора и кончая утопистами первой половины XIX века. Для Мора окружающий его общественный строй неразумен и нецелесообразен. Задача его обновления — одновременно задача просвещения, общественный идеал —

система, соответствующая природе человека. С другой стороны, и для Фурье его общественный закон — открытие просвещенного разума, его план преобразования соответствует природе человека и основным силам, управляющим человеческим поведением и им, Фурье, впервые установленным. Таким образом, рационализм составляет основную тон социалистической мысли домарковского периода. Но отдельные ее представители проникнуты рационализмом далеко не в равной мере. Чем ближе к середине XIX века, тем явственнее звучит в их построениях нота исторического реализма, торжествующая над рационализмом у сен-симонистов, причудливо сплетающаяся с ним у Фурье. Однако те или иные оговорки к рационализму мы можем найти и гораздо раньше — даже у Мора, даже в рационалистическом XVIII веке.

Для Мора существующий строй — неразумный, нецелесообразный строй. Но он знает в то же время, что этот строй выгоден определенным общественным группам, которые пользуются всеми средствами, чтобы его увековечить, что законы — это хитро-сплетения, придуманные богатыми от имени государства, что препятствием к осуществлению разумного строя является не только невежество, но и интерес власть имущих. Еще более ясно сознание противоречия общественных интересов у Мелье, писателя начала XVIII века. И для него корень зла —

в невежестве людей, позволяющем им верить в то, что не соответствует разуму. Но этим невежеством воспользовалась и продолжает пользоваться в своих корыстных целях определенная группа обманщиков. Чтобы покончить с царящей в мире несправедливостью, мало просвещения; оно необходимо, но не достаточно. Нужна еще борьба, борьба угнетенных против угнетателей, которые добровольно не сдадут своих позиций.

У Морелли мы таких оговорок почти не встретим; замечания, которые можно истолковать как отклонения от рационализма, звучат у него очень слабо и неопределенно. Это не делает чести его наблюдательности, но это придает его теории исключительную стройность и последовательность, делает ее исключительно удобной для изучения в качестве образчика рационалистического социализма.

Общественная теория Морелли есть теория естественно-правовая. Естественно-правовое, это детище рационалистического мирозерцания, ко времени Морелли отлилось уже в совершенно законченные, классические формы. Естественно человек, естественно право, естественно состояние — все эти этапы не раз уже были пройдены рационалистической общественной мыслью. Исходный пункт теории — представление о человеке, каким он выходит из рук природы, о человеке, свободном от всех условностей того или

иного общественного строя, об естественных свойствах такого человека и о связанных с ними естественных его правах — был, можно сказать, почти бесспорным, почти общепринятым. Иначе подходить к анализу общественных явлений в середине XVIII века было почти невозможно. Очень широко распространено было также и историческое воззрение, связанное с этими теоретическими предпосылками — воззрение, согласно которому жизнь человечества началась с естественного состояния, когда человек жил, повинаясь лишь нормам естественного права; воззрение, согласно которому это счастливое состояние было утрачено человеком с переходом его к нормам положительного права, порывающим с природой и ее велениями. Эта идея естественного состояния, являющаяся рационалистическим вариантом старинной идеи золотого века в прошлом человечества, была с полной отчетливостью формулирована Гроцием и уже в начале XVIII века имела достаточное количество откликов во французской литературе, начиная с теоретических рассуждений и кончая беллетристической зарисовкой „доброе дикаря“, противопоставляемого испорченному культурой европейцу. Морелли, приступая к анализу общественных отношений, имел пред собою, таким образом, пути достаточно уже проторенные.

„В области морали природа одна, постоянна, неизменна“ — таков основной принцип

общественной теории Морелли. Законы человеческой природы никогда не меняются. Правда, факты говорят об изменчивости нравов диких и цивилизованных народов. Но это отнюдь не значит, что происходит изменение в их природе; это означает лишь, что некоторые народы удаляются от ее правил, тогда как другие остаются им верны. Портятся нации, но не природа. „Человек покидает истину, но истина не погибает“. И всякий... народ может быть приведен в согласие с природными законами, если он будет точно соблюдать то, что природа требует.*

Задача разума законодателя — постичь законы природы и найти положение, при котором человек наименее уклонялся бы от природы, т. е. сделать надлежащие выводы из ее законов. Человеческое общество, чтобы быть счастливым и нравственным, должно жить по кодексу природы.

Идея „природы“ является центральной идеей построения Морелли. Но она сочетается у него, как у многих других просветителей XVIII века и у всех ранних социалистов, с идеей „бога“. Теория естественного права, тесно связанная на первых этапах своего развития в средневековой Европе с теорией права божественного, носит на себе и в рационалистическом XVIII веке известные отпечатки этой связи. Бог — это „первопричина“, создатель мирового порядка, действующий

* Морелли. Кодекс природы, 84.

исключительно через установленные им законы природы. Он дал принцип движения в мире физическом; он дал такой же неизменный принцип и для человеческих деяний. Таким образом, человек, постигая разумом закон природы, тем самым постигает план бога. Интересно отметить, как близки к этому ряду мыслей соответственные рассуждения Фурье. Влияние Морелли на Фурье, хотя последний и не разделяет коммунистических взглядов Морелли, вполне возможно.

Состояние общества, соответствующее природе и разуму, представляет собою не только нечто искомое — это совершенно реальная фаза в истории человечества, ее начальный пункт. Естественный человек, человек, живущий по законам своей природы, — это первобытный человек. Он вышел из рук природы беспорочным, его инстинкты, его естественные потребности должны были вести его и действительно вели в естественной обстановке, не к злу, а к благу. „У человека нет ни врожденных идей, ни врожденных наклонностей. В первые минуты своей жизни он погружен в полное безразличие“. Но он тотчас же выходит из этого безразличия под давлением слепого, животного инстинкта самосохранения. „Природа мудро соразмерила наши потребности с ростом наших сил“. Если бы потребности находили свое удовлетворение без всякого напряжения сил человека, то человек оставался бы в первоначальном состоянии, у него не было бы никаких

стимулов к развитию. „Легкость их удовлетворения не требовала бы знаний, превосходящих инстинкт животного, и человек был бы не более общественным, чем животное“. В действительности природа устроила человека так, что его потребности всегда немного превосходят пределы его возможностей. Этот столь же простой, сколь удивительный механизм был как бы специально создан для того, чтобы создать из человеческого рода наиболее прекрасное сочетание. Слабость, недостаточность сил отдельного человека толкала его к объединению с другими людьми. Человек, видя, что он не может своими средствами вполне удовлетворить свои потребности, начал искать сближения с себе подобными, чтобы в совокупных действиях, в общественности найти недостающую ему силу. Человек неизбежно должен был стать существом общественным.*

Мы видим, что Морелли, в согласии с французской материалистической философией XVIII века, выводит общественные свойства, а следовательно и мораль человека, из самосохранения (Гельвеций, Гольбах и др.). Стоит припомнить, что „Кодекс природы“ появился на три года раньше знаменитой книги Гельвеция („De l'esprit“, 1758). Однако у Морелли можно найти также элементы другой моральной концепции, связанной с идеей божества и божественного плана.

* Морелли. Кодекс природы, 62.

Так, он утверждает, что божество вложило в человеческое сердце неизгладимую „честность“, что чувство, повелевающее ему творить добро, — врожденное чувство.*

Равенство потребностей и разнообразие способностей должны были закреплять общественный дух, солидарность в человечестве. Первое предсказывало идею равенства права, второе усиливало сознание пользы объединения усилий. Чтобы ничто не смущало этой солидарности, природа дала человечеству в неделимое общее владение землю, плодами которой все имеют равное право пользоваться. Естественный человек не знает частной собственности. „Мир есть стол, на котором достаточно пищи для всех сотрапезников, и она принадлежит иногда всем, потому что все голодны, иногда лишь некоторым, потому что остальные уже насытились. Никто поэтому не является неограниченным хозяином мира и не имеет права притязать на это“. ** Такое естественное состояние не только факт отдаленного прошлого. Людей, свято соблюдающих эти священные законы общей матери — природы, можно найти и сейчас, — утверждает Морелли. Их он видит в тех самых североамериканских племенах, идеализация „естественного“ быта которых так широко распространена во французской литературе XVIII века, начиная

* Морелли. Кодекс природы, 163.

** Там же, 64.

от отцов-иезуитов, посещавших Новый Свет в качестве миссионеров, и кончая Руссо.*

„Почти все народы, — говорит Морелли, — имели или имеют еще и теперь представление о золотом веке“. Таким золотым веком и был в действительности тот век, когда человек жил в характеризованной выше изначальной общественности. Как же произошел переход от этого первоначального общественного строя, основанного на равенстве и общности, к существующему строю, основанному на неравенстве и частной собственности? Как произошло отпадение человечества от природы?

Золотой век — век первобытной невинности. Человек живет в коммунизме, не сознавая, что это наилучший возможный для него строй, и в этой *несознательности его* — единственный недостаток, делающий возможным его порчу.** Размышляя над непосредственными „физическими“ причинами порчи человеческих обществ, которые, конечно, не имели бы значения без указанной духовной причины — несознательности, — Морелли видит их в размножении человечества и его последствиях. „Всякий народ, сколь бы многочисленным он ни стал... обязан своим началом одной или несколькими соединившимся семьям“. Пока эти семейства не велики, они подчиняются естественной и мягкой власти

* Морелли. Кодекс природы, 84.

** Там же, 160.

отцов. Единственные законы в этот патриархальный период — законы родственной привязанности и нежности. Отец наделяет всех общими благами и ничего не присваивает в собственность. Так управляются народы Америки, так управлялись древние скифы (ссылка на скифов устанавливает непосредственную связь между теорией естественного состояния Морелли и соответственными древнегреческими теориями; в классической литературе, особенно в римской, Морелли вообще обнаруживает значительную начитанность). Нужды в писанных законах эти народы не знают. Но, по мере роста числа членов семейств, роста народов, связывавшие их родственные чувства и покоившаяся на этих чувствах власть отцов неизбежно должны были ослабевать. Еще скорее разлагались общественные связи патриархального периода в тех случаях, когда народу под давлением роста населения приходилось переселяться на новые места. Старый порядок разрушался, на его месте не возникал новый; человечество неизбежно должно было вступить в период смут и раздоров, выход из которого был только в создании новой власти, новых учреждений, основанных уже не на чувствах, а на точных законах.*

Здесь-то и была совершена величайшая ошибка в истории человечества. Народы или, вернее, те законодатели, которым они

* Морелли. Кодекс природы, 103—104.

доверили создание новых учреждений, совершенно не поняли стоявшей пред ними задачи. Законы должны были стремиться к одной цели — к восстановлению разрушенного естественного порядка, разрушенной первоначальной общественности. Частные постановления должны были явиться как бы выводами из общего закона природы, во всяком случае должны были с ними согласоваться. Морелли пытается представить наглядно, что делал бы *мудрый законодатель* в таких условиях. Для этого он отправляет своего гипотетического мудреца в Америку и заставляет его законодательствовать для американских охотничьих племен.

Конечно, этот мудрец постарается научить дикарей новым для них искусствам и ремеслам. Он разъяснит им всю пользу земледелия и скотоводства, все их преимущества над охотой и рыбной ловлей, которыми они добывают себе средства существования. Но охотничьи племена считают всю землю племени общим достоянием. Будет ли законодатель советовать им разделить ее на отдельные участки для обработки? Конечно, нет. Он позаботится о том, чтобы сохранить естественную общность земли, на которой основывается их общественность. „Все обстоятельства окажутся благоприятными для его планов, лишь бы он не устанавливал никакого раздела — ни произведений природы, ни произведений человека“. Переход к новым способам производства потребует, конечно,

ряда новых, более детальных норм, его регулирующих. Нужно будет определить количество предметов всякого рода, необходимых для удовлетворения потребностей всех членов общества. Нужно будет определить степень полезности разных профессий. Нужно будет определить время работы и количество продуктов для каждого трудящегося. Нужно будет распределить работу между отдельными группами в зависимости от их способностей. Все это будет, конечно, необходимо. Но не будет никакой необходимости в установлении частной собственности, которая вовсе не является условием перехода от варварства к культуре.*

В таком обществе, которое совершенствуясь сохраняет в то же время неизменным принцип общности имущества, не будет места всем обычным в прочих обществах смутам, политическим превращениям и тирании. Безразлично, каково будет его политическое устройство. Народ может сохранить демократию, т. е. власть отцов семейств; может ввести аристократию, т. е. передать власть мудрым; может создать монархию, т. е. вручить управление политическим механизмом одному. Даже самая опасная из этих форм — монархия — никогда не вырождается в тиранию, если в обществе не будет частной собственности.** „В обществе, устроенном

* Морелли. Кодекс природы, 86—87.

** Там же, 102.

таким образом, никто не захочет властвовать, ибо в нем не будет собственности, которая могла бы внушать желание поработать других. Тиранов не может быть в таком обществе, где власть состоит в возложении на себя самых трудных обязанностей и забот...“*

Такие перспективы раскрываются перед обществом, законодатели которого правильно поняли свою задачу — регулировать жизнь общества в согласии с основными законами природы. В действительности такого понимания у первоначальных законодателей не было. Законы должны были устранить злоупотребления, уничтожить укоренившиеся в переходный период пороки, восстановить первоначальный чистый закон общественности и сделать из него необходимые частные выводы. Вместо того они взяли отношения людей такими, какими они уже были в эпоху смут, попытались лишь внести в эти отношения, далеко ушедшие от отношений естественных, некоторое равновесие, без которого не может существовать общество. Так, благодаря невежеству первых законодателей, получились искусственные и случайные законы, противоречащие „вечному закону, из которого они должны были бы черпать свою силу“. Бог допустил, чтобы рядом с его непреложными законами человеческий разум построил свои слабые силы свой собственный нравственный мир. Мы увидим ниже,

* Морелли в Кодекс природы, 87.

как укладывается это допущение в общие планы божественного провидения.

Рост населения разорвал узы родственных чувств, переселения расстроили общность владения, между отдельными семьями возникли различия. Законодатели, вместо того чтобы бороться с этими бедами, с этими нарушениями законов природы, закрепили навсегда разрыв общества с природой, установив *частную собственность*. Между тем частная собственность — это источник и причина всяческих общественных зол, *summi materia mali*, как выражается Морелли. Мы переходим здесь от прошлого к настоящему, от теории возникновения и развития человеческого общества к критическому анализу существующего общественного строя основанного на частной собственности. И нужно сказать, что эта часть системы Морелли гораздо менее интересна. Морелли меньше всего экономист, круг его экономических знаний весьма и весьма ограничен даже в сравнении с другими писателями той же рационалистической школы социализма, вообще не сильной в экономике. XVIII век знает ряд попыток выяснения отрицательных экономических и социальных последствий института частной собственности. Некоторые из них — например теория Н. Ленге — уже предвосхищают построения послереволюционные. Морелли в своей критике существующего — прежде всего моралист, для него важны прежде всего моральные

последствия ухода человечества от природы, моральное разложение, вызываемое частной собственностью.

Нельзя говорить о пороках естественного человека. Даже эгоизм, эта „стоглавая гидра“, представляет в порядке природы только невинное желание сохранить свое бытие. Человек становится порочным лишь тогда, когда порывает с природой. Ложная политика и ложная мораль превращают его естественные качества в пороки (здесь вновь вспоминается Фурье с его учением о страстях и их извращении в цивилизации). В сущности говоря, есть только один порок — жадность. Это — основание и проводник всех пороков. „Анализируйте тщеславие, фатовство, гордость, честолюбие, хитрость, лицемерие, злодейство... всюду вы получите в конечном результате этот тонкий, губительный элемент — любостяжание“.* Ясно, что желание владеть, жадность могли возникнуть только там, где возможен частный интерес, где существует частная собственность. Следовательно, в частной собственности приходится видеть причину всех моральных недостатков, свойственных человечеству. С этими моральными недостатками связаны для Морелли и недостатки политических систем. Для него, как и для другого мыслителя XVIII века, Мабли, вообще чрезвычайно ему близкого, мораль и политика — в сущности одно и то же.

* Морелли. Кодекс природы, 69.

Везде, где существует частная собственность, правит одна сила: личный интерес. И там, где она правит, тщетно искать какой-то совершенной формы, обеспечивающей человечеству свободу. Каково бы ни было правительство, каковы бы ни были законы, положение останется одинаковым, если не подрезаны самые корни личного интереса, если не уничтожена частная собственность.*

Дальше этого указания на личный интерес как на силу, господствующую над личными и над политическими отношениями, Морелли не идет. Конечно, у него есть общая характеристика положения богатых, праздных и пресыщенных, и бедноты, которую нужда вынуждает работать сверх сил и жить впроголодь.** Но эта характеристика составляет обычный для литературы XVIII века трафарет, в ней совсем нет конкретных черт, сколько-нибудь своеобразных и интересных.

II

Общественная теория Морелли не безнадежна. Мы знаем, как пессимистически смотрел на будущее европейских обществ Руссо, для которого их социальное обновление так же невозможно, как возврат старца в юношеский возраст. Мы знаем, что к столь же пессимистическому прогнозу приходил

* Морелли. Кодекс природы, 130.

** „Basiliade“, II, 47—77.

и Мабли, учение которого о развитии человеческих обществ почти полностью воспроизводит изложенное нами выше учение Морелли. Морелли, в противоположность Руссо и Мабли, — оптимист, и его оптимизм тесно связан с его последовательным рационализмом.

Мабли не верит в возможность возврата человечества к естественному состоянию. Он рассуждает так: естественный коммунизм был возможен потому, что в естественном человеке были общественные качества и не было страстей; возникновение частной собственности и частного интереса извратило природу человека, превратило его естественные свойства в жестокие страсти; против страстей же бессильны доводы разума. „В обществе с земельной собственностью, с неравенством ни один порядок не может казаться всем наилучшим. Общество разделено на классы, а классы имеют враждебные интересы“.* Нельзя убедить бедного в том, что его бедность естественна и необходима, нельзя убедить богатого, что он должен отказаться от своего богатства. Наши повелители — страсти, а не логическая очевидность.** Следовательно, в деле преобразования общества нельзя рассчитывать на просвещение. А так как Мабли, с другой стороны, не видит в обществе таких страстей, которые вели бы к коммунизму, то он и приходит к своему

Mably. Doutes sur l'ordre naturel, 38.

** Там же, 48.

безнадежному выводу. Элементы реализма в его теории делают его с неизбежностью пессимистом.

В теории Морелли эти элементы реализма отсутствуют. Он знает, — мы это видели, — что частная собственность порождает личный интерес и вытекающие из него пороки. Но превыше всего для него сила разума. Как недостаток разумного понимания, недостаток просвещения обусловил *ошибку* первоначальных законодателей, установивших частную собственность, так успехи разума, успехи просвещения дадут возможность эту ошибку исправить и вернуться к естественному строю. Морелли является горячим защитником теории прогресса. Прогресс, — говорит он, — всеобщий закон природы. „Явления, в которых я его наблюдаю, показывают мне, что везде, вплоть до комариного крылышка, существует последовательное развитие; я испытываю, я чувствую прогресс моего разума. Я вправе, следовательно, сказать, что по чудесной аналогии существуют благоприятные приращения и в области моральной и что, несмотря на свою силу и свою мягкость, законы природы лишь постепенно приобретают полную власть над человечеством“.*

Понятие прогресса носит у Морелли явно телеологический характер. *Необходимым* представляется ему лишь то, что вытекает из свойств, данных человеку природой, —

* Морелли. Кодекс природы, 159.

ными словами, естественное состояние и естественные законы. Отпадение человека от природы и все развитие человечества в рамках искусственных законов, с его естественно-правовой точки зрения, случайны (аналогичное этому представление мы находим, между прочим, у Платона). „Случайности заглушили у народов чувство кровного родства“. „Тысяча случайностей оторвала людей от невинности и честности“. Наконец, „преходящие случайности“ — все беды, через которые проходит человечество на своем историческом пути. Этапы исторического развития не составляют у Морелли необходимых звеньев единой цепи, связанной причинной зависимостью. Но зато все „случайности“ истории складываются очень стройно в цепь телеологическую. Через них „всемогущая сила замышляет привести человеческий род к постоянному состоянию доброты“, „по этим ступеням провидение ведет человеческий род к совершенству“. Телеологический момент присущ в той или иной форме всем старым теориям прогресса. У Морелли он выступает в чистом виде; связь прогресса с „целями провидения“ в его философии общества ничем не затемнена.

В начале своей жизни народы чувствовали только необходимость общества, но они не знали, — я уже на это указывал, — какое общество является наилучшим. Они пользовались всеми благами естественного состояния, не размышляя о нем. Только пройдя

через тысячу испытаний, человеческий разум мог открыть, что нет более счастливого состояния, чем состояние чистой природы. Чтобы убедиться в этом, чтобы перейти от бессознательного золотого века к сознательному, — а только сознательность и может придать прочность общественному строю, — человечество должно было пройти через ряд бедствий. Бедствия эпохи варварства показали людям цену их естественного состояния. Они пытаются приблизиться к этому состоянию посредством законов, сначала несовершенных, затем все более и более целесообразных. Одни законы сменяют другие. Пройти через разные формы правления, разные системы было необходимо, чтобы люди поняли, в чем их истинное благо. Но рано или поздно этот опыт объединит все голоса в пользу природы. „Очистившийся разум привыкнет прислушиваться к ее урокам и повиноваться всегда ее внушениям“. Так по ступеням испытаний поднимается человечество от коммунизма бессознательного в прошлом к коммунизму сознательному в будущем.

Коммунистическое общество будущего должно представлять собою, по Морелли, единое хозяйственное целое, руководимое единым хозяйственным планом, учитывающее потребности всех членов общества и распределяющее между ними труд. Коммунизм Морелли носит централистический характер. Он предполагает сложную хозяйственную

организацию с далеко идущим разделением труда и с иерархией хозяйственного управления. Эта централистическая концепция господствует в „Кодексе природы“, хотя в более раннем произведении Морелли — „Базилиаде“ мы находим известные отклонения в сторону коммунизма общинного, дробящего общество на мелкие, самодовлеющие хозяйственные единицы (по тысяче человек в каждой).^{*} Общей характеристикой коммунизма Морелли, однако, не ограничивается. Он дважды возвращается к более детальному изображению построения коммунистического общества: первый раз в „Базилиаде“, второй раз — в четвертой книге „Кодекса природы“.

Изображение, данное в „Базилиаде“, и по форме и по существу гораздо менее интересно, чем изображение „Кодекса“. Конечно, и в „Кодексе“ основные мысли взяты Морелли или непосредственно у Мора и Кампанеллы, или у более ранних французских утопистов — Вераса, Гёдвилья и др. Однако эти старые мысли во многом развиты у Морелли очень оригинально и изложены они у него не в форме рассказа о строе, где-то, в какой-то фантастической стране осуществленном, а в новой форме — готовых, разбитых по статьям проектов законов. Эти проекты, несомненно, дали теоретическую основу и послужили образцом для тех законов,

^{*} „Basiliade“ I, 107.

которые составляли заранее на случай успеха своего заговора Бабеф и его товарищи.* Более того: самыми разнообразными путями проекты Морелли перешли и в позднейшую коммунистическую литературу начала XIX века, которая сплошь и рядом пользуется ими, не только не указывая, но часто, вероятно, и не зная своего источника.

Принципы строя, соответствующего поведению природы, формулированы у Морелли в трех „священных законах“**. Первый из них отменяет частную собственность. Но здесь же делается оговорка, чрезвычайно характерная для Морелли и его времени. В виде исключения сохраняется собственность на предметы непосредственного потребления, а также и на предметы, необходимые „для повседневного труда“. Таким образом, очевидно, орудия ремесла сохраняются в частной собственности ремесленника. Напомним, что и Мор в своей „Утопии“, объявляя войну частной собственности и заставляя утопийцев во избежание развития собственнических инстинктов каждые десять лет менять свои жилища, умалчивает о том, составляли ли орудия труда городских жителей обще-

* Конечно, законы бабувистов более детально разработаны и более практичны. „Равные“ предполагали ввести их в действие на другой день после переворота. Морелли не мечтает о скором осуществлении своего „Кодекса“ и поэтому дает, в сущности, не столько проект закона, сколько схему.

** Морелли. Кодекс природы, 202.

ственную или частную собственность. Морелли склонен приравнять орудия ремесла к предметам потребления. И в этом нет, разумеется, ничего удивительного: он отражает в своих идеальных построениях реальные отношения своего времени, тот уровень техники, при котором в большинстве отраслей производства орудие труда непосредственно связано с личностью трудящегося. Только эпоха промышленного капитализма разорвала окончательно эту связь как в жизненной практике, так и в социалистической теории.

Второй закон обеспечивает гражданину „право на существование“ и „право на труд“. Здесь говорится, что каждый гражданин будет получать от общества содержание и занятие. В связи с этим законом следует обратить внимание на то, как толкует Морелли понятие политической свободы. Он едва ли не первый связывает это понятие не с абстрактными политическими правами, а с обеспечением удовлетворения широко понимаемых человеческих потребностей. „Истинная политическая свобода человека, — говорит он, — состоит в беспрепятственном и безбоязненном пользовании всем, что может удовлетворить его естественные и, следовательно, законные желания“. * Третий закон дополняет второй, устанавливая в соответствии с правами граждан и их обязанность принимать участие в общественном труде. Помимо этого

* Морелли. Кодекс природы, 123.

отчетливого противопоставления прав и обязанностей, связывающих индивидуум с обществом, заслуживает быть отмеченной та постанoвка, которую дает Морелли вопросу об обязанностях гражданина. Содействие, оказываемое личностью общественной пользе, измеряется у него силами, талантом и возрастом. В этой формуле нельзя не видеть прямую предшественницу более позднего социалистического лозунга: *от каждого по его способностям*. Впрочем, никаких конкретных выводов из этой общей нормы Морелли в дальнейшем не делает.

Все частные законы логически вытекают из законов основных, представляют развитие их положений в применении к отдельным сторонам общественного строя. Для определения места Морелли в истории социализма особенно существенны законы, регулирующие производство и распределение продуктов. Как организовано производство в этом обществе, где труд — обязанность каждого гражданина? Как организовано распределение в этом обществе, признающем свою обязанность обеспечивать каждому гражданину содержание?

В области производства Морелли проводит резкую грань между сельским хозяйством и промышленностью. Сельскохозяйственный труд есть повинность всех граждан в возрасте от 20 до 25 лет. Граждане этого возраста составляют как бы особый корпус, в состав которого Морелли включает не только

земледельцев в узком смысле слова, но также пастухов, садоводов, каменщиков и т. п.* Корпус имеет в городе свои особые помещения и мастерские со складами при них.** Противоположности между городом и деревней государство Морелли не знает. Гражданин, достигший 25 лет, может покинуть корпус. Те же, кто добровольно остается в нем, становятся с 26 лет мастерами и руководителями сельскохозяйственных работ. Аналогия между „Кодексом природы“ и „Утопией“ напрашивается здесь сама собой. У Мора, как и у Морелли, земледелие является трудовой повинностью, падающей на молодое поколение, но лишь с более коротким, двухгодичным, сроком. У Мора, как и у Морелли, лица, посвящающие себя сельскому хозяйству как специальной и постоянной профессии, являются исключением. И утописту XVI века и утописту XVIII века земледельческий труд представляется слишком тяжелым для того, чтобы можно было рассчитывать на достаточное число лиц, занимающихся им добровольно в обществе, где нет места экономическому принуждению. Отсюда при исключительной важности сельского хозяйства в общественной экономике своеобразная постановка сельскохозяйственных работ как трудовой повинности, падающей на все население.

* Морелли. Кодекс природы, 208

** Там же, 210

Иначе организована городская промышленность. Каждая профессия здесь составляет корпорацию, цех. Каждый ребенок, начиная с 10 лет, поступает уже в ведение того или иного цеха. Там, в помещениях цеха, он живет, там он получает свою техническую выучку до 15 или 16 лет. От 16 до 20 лет граждане — простые рабочие той же профессии.* В 25 лет, отбыв земледельческую повинность, они могут вернуться вновь к своей старой работе, но могут избрать себе и другую. В первом случае они становятся мастерами через год, в 26 лет, во втором — через пять лет, в 30 лет. Однако эта свобода выбора профессии ограничена тем, что общество фиксирует число рабочих каждого цеха в зависимости от общественных потребностей. Мастер обучает известную группу более молодых рабочих, следит за их работой, отвечает за нее пред главой цеха. Звание мастера пожизненно, звание главы цеха чествуют мастера поочередно, каждый в течение одного года. По достижении 40 лет гражданин освобождается от труда, подчиненного этой цеховой регламентации. Он может выбирать себе работу совершенно свободно, по вкусу, но во всяком случае ту или иную работу на пользу обществу он по-прежнему должен нести.**

* Морелли. Кодекс природы, 213—214.

** Там же, 212—214.

Как обучение ремеслу детей, так и работа взрослых оторваны от семьи. Семья не является у Морелли, как у Мора, производственной единицей. У Мора ремесленная мастерская, как в средневековом ремесле, связана с домохозяйством. У Морелли эта пуповина разрезана, производство каждой профессии сосредоточено в особых мастерских, иерархия труда освобождена от патриархального характера — руководят производством мастера, а не отцы семейств.* Организация производства, таким образом, по своему типу больше приближается к мануфактуре. Различие весьма существенное и сводящееся, конечно, к различию в том материале конкретных наблюдений, каким располагали Мор в начале XVI века и Морелли в середине XVIII века для построения своих идеальных зданий. XVI век в общем не знал централизованных промышленных предприятий, для XVIII века они не были уже редкостью.

Общественное производство соразмеряется с общественными потребностями. Все продукты производства берутся на учет и затем распределяются между гражданами. Ни торговли, ни обмена между гражданами не допускается. Все им необходимое они получают от государства. Продукты скоропортящиеся распределяются теми же лицами,

* Нечто близкое к построению Морелли мы имеем у Кампанеллы, но у него вопрос об организации производства затронут лишь слегка.

которые ведают их производством, на общественных рынках. Продукты более стойкие сосредоточиваются в общественных магазинах и распределяются уже оттуда ежедневно или в назначенные сроки. Распределение производится лицами, достигшими 40-летнего возраста, т. е. свободными в выборе труда, под надзором должностных лиц (начальников триб).*

Ко времени Морелли основной принцип коммунистического распределения был уже достаточно отчетливо формулирован в социалистической литературе. Этот принцип был установлен по существу еще первыми утопистами — Мором и Кампанеллой. Ни тот, ни другой не признают арифметического равенства в распределении. Оба говорят о выдаче обществом каждому гражданину всего, „что нужно“, ** или о том, что „никто не терпит недостатка не только в необходимом, но даже и в утехах“.**. Вместе с тем оба допускают известные легкие отклонения от этого правила в сторону принципа „каждому по его делам“, разрешая выделять должностных лиц и лиц, оказавших известные услуги, улучшенными выдачами. Морелли, в качестве общего правила, предполагает распределение по потребностям, не стесняе-

* Морелли. Кодекс природы, 224.

** Т. Мор. Утопия, Academia, 1935, стр. 119.

*** Кампанелла. Государство солнца, „Academia“, 1933.

мое арифметическими расчетами; дополнительных выдач, в противоположность своим учителям, он не устанавливает. Но он считает возможным случаи, когда того или иного предмета потребления нехватает на всех желающих его получить; тогда выдачи либо принудительно сокращаются, либо вовсе прекращаются до тех пор, пока производство не покроет этого дефицита. С другой стороны, законы о роскоши предписывают умеренность в потреблении, начальствующие лица сурово карают за их нарушение. Таким образом, и Морелли не чужды черты грубой уравнительности и аскетизма, отмечаемые Марксом и Энгельсом как характерные для литературы, сопутствующей первым движениям пролетариата.*

Общественная организация потребления по „Кодексу природы“ существует лишь для определенных категорий граждан. Общественное питание получают в своих домах, где они и живут, все дети от 5 до 10 лет; общественное питание получают в мастерских, где они и живут, подростки от 10 до 15 лет; повидимому, общественные столовые имеются и у корпуса земледельцев, который тоже живет в особых помещениях; наконец, полное содержание получают больные

* „Революционная литература, сопутствовавшая этим первым движениям пролетариата, по своему содержанию необходимо является реакционной. Она проповедует всеобщий аскетизм и грубую уравнительность“ (Маркс и Энгельс. Соч., т. V, стр. 509).

и инвалиды. Потребление всех прочих граждан приурочено к семьям, связано с домохозяйством семьи. В этом отличие „Кодекса“ от „Утопии“, которая стремится покончить с домохозяйством, противопоставляя домашнему столу общественный стол, и от „Города солнца“, где домохозяйству совсем нет места, как нет места и индивидуальной семье.

Морелли совершенно чуждо стремление Кампанеллы, следующего в этом вопросе за Платоном, растворить семью в более широкой общественной организации, всецело подчинить отношения полов общественным интересам. Он принимает и освящает в своем государстве индивидуальный брак. Он подчиняет брак довольно суровой регламентации; но эта регламентация имеет целью закрепить индивидуальную семью, ввести в законное русло и тем смирить силы, ее разлагающие. Морелли делает брак в известном возрасте обязательным для всех граждан; он идет на уступки, разрешая развод, но ограничивает право развода, допуская его лишь после десятилетнего брака, ограничивает права разведенных, сурово карает прелюбодеяние. Крепкая, устойчивая индивидуальная семья играет существенную роль в его государстве. Правда, она, как мы видели, потеряла у него значение основной хозяйственной ячейки. Но она сохранила значение основной ячейки политической: нация делится у Морелли на города, город — на трибы, триба — на семейства. И политические права приурочи-

ваются в „Кодексе природы“ не к гражданину, а к отцу семейства. Только отец семейства может быть главою трибы, города и нации.

Мор, в учении которого семья имеет не меньшее значение, чем в системе Морелли, на семью возлагает в известной степени и задачу воспитания молодого поколения. Морелли оставляет ребенка в семье только до 5-летнего возраста; с 5 лет все дети поступают в детские дома, где они получают общественное воспитание. Здесь их наставляют в правилах морали, разъясняют им законы государства. Параллельно идет и физическое воспитание: в играх и в занятиях, соответствующих возрасту, дети готовятся к предстоящему им труду. С 10 лет дети передаются в мастерские, где уже центр тяжести лежит в профессиональном образовании. Однако в связи с профессиональным продолжается и образование морально-политическое. Основная цель последнего — уяснение разумности и целесообразности существующего строя, искоренение тех свойств, развитие которых может повести к возрождению духа собственности. Интересно, что Морелли называет свои мастерские в то же время общественными академиями. Это тесное сплетение умственного труда с физическим составляет характерную черту всей позднейшей социалистической теории школы. Но Морелли не первый формулирует эту идею. Он заимствует ее, как

и всю систему общественного воспитания, у Кампанеллы, которого, несомненно, приходится считать одним из родоначальников теории трудовой школы.

С 15 лет подростки вступают в жизнь и возвращаются к семейному очагу, чтобы заниматься той профессией, которой они обучались. Лишь наиболее способные из них, в числе, определенном государством, продолжают заниматься наукой, что не освобождает их, однако, в установленный возраст от отбывания земледельческой повинности. Кроме них могут заниматься наукой и другие граждане, но только по достижении 30 лет. Пределы научных изысканий в области морали и метафизики строго ограничены истолкованием основных принципов, формулированных в законах; всякое мудрствование, выходящее из этих пределов, воспрещается. Ведь законы идеального общества Морелли — это законы природы. Отклонение от них — как бы грехопадение человеческой мысли, опасное и потому недопустимое. Зато в отношении наук о природе и наук технических предоставляется полная свобода исследования. Государство создает как бы энциклопедию, в которой остается неизменной часть морально-философская и растет часть физическая, математическая и механическая. Интерес к развитию естественных наук роднит Морелли с буржуазной просветительной литературой его времени и соответствует стремлению Морелли к возможно полному удовлетворению всех чело-

веческих потребностей. Идея стабилизации наук общественно-философских еще раз напоминает о том, что „недостаток материальных условий“ для освобождения пролетариата необходимо отражается в ранней коммунистической литературе реакционными чертами.*

Социальная философия Морелли и его план экономической организации будущего общества типичны для известного момента в истории социализма и именно поэтому оказали на его дальнейшее развитие большое влияние. Особняком стоит план организации управления в „Кодексе“. Он очень своеобразен: он порывает и с традицией выборности должностных лиц, восходящей к Мору и сохраняющейся во французской утопической литературе XVIII века, и с традицией просвещенного абсолютизма, которой отдал дань, между прочим, сам Морелли в „Базилиаде“. Но зато этот план и оказался наименее влиятельной частью книги. Как я уже указывал, политические права имеют у Морелли только отцы семейств. Но они не избирают должностных лиц, а сами поочередно и в восходящем порядке занимают общественные должности. Каждая семья поочередно дает начальника трибы, каждый начальник трибы поочередно в течение одного года исполняет обязанности начальника города, причем в должности начальника трибы его

* См. сноску на стр. 35.

замещает следующий отец и т. д., вплоть до главы всего государства. В одном только случае Морелли говорит о депутатах: сенат государства составляется из депутатов от сенатов каждого города. Но и здесь депутатами являются все члены данного городского сената поочередно, на один год каждый. Члены же городского сената — это все отцы семейств, достигшие 50 лет. Таким образом, порядок, предлагаемый Морелли, является причудливым преобразованием и расширением патриархального порядка, достигаемым при помощи применения очереди и с полным исключением каких бы то ни было выборов.

Очевидно, выборы достойнейшего представляются Морелли нарушением принципа равенства граждан: в обществе равных все должны быть равно достойны. Исключая в своем идеальном государстве принцип выборности, Морелли тем самым подрывает корни и у представления об „умственной аристократии“ — представления, господствующего в построении Кампанеллы и еще очень ясно сказывающегося у ближайшего предшественника Морелли — Вераса. Из утопистов XVI—XVIII веков Морелли, пожалуй, ближе всех подходит к идее уничтожения противоположности физического и умственного труда, хотя и со свойственными его времени уравнительными чертами. В его системе нет граждан, которые были бы совсем свободны от физического труда; и все

имеют возможность заниматься трудом умственным.*

. Таковы главные положения „Кодекса природы“. Выделив их и установив их отношение к соответственным пунктам более ранних и современных Морелли социалистических теорий, мы тем самым определили место, которое должен занимать наш автор в истории социализма. Конечно, социализм Морелли — не пролетарский социализм. Пролетариат, естественный носитель социалистического идеала, в середине XVIII века еще очень немногочислен и очень далек от понимания своих классовых интересов. Социализм Морелли не имеет глубоких корней в народных массах. Это смелая мечта, отвечающая настроениям небольшой и мало-влиятельной группы интеллигенции, по своему положению наиболее близкой к общественным низам, преимущественно городским, а потому и способной оформить теоретически их еще весьма неясные социальные чаяния. Недаром сам Морелли скрывается где-то в последних рядах — можно сказать, на задворках — французской интеллигенции XVIII века. Еще много времени должно было пройти, пока социалистическая теория, связав свою судьбу с классовой борьбой пролетариата, смогла освободиться от свойственного учению Морелли рационализма и утопизма. Но для своего времени система Морелли

* Морелли. Кодекс природы, 203—242.

составляла крупный шаг вперед. В своей философии общества Морелли дал нам лучший образчик рационалистического социализма, изложенного к тому же впервые в форме теоретического рассуждения; в своем проекте кодекса законов он, резюмируя построения раннего утопизма, связывает Мора и Кампанеллу с Бабефом и коммунизмом нового времени. Изучение Морелли необходимо для всякого, кто интересуется происхождением социалистической теории. Напомним, что Энгельс, составляя в 1845 г. проект „Библиотеки социалистов“, предполагал дать в ней Морелли в первую очередь, раньше Фурье и Оуэна. * Извлечение Морелли из бездны полного забвения не является лишь данью любознательности специалистов-историков — это дело, отвечающее нуждам нашего социалистического просвещения.

* Маркс и Энгельс. Соч., т. XXI, стр. 17.

C O D E
D E
L A N A T U R E ,
O U
LE VÉRITABLE
ESPRIT DE SES LOIX,

De tout tems négligé ou méconnu.

Quæque diu lætatur, canam..... Ovid.

PAR-TOUT,
CHEZ LE VRAI SAGE
M. DCC. LV.

Титульный лист первого издания
„Кодекса природы“

**КОДЕКС
ПРИРОДЫ**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Quaeque diu latuere, canam

*Ovidius**

Non est mora longa...** Будут читать эту книгу, или нет, мне безразлично, но тот, кто приступит к чтению ее, должен окончить ее, прежде чем станет оспаривать содержание книги. Я не хочу ни быть выслушанным наполовину, ни иметь предубежденного судью. Чтобы понять меня, надо оставить самые дорогие свои предрассудки; удалите на минуту эту завесу, и вы с ужасом заметите, что источник и начало всех зол, всех преступлений скрывается именно там, где вы думаете почерпнуть мудрость. Вы ясно увидите, как ходячая мораль и политика

* „Что было долго скрыто, пою“ (Овидий). — Р е д.

** „Не долга задержка“ (Гораций. Оды., 1, 28, стр. 35). — Р е д.

противоречат на каждом шагу прекрасным урокам природы. Если ваше сердце и ум настолько ослеплены их догмами, что вы не можете и не хотите понять их нелепостей, то я предоставляю вас потоку заблуждения. Qui vult decipi, decipiatur.*

* „Кто хочет быть обманутым, пусть будет обманут“. — Р е д.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

НЕДОСТАТКИ ОБЩИХ ПРИНЦИПОВ ПОЛИТИКИ И МОРАЛИ

Предмет настоящего рассуждения

В настоящем рассуждении я развиваю аналитически истины, которые, несмотря на свою простоту и очевидность, почти всегда оставались в забвении или были окружены мраком предрассудков. Я пытаюсь собрать эти истины, рассеянные там и сям в писаниях некоторых наших мудрецов, но перемешанные со столь большим числом ложных мнений или столь слабо выраженные, что они там едва заметны. Я собрал их вместе, чтобы вернуть им всю их силу. В поэме, столько же новой¹ по своему сюжету, сколько по построению, эти истины были облечены недавно в изящную форму эпопеи, придающей им больше блеска и очарования. В настоящей диссертации я не оставляю им других украшений кроме собственной их очевидности.

4 Морелли — Кодекс природы

Состояние разума настолько плачевно, что приходится употребить громадные усилия, пустить в ход тысячу ухищрений, чтобы разорвать ослепляющую его повязку и заставить его направить свои взоры к истинным интересам человечества — такова цель „Базилиады“.¹ Сказав несколько слов о сюжете и плане этой поэмы, я изложу здесь без всяких прикрас систему ее морали.

*Общие размышления о плане и цели
„Базилиады“*

Повидимому, автор полагал, что при помощи живого воображения, направляемого здравым смыслом, можно, не изучая „Поэтики“ Аристотеля и ее комментариев, написать эпическую поэму, отвечающую всем правилам искусства. Сами эти правила гораздо более позднего происхождения, чем работа гения над героическими сюжетами, и именно у творений этого *огня души* они заимствовали свой авторитет. Одним словом, подобно тому, как люди рассуждали — и рассуждали правильно — раньше, чем появилась искусственная логика, так точно прекрасные поэмы существовали раньше, чем стали изучать их построение.

Вместе с автором „Базилиады“ я думаю, что, воздавая должное остроумным вымыслам знаменитых древних и современных писателей, можно все-таки открыть для эпопей

новое поприще и строить ее по плану, в котором отсутствовали бы необузданные поступки, трагические и кровавые события или романические приключения, которые великие поэты считали достойными сюжетами для своих песен.

Все вымыслы этих знаменитых мужей связаны с религиозными, политическими и нравственными предрассудками наций, которые они хотели поучать или которым хотели льстить. Они сами верили в эти предрассудки, и так как их трогало больше правдоподобное, чем действительное, они лишь старались украсить то, что считали хорошим и похвальным.

Рассмотрев внимательно, насколько их мораль ниже басен и аллегорий, которыми они стараются ее украшать, нельзя удержаться от сравнения их с художниками, которые украшали бы великолепной вышивкой дешевенькую материю. Я восхищаюсь красотой работы и презираю материал. Эти счастливые гении желали нравиться, потому что надеялись поучать: их намерение похвально, но в действительности они успели лишь наполовину, они только нравились.

Повидимому, автор воодушевлен, подобно им, честолюбивым стремлением быть полезным человеческому роду и делает усилия превзойти их. Чтобы достигнуть этой цели, он пошел по пути почти совершенно новому, и ему понадобились новые средства. Образца

у него не было. Где же его взять? Именно там, где никому не приходило в голову искать его.

Каждый поэт довольствовался тем, что замыкал свой сюжет в границы какого-нибудь эпизода из истории или легенды о нравах, религии или о славе одной нации; г. М^{***** 2} не поставил себе других границ, кроме тех, которые диктуются истинной пользой всего человечества. Затем ему нужен был герой, способный управлять народом согласно мирным законам безыскусственной природы, следовательно, непохожий на большинство героев, которыми восхищается заблуждение и которым расточает самые пышные титулы лести.

Столь же необходимо было, чтобы действующие силы (*les machines*) этой поэмы были совершенно свободны от тех чудовищных или смешных черт, которыми суеверие почти всегда и везде облакало предметы своих страхов и своего фанатического культа. Нужно, чтобы они не действовали на читателя как пустое (ребяческое) чудесное волшебство, а явили бы ему восхитительную организацию вселенной. Силы, покровительствующие ее герою, должны были представляться великолепными эмблемами единственных истинных атрибутов божества, а не причудливо олицетворенными призраками, которые в обыкновенных наших поэмах имеют своим назначением приводить к развязке смелое предприятие какого-нибудь

сумасброда или выручать из затруднительного положения какого-нибудь несчастного.

Мы не проводим дальнейшей параллели: при знакомстве с названным произведением читатель почувствует сам все эти различия. Он заметит также, что в отношении картин и описаний автор старался, подобно нашим знаменитым писателям, подражать прекрасной природе, и если ему случалось иной раз копировать те же предметы, то он избегал, по мере возможности, брать их в том же положении или с той же точки зрения.

Предоставляю самому читателю судить о новизне картины, так же как о достоинстве замысла и исполнения. Перейдем от средств к главной цели.

Цель эта — показать, что истинный герой — сам человек, созданный опытом природы, и подорвать в корне все жалкие предрассудки, которые делают его глухим к голосу этой доброй законодательницы. Благородство этого сюжета дало начало заглавию поэмы,* и в аллегории „*крушение пловучих островов*“ изображена участь, которую следовало бы уготовить большинству ничтожных идей, затемняющих разум.

* *Базилиада* означает по-гречески героическое деяние человека, поистине достойного быть властителем мира.

*Закоренелые заблуждения ходячей морали,
трудность пронизать их мрак
и пробраться сквозь их массу*

Надо изумляться, больше того — надо признать чудом количество нелепостей, которые наша мораль, почти одна и та же у всех наций, подносит нам под названием бесспорных принципов и правил. Эта наука, которая в своих основных аксиомах и их следствиях должна была бы быть столь же простой и очевидной, как сама математика, искажена в действительности таким множеством туманных и сложных идей, столькими мнениями, основанными на ложных предположениях, что для человеческого ума представляется почти невозможным выбраться из этого хаоса: он приучается убеждать себя в том, в чем он не в силах разобраться. В самом деле, существуют миллионы положений, которые считаются несомненными и которыми вечно аргументируют, — это *предрассудки*. Я сравниваю их с теми учеными трудами, которые антикварианты пишут на основании поддельных медалей. Если с удивлением видишь, что эти ученые дали себя надуть какому-нибудь литейщику, то мудрец в такой же степени удивляется, когда замечает, что люди в продолжение стольких веков находятся во власти заблуждений, непрерывно смущающих их покой.

Общая причина этого ослепления, его продолжительности и трудности излечиться от него заключается в том, что истина — мерило, такое тонкое и такое точное, что при малейшем нарушении ее величины это уклонение, в начале бесконечно малое и почти не приметное, растет с быстротою и в прогрессии, гораздо более огромной, чем любая ошибка в вычислении, с тем лишь досадным отличием в данном случае, что чем больше человек ошибается, тем меньше он сознает свою ошибку. Если же он обнаруживает ее, наконец, то размеры этого лабиринта, его бесконечные повороты пугают, ошеломляют человека, он не может или не смеет искать выхода из него.

В последнее время, и даже в наши дни, такие люди, как Бэкон, Гоббс, Локк, Поп,³ Монтескьё и др., заметили, что самой несовершенной частью философии является мораль как по причине затруднительной сложности ее идей, так и вследствие шаткости ее принципов и неправильности ее метода, не способного строго доказать что-либо, ибо на каждом шагу он находит положения, антитеза которых может быть защищаема с одинаковым успехом.

Описываемые трудности оттолкнули часть этих великих людей, а другую часть повергли в общий скептицизм. Лишь некоторые из них попытались разложить это целое на части и рассмотреть отдельно его элементы, не отваживаясь, однако, делать какие-либо

окончательные выводы, — потому ли, что они не сумели найти первой петли этого сложного узла, или потому, что считали достаточным направить читателя на надлежащий путь, предоставляя ему об остальном догадаться самому.

Источники ошибок древних и новых моралистов; что им следовало бы сделать, дабы обнаружить и избежать их

Я попытался найти это первое звено в цепи ошибок и сделать заметной первую точку *расхождения*, которая всегда удаляла наших моралистов и законодателей от истины. Послушайте их — все они устанавливают, как бесспорный принцип и основу своих систем, следующее важное положение: *человек рождается порочным и злым*. Нет, — говорят другие, — но положение, в котором он находился в течение своей жизни, самое устройство его существа неизбежно подвергают его опасности стать *извращенным*.*

Так как все понимают это буквально, то никому не приходит в голову, что могло бы быть иначе; никто, следовательно, не подумал, что можно было предложить и решить следующую превосходную задачу:

* Сколько вздора в прозе и стихах было написано на эту тему!

*Найти такое положение, при котором для человека представлялось бы почти невозможным быть развращенным или злым, или, по крайней мере, minima de malis.***

Проглядев эту проблему и ее решение, наши древние наставники упустили из виду единственную первопричину всех зол, единственную очевидную среднюю посылку, при помощи которой они могли обнаружить начало своей ошибки. Вслед за ними наши современные писатели оказались еще более далекими от той первой истины, которая дала бы им возможность отчетливо распознать истинное происхождение, природу и связь пороков и недействительность целебных средств, предлагаемых против них ходячей моралью. При помощи таких знаний, говорю я, они легко могли бы разложить эту школьную мораль на составные части, доказать ложность ее гипотез, бессилие ее предписаний, противоречивость ее правил, противоположность между ее средствами и целью — одним словом, детально показать недостатки всех частей этого чудовищного организма.

Такого рода анализ, устранив, подобно анализу математических уравнений, все ложное и сомнительное, выделил бы, наконец, *неизвестную* величину, я хочу сказать: мораль, действительно поддающуюся самым ясным доказательствам.

** „Наименьшее из зол“. — Р е д.

Следуя этому методу, я открыл, что наши мудрецы, стараясь исцелить развращенность, которую они совершенно неосновательно считали роковым уделом человеческого состояния, начали с предположения, что причина этого упадка лежит там, где ее никогда не было, и готовы были принять именно этот яд за лекарство от недуга, причиной которого они его считали.

Беспреданно повторяясь, никто из этих болтунов не подумал заподозрить, что причиной человеческой испорченности было как раз одно из первых их поучений. Содержание последних казалось им слишком чистым, слишком священным, их законы, их правила слишком благоразумными и почтенными, чтобы кто-нибудь посмел приписать им эту огромную вину; они предпочли бы свалить ее на природу. Таким образом, хотя человек выходит из рук природы одинаково лишенным всяких как метафизических так и нравственных идей и только наделенным способностью воспринимать их; хотя в первые моменты своего существования он скорее абсолютно безразличен ко всякому движению, чем склонен к каким-либо бурным порывам, — однако он оказывается, по уверению большинства наших философов, наделенным множеством врожденных пороков, смешанных с немногими добродетелями, а также врожденными идеями. [Еще не появившись на свет, человек уже несет в своей груди роковые зародыши развращенности, побуж-

дающие его искать своей выгоды за счет всего рода человеческого и всей вселенной, если бы это было возможно.

Если бы я даже допустил этот вздор, кажущийся правдоподобным, я вправе был бы заметить, что наши лекари не искали средств искоренить или подавить эти дурные склонности, чтобы дать немногим слабым добродетелям, корни которых, по их мнению, не совсем сгнили, возможность приносить плоды; что они не поощряли эти благотворные склонности, но, напротив, ими было сделано все для того, чтобы заложить в сердце человека и дать распусться в нем семена порока, которого там никогда не было, и чтобы заглушить те немногие добродетели, которые они якобы выращивают в нем.

Причины извращения эгоизма

Посмотрим, например, на эгоизм, из которого вы делаете стоглавую гидру и который действительно стал ею из-за ваших собственных предписаний. Что представляет эта любовь к себе самому в порядке природы? Постоянное желание сохранить свое бытие при помощи легких и невинных средств, которые провидение дало нам в руки и прибегать к которым нас побуждали весьма немногочисленные потребности.

Но раз ваши установления окружили эти средства множеством почти непреодолимых

препятствий и даже страшных опасностей, *naturae bellum indicant, conflagat oportet*,* то надо ли удивляться, если мирная наклонность переходит в ярость, становится способной к самым ужасным эксцессам и заставляет вас работать в течение множества веков, со столь же большим трудом, сколь малым успехом, над тем, чтобы успокоить ее исступленные порывы и исправить причиненный ею вред? Удивительно ли, что вы видели, как эта любовь к самому себе либо превращается во всевозможные пороки, против которых вы тщетно ораторствуете, либо надевает на себя личину мнимых добродетелей, которые вы хотели противопоставить ей?

Таким образом, именно потому, что общее воспитание людей заимствует свои мрачные краски у вашей печальной морали, мы видели и видим, что с самого нежного возраста оно вносит в сердца людей пагубные семена, которые вы ложно приписываете природе.

Итак, тот отец, который впервые ввел в употребление подобные предписания для наставления своих детей, положил роковое начало духу непослушания, возмущения и насилия. Разве это сопротивление было пороком природы? Разумеется, нет; оно было вполне законной защитой своих прав.

* „Объявляют войну природе — значит, ей надо сражаться“. — Р е д.

Если этот простодушный и дикий отец ошибался в средствах просветить свою семью и поддержать в ней мир, если порядок, который он задумал установить в ней с этой целью, был плох, то неудобства в эти начальные моменты не были велики.

Но вам, преобразователям рода человеческого, которых эти неудобства должны были предостеречь от недостатков такой цивилизации, которые должны были понимать их причину, заметить их действие, предвидеть их опасные последствия, — можно ли простить вам, что вы восприняли эти заблуждения, что вы содействовали их развитию, что вы умножили их, как это сделали те нации, для управления которыми вы рекомендовали их в качестве правил?

Таковы в общих чертах закоренелые ошибки, изобличаемые в „Базилиаде“. А вот в немногих словах истины, которые я намерен установить в настоящем сочинении.

Состояние человека, когда он выходит из рук природы, и что она сделала, дабы подготовить его к жизни в обществе

У человека нет ни врожденных идей, ни врожденных наклонностей. В первые минуты своей жизни он погружен в полное безразличие даже к собственному существованию. Слепое чувство, которое ничем не отличается от такого же чувства у животных, является

первым двигателем, нарушающим это безразличие.

Не входя в подробное описание первых предметов, заставляющих человека выйти из этого оцепенения, ни того способа, каким это происходит, я говорю, что человека постепенно пробуждают его потребности, что они делают его внимательным к самосохранению, и именно из первых объектов этого внимания он извлекает свои первые идеи.

Природа мудро соразмерила наши потребности с ростом наших сил; затем, твердо установив число этих потребностей на всю остальную нашу жизнь, она устроила так, чтобы они всегда несколько превышали границы наших возможностей. Мы увидим далее основания для такого порядка.

Если бы человек не встречал никаких препятствий к удовлетворению своих потребностей, то каждый раз после удовлетворения их он впадал бы в свое первоначальное состояние безразличия и выходил бы из него лишь тогда, когда его возбуждало бы ощущение вновь возникающих потребностей; легкость их удовлетворения не требовала бы знаний, превосходящих инстинкт животного, и человек был бы не более общественным, чем животное.

Не таковы были, однако, намерения высшей Мудрости. Она хотела сделать человеческий род разумным целым, которое устраивалось бы само при помощи механизма,

столь же простого, сколь чудесного: его части приготовлены и, так сказать, обтесаны, чтобы образовать прекраснейшее сочетание. Некоторые легкие препятствия должны были не столько противодействовать стремлению людей, сколько сильнее возбуждать их к единению. При слабости людей, взятых в отдельности, при их нежности и чувствительности, желания и тревоги, внушаемые от удаленности в данный момент предмета, способного удовлетворить их, должны были усилить этого рода моральное тяготение их друг к другу.

Что должно было получиться от напряжения этих пружин? Два удивительных действия, а именно: 1) *благодарная привязанность* ко всему, что приносит облегчение или помощь нашей слабости; 2) *развитие разума*, который природа поместила рядом с этой слабостью, чтобы помогать ей.

Из этих двух обильных источников должны были также взять свое начало дух и побуждения к общественности, искусства и мастерства, общие заботы о будущем, наконец все идеи и знания, прямо или косвенно относящиеся к общему счастью. Можно сказать, следовательно, вместе с Сенекою: „*Quidquid nos meliores beatosque facturum est, natura in aperto aut in proximo posuit*“.*

* „Природа поместила на виду у нас или поблизости то, что может нас сделать лучше и счастливее“. — Р е д.

Именно в этих целях природа распределила силы всего человечества в разных пропорциях между всеми индивидами рода. Но она оставила им в нераздельную собственность поле, производящее ее дары, она предоставила всем и каждому пользование ее щедротами. Мир — это стол, на котором достаточно пищи для всех сотрапезников, и она принадлежит либо всем, потому что все голодны, либо лишь некоторым, потому что остальные уже насытились. Никто поэтому не является неограниченным хозяином мира и не имеет права притязать на это.

Этот устойчивый фундамент природа дала в опору тому, что само должно быть изменчивым и подвижным, позаботившись также об урегулировании и сочетании его движений.

Подробное изложение истинных основ общественности

Я останавлиюсь еще на рассмотрении основ, порядка и подбора главных пружин этой удивительной машины.

1. Нераздельность земельного фонда и общее пользование продуктами земли.

2. Обилие и разнообразие этих продуктов, превосходящее наши потребности, но для сбора которых мы должны затрачивать труд.

Таковы подготовительные меры к нашему сохранению, таковы устои нашего бытия.

Посмотрим еще раз, что сделала природа, чтобы расположить людей к единодушию,

к общему согласию, и как она предупредила столкновение притязаний, которое могло бы произойти в некоторых частных случаях.

1. Она заставляет людей, на основании одинаковости их чувств и потребностей, понять равенство их состояний и прав и необходимость общего труда.

2. Разнообразя эти потребности в каждый данный момент, вследствие чего мы не все испытываем их в одинаковой степени и в одно и то же время, она предупреждает нас, чтобы мы поступались иногда этими правами в пользу других, и побуждает нас делать это без труда.

3. Иногда она предотвращает возникающие между нами противоречия, соперничество желаний, вкусов, склонностей, создавая достаточное количество предметов для удовлетворения всех их в отдельности. Или же она разнообразит эти желания и наклонности, чтобы помешать им направиться одновременно на предмет, имеющийся в единственном числе; *trahit sua quemque voluptas*.*

4. Разнообразя силу, труд, таланты соответственно различным возрастам нашей жизни или устройству наших органов, она указывает нам различные занятия.

5. Она хотела, чтобы трудность и утомительность добывания предметов, нужных для удовлетворения наших потребностей,

* „Каждый собственной страстью влечется“ (Верил и й. Эклога II, 65). — Р е д.

всегда несколько превышающих наши силы, когда мы одни, заставили нас понять необходимость прибегнуть к посторонней помощи и внушили нам привязанность ко всему, что нам помогает. Отсюда наше нерасположение к одиночеству, наша любовь к приятным сторонам и выгодам могущественного соединения — *общества*.

Наконец, чтобы пробуждать и поддерживать между людьми *взаимопомощь* и *взаимную* благодарность, чтобы указать им те моменты, когда им диктуются эти обязанности, природа вошла в малейшие детали: она заставляет людей испытывать поочередно тревогу или спокойствие, усталость или отдохновение, упадок или прилив сил.

Все размеренно, все взвешено, все предусмотрено в чудесном *автомате* общества его колеса, его противовесы, его пружины: его работа. Если видишь в нем противоположность сил, то это лишь колебание без толчков или равновесие без насилия, все в нем влекомо, все стремится к одной общей цели.

Одним словом, хотя эта машина состоит из разумных частей, она в некоторых отдельных случаях работает в общем независимо от их разума; рассуждения этого водителя не допускаются, он остается лишь зрителем того, что совершает чувство. Можно поэтому сказать вместе с Цицероном: * *Natura inge-*

* „De finibus“, Lib. 5.

nuit, sine doctrina, notitias parvas maximarum rerum, virtutem ipsam inchoavit.*

На каких принципах мораль и политика должны были основать свои предписания и свои учреждения

На морали и на политике лежала обязанность *ad ea principia, quae asserimus, consequentia exquirere.***

Следуя этим прекрасным принципам, они должны были стараться помогать природе при помощи искусства: сообразовать правила искусства с процессами природы. В зависимости от распределения человеческих сил они должны были регулировать права и обязанности каждого члена общества и распределить между ними их функции; здесь-то и нужно было применить принцип равновесия, принцип *suum cuique****. Искусство управления сердцами и поступками людей должно было основываться именно на соотношении частей целого, должно было установить истинные средства сохранения и поощрения общественного единения и восстановления в обществе согласия, если бы что-нибудь угрожало повредить ему или нарушить его.

* „Природа вложила без помощи науки зачатки познания величайших предметов и положила начало самой добродетели“. — Р е д.

** „Изыскивать следствия из принятых нами принципов“. — Р е д.

*** „Каждому свое“. — Р е д.

То, что называют тонами этой гармонии, — я хочу сказать: чины, звания, почести, — следовало распределять согласно степени усердия и способности, полезности услуг каждого гражданина. Для поощрения всяких благородных усилий людей, направленных к общему благу, можно было бы без риска присвоить им те лестные звания, которыми теперь украшены пустые призраки, суетные предметы зависти. Этот порок, каким бы постыдным он ни был, вызывается лишь тем, что не может быть нам полезным; зависть существует и может существовать только там, где тщеславие присвоило себе и имя, и выгоды заслуг. Одним словом, если бы было установлено, что знатность людей и почтение к ним соответствуют их доброте и что уважение к ним будет расти лишь в той мере, в какой они будут становиться лучше, — то между ними не существовало бы никогда другого соревнования, кроме желания сделать друг друга счастливыми. Тогда *праздность, безделье* были бы единственными преступлениями и единственным бесчестьем. Тогда честолюбие заключалось бы не в желании поработать или угнетать людей, а в том, чтобы превзойти их в изобретательности, трудолюбии, прилежании. Уважение, похвала, почести, слава были бы постоянным проявлением чувств благодарности и взаимной радости, а не постыдной данью низости или страха со стороны тех, кто их воздает, или суетной опорой того, что называют

счастьем, и возвышением для тех, кто их требует и получает.

Единственный порок, какой я знаю во вселенной, — это *жадность*; все другие пороки, какое бы название им ни давали, представляют собою только его оттенки и степени: это Протей, Меркурий, это основа, которая приводит ко всем порокам. Анализируйте тщеславие, фатовство, гордость, честолюбие, хитрость, лицемерие, злодейство; разложите на составные части даже большинство наших лжедобродетелей — всюду вы получите в конечном результате этот тонкий, губительный элемент — *любостяжание*. Вы найдете его даже на дне бескорыстия.

Между тем, могла ли бы эта всеобщая чума — *частный интерес*, эта изнурительная лихорадка, эта губительная болезнь всякого общества — могла ли бы она привиться там, где она никогда не находила бы не только пищи, но и никакого опасного возбудителя?

Я думаю, что никто не станет спорить против очевидности следующего положения: *там, где не было бы никакой собственности, не могло бы существовать ни одно из ее пагубных последствий.*

Идея естественной честности; каким образом можно было предотвратить испорченность

Естественная честность, которая в общем порядке вселенной есть результат бесконечно мудрого предназначения, в силу которого

ни одно существо не может без случайной причины вредить движению или существованию другого, — эта честность, говорю я, осталась бы тем, чем она была в человеке, т. е. непобедимым желанием устраниваться от всякого противного природе поступка, законом, который диктуется чувством, который одобряют и лелеют ум и сердце. Избавленный от страха пред нуждою, человек не только не встречал бы постоянно препятствий, которые ослабляют или разрушают это мирное состояние разумного существа, но он имел бы лишь один предмет надежд, один мотив поступков — *общее благо*, ибо его частное благо было бы неизменным следствием этого последнего. Повторяю поэтому: то, что называется честностью, осталось бы неизменным; она приобрела бы все украшения, которые мы восхваляем в повседневных сношениях; я разумею: любезность, обходительность — одним словом, вежливость в манерах, как и в нравах.

Кто не поймет, что эта мораль могла бы быть предметом не только самых ясных, но и самых простых и доступных для всех людей доказательств? Кто может сомневаться в том, что воспитание, черпающее свои правила из этой морали, придало бы весьма понятным и для всех интересным истинам по меньшей мере такую же власть и влияние над всеми сердцами, какие при обычном воспитании приобретает тысяча смешных предрассудков? При нашей системе воспи-

тания, предотвращающей всякие порочные привычки, люди и не знали бы, что они могут стать злыми.

Но раньше, чем рассмотреть более подробно, почему так чудовищно извращена естественная *честность* разумного создания, мы из возражений самих же моралистов извлечем новые доказательства плодотворности уроков того воспитания, которое сообразовалось бы с нашими принципами.

Возражение

Если бы мы даже согласились с вами, — говорят они, — что политика и мораль очень неумело взялись за исцеление наших недугов, то станет ли от этого менее верным утверждение, что бессилие их происходит не столько от них самих, сколько от злой воли людей, рождающихся с порочными наклонностями, которые приходится насильственно подавлять?

Посмотрите, например, на двух детей: едва они начинают различать предметы, как вы замечаете уже в них дух распри, препятельства, строптивости, нетерпения и упрямства. Один, хотя уже имеет вещь, которую с криком требовал, хочет еще получить то, что вы дали другому; часто можно наблюдать, как эти тщедушные автоматы гневно, исступленно ссорятся меж собою — зрелище не из самых приятных. Мрачное предвестье их будущей свирепости, их будущих раздоров!

О т в е т

Я отвечаю, во-первых, что дети обладают в этом возрасте инстинктом не более утонченным, чем некоторые приручаемые животные, и что у них также бывают лишь минутные приступы гнева, лишь преходящие причины к ссорам, вызываемые живым и внезапным ощущением какой-нибудь потребности или тревоги, которая побуждает их иной раз вступать в соперничество за обладание одной и той же вещью. Но непродолжительные раздоры и ссоры подобного характера, возникающие между животными одного и того же рода, имеют для них в общем так мало значения, что если бы человек остался, подобно им, с таким же ограниченным числом способностей, то у него не было бы, как и у них, ни чувства ненависти, ни ревности, ни привычной страсти, ни определенной и упрямой воли, которая могла бы постоянно склонять его к свирепым поступкам. Таким образом, он нуждался бы в морали и законах не больше, чем эти неразумные животные, и был бы испорчен и зол по отношению к своему роду не больше, чем они.

*Какое воспитание предотвратило бы
всякие пороки*

Во-вторых, я прибавляю, что так как у человека разум сменяет собою своего рода слепое чувство, то он создан быть

самым смирным и послушным из всех животных и стал бы на самом деле таковым, если бы это слепое чувство было раньше использовано только для того, чтобы приучить его к мирным привычкам; разум явился бы затем, чтобы усовершенствовать их. Что бы ни говорили наши философы, назначение разума не в том, чтобы бороться в нас с пылкими страстями или предупреждать беспорядки, которых никогда бы не было, если бы человек был подготовлен и, так сказать, приручен механизмом воспитания, сообразного нашим принципам. У человека не было бы тогда потребности пользоваться своими умственными способностями для чего-либо другого, кроме познания и наслаждения выгодами разумно устроенного общества; приученный с первых же лет своей жизни приспособляться к его законам, он бы никогда не подумал нарушить их. Отсутствие страха очутиться без помощи или без необходимых и полезных вещей препятствовало бы возбуждению в нем неумеренных желаний. Если бы всякое понятие о собственности было благоразумно устранено родителями при его воспитании, если бы всякое соперничество при пользовании общим имуществом было предотвращено или исключено, то пришла ли бы человеку в голову мысль похищать силу или хитростью то, чего никто не оспаривал бы у него?

Я готов согласиться, что, несмотря на благоразумные предосторожности нашей

системы воспитания, среди людей всегда существовали бы какие-нибудь поводы для споров и пререканий, но эти легкие нарушения были бы так же преходящи, как причины и обстоятельства, вызвавшие их. Так как общая и постоянная причина всякой розни была бы устранена и сердце человеческое не подвергалось бы больше продолжительным и резким потрясениям, не переживало бы жестокой борьбы чувств, то очевидно, что оно не могло бы приобрести порочных привычек, которые развращают его. К тому же миролюбие, привитое ему воспитанием, непрерывно помогало бы разуму, не затемненному множеством ложных идей, успокаивать легкие волнения.

*Какое воспитание увековечивает
ошибки морали*

Уступка, которую я сделал нашим противникам, дает мне новое оружие против них. Если при настоящем состоянии человечества невозможно найти вполне действительные средства для предупреждения всякой смуты в обществе, то какие же пагубные результаты должны получиться от предписаний, примеров и предрассудков, передаваемых от отца к сыну путем воспитания, запугивающего человека с детского возраста и направляющего его складывающийся разум только на скорбные мысли? А ведь таков именно характер воспитания, в основе кото-

рого лежит мораль, исполненная огромных заблуждений, уважаемых, однако, как вечные истины. Надо ли удивляться при таких условиях, что разум становится одним из опаснейших орудий злобы? Именно отсюда берут начало все его заблуждения.

В самом деле, к чему подготавливает это воспитание и ум, и сердце, если не к подчинению искусственной морали, которая поворачивается спиной к природе и находится в вечном противоречии сама с собою? Ведь по ее советам все так плохо устроено или, вернее, все поставлено вверх дном, так что во множестве случаев бешеные страсти рождаются от тех самых средств, которые мораль указывает для подавления и укрощения их.

Большинство законодателей разорвали узы общественности и вызвали или поддержали прискорбные последствия этого разрыва

Попробуем теперь подтвердить опытом те истины, которые мы установили сейчас путем рассуждения. С этими важными и ценными истинами совершенно не считались люди, бравшиеся издавать законы в течение того 6—7-тысячелетнего периода, о законодательных опытах которого у большинства человеческого рода сохранились воспоминания.

Покажем, что эти мнимые мудрецы, пред которыми преклоняется наша глупость, лишили половину людей благ природы,

отменили ее мудрые предначертания и широко раскрыли двери для всех преступлений.*

Эти поводыри, столь же слепые, как те, кого они брались вести, угасили все мотивы к взаимному расположению, необходимые для объединения сил человечества. Все общие усилия для обеспечения будущего, всякую взаимную помощь они превратили в робкие, изолированные заботы членов этого великого организма. Заставив эти разрозненные, приведенные в замешательство части метаться в противоположные стороны, они зажгли пожар любостяжания, пробудили голод и ненасытную алчность. Их безрассудные конституции подвергли человека постоянному риску, что он будет испытывать нужду во всем необходимом, — удивительно ли, что в борьбе за уничтожение этих опасностей страсти распались до ярости? Могли ли законодатели иным путем заставить это животное пожрать свой собственный род? И сколько же усилий приуждены были употребить эти эмпирики, чтобы отвратить неминуемую беду!

Пришлось при помощи всяких законов и правил затыкать вечные дыры в плотине, неблагоразумно возведенной против мирного

* Пусть читатель повременит с возражением, которое он мог бы сделать мне в защиту законодателей, говоря, что они *ничего не изменили и не извратили*. Я докажу дальше, что многие из их числа могут быть обвиняемы в этом и что *в деле реформы тот, кто не улучшает ничего, портит все*.

течения ручья, который из-за этого препятствия вздулся и, выйдя из берегов, превратился в бурное море.

Неумелые машинисты разрушили связи и пружины, уничтожение которых должно было повлечь за собою развал всего человечества. Они пытаются остановить его гибель при помощи каких-то нитей, странным образом опутавших человечество, и случайными попытками установить в нем равновесие. Что получается от их трудов? Объемистые трактаты о морали и политике, *quorum tituli remedia habent, ruxides venena*.^{*} Многие из этих сочинений могли бы называться: „Искусство делать людей злыми и извращенными под самыми благовидными предлогами и даже при помощи прекраснейших правил честности и добродетели“. На другие можно было бы наклеить ярлык: „Средства цивилизовать людей путем предписаний и законов, наиболее способных сделать их дикими варварами“.

Почему законы природы стали практически неосуществимыми

Вследствие этих промахов наших первых учителей морали, мораль „Базилиады“ кажется ученым авторам *Bibliothèque impartiale* ^{**}

^{*} „Ярлыки которых обозначают лекарства, а ящики содержат яды“ (Лактанций)⁴. — Ред.

^{**} „Bibliothèque impartiale“. Nov. 1753; t. 8, part. 3, p. 401—415.

и Nouvelle Bigarrure* абсолютно неосуществимой на практике.⁵ Я согласен в этом с ними и со всеми теми, кто будет возражать против нее. Только в наше время такой прекрасный законодатель, как герой названной поэмы, пусть он имеет силу и власть какого-нибудь Петра Алексеевича⁶ в его владениях, не найдет последователей — так крепки наши нелепые и закоренелые предрассудки. Кроме того, так как я утверждаю, что ходячая мораль возникла на развалинах законов природы, то для восстановления этих последних нужно было бы совершенно опрокинуть первую. Впрочем, я думаю, что по рассмотрении поэмы эти критики поймут, что целью автора было объяснить, — как он заявляет в примечании,** — *почему ходячая мораль и политика так противоположны истинам его умозрений*, и доказать сверх того, что эти истины стали бы весьма осуществимыми на практике, если бы первые законодатели последовали им. Смею утверждать, что если бы это счастье случилось, то мы в настоящее время считали бы совершенно невозможной всякую другую систему цивилизации и, быть может, не имели бы даже представления о ней.

* „Nouvelle Bigarrure“, Nov. 1753, t. 9, p. 145—150

** „Basiliade“, III.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ОСОБЫЕ НЕДОСТАТКИ ПОЛИТИКИ

Экспериментальные доказательства наших принципов

Возражение, которое автор „Bibliothèque“ делает по поводу цитированного уже примечания к третьей песне „Базилиады“, дает мне случай изложить здесь обстоятельно новые доказательства истинных начал всякой морали и всякого законодательства и доказать аналитически происхождение и рост заблуждений, извративших превосходные первоначальные законы природы.

Вот что этот ученый возражает против гипотезы нашего поэта: „Достаточно известно, как велико расстояние между прекраснейшими теориями этого рода и возможностью их осуществления. Дело в том, что в теории действуют воображаемые люди, покорно подпадающиеся любому устройству их жизни и с равным усердием оказывающие содействие законодателю в его намерениях.

Но когда хотят осуществить что-нибудь на практике, то приходится иметь дело с людьми реальными, т. е. непокорными, ленивыми или же обуреваемыми какой-нибудь сильной страстью. В частности, проект равенства принадлежит к числу тех, которые наиболее претят человеческому характеру: люди рождаются, чтобы приказывать или подчиняться; среднее состояние тяготит их“.

Это возражение мы слышали из уст всех наших моралистов; это один из тех принципов, которые никому не приходит в голову оспаривать. Вместе с цитируемым мною беспристрастным автором все усматривают причину расхождения между практикой и прекраснейшей теорией морали в том, что эта последняя представляет себе людей покорно подчиняющимися предписаниям законодателей, между тем как это не соответствует действительности.

Я отвечаю, что именно из такого представления исходило большинство тех, которые брались насаждать цивилизацию среди народов: они полагали, что человек по своей природе либо таков, каким они нашли его при зарождении их проектов, либо что он должен быть таким, каким, как я доказываю, он не бывает. На этой теории они строили свои системы; не надо поэтому удивляться, если, переходя к практике, они находили, что люди весьма мало расположены подчиняться их порядкам, и, чтобы принудить их к этому, пришлось издавать

столько жестоких и кровавых законов, против которых природа не перестает возмущаться, так как они либо опрокидывают ее порядок, либо не восстанавливают его.

Замечание нашего критика, что „когда хотят осуществить что-нибудь на практике, то приходится иметь дело с реальными людьми“, — двусмысленно. Понимает ли он под этим людей, какими их сделала природа, или же таких, какими они стали и продолжают быть в последние несколько столетий у народов, подчиняющихся законам?

*Естественное состояние диких народов, способных к восприятию законов мудрого правительства**

Если вы хотите брать людей такими, какими они являются в естественном состоянии,

* В предупреждение бесконечного множества пустых возражений я выставляю здесь как бесспорный принцип, что в области морали природа едина, постоянна, неизменна, такова, как я изобразил ее выше; что ее законы не меняются и в общем именно они создают в одушевленных существах мирные склонности и определяют их движения; что, напротив, все, что отдалается от этих склонностей, противостоит им, т. е. удаляется от природы. Все факты, какие можно привести относительно различия нравов у диких и цивилизованных народов, не доказывают, что природа изменчива; в крайнем случае, они свидетельствуют о том, что вследствие чуждых природе случайностей одни народы нарушали ее предписания, другие — продолжают повиноваться им в некоторых отношениях в силу простой привычки,

то отправимся в Америку: там мы найдем несколько племен, члены которых благоговейно соблюдают, по крайней мере в своих взаимных отношениях, драгоценные законы этой общей матери — природы, которые я отстаиваю всеми своими силами.

Возьмем с собою какого-нибудь истинно мудрого законодателя, который захочет работать в согласии с предписаниями этих божественных законов, уже применяемыми на практике; он не только не пойдет против них и не будет ослаблять их, но и постарается сделать из них дальнейшие выводы, постарается почерпнуть из этого плодотворного источника все правила, способные сделать дикий народ, который он возьмется цивилизовать, самым мягким, самым гуманным, самым мудрым и счастливым на земном шаре.

наконец, третьи подчинены им на основании каких-нибудь разумных законов, которые не всегда противоречат природе. Таким образом, в одних странах, где к природе относятся с пренебрежением, ее место занимает свирепость; в других — неблагоприятные обстоятельства нарушили ее действия; в третьих — ее затемняют заблуждения: испортились нации, а не природа. Человек покидает истину, но истина не погибает. Итак, все, что могут возразить мне, несколько не колеблет моего общего тезиса. *Всякий дикий и иной народ мой и может быть приведен в согласие с законами чистой природы, если он будет точно соблюдать то, что природа требует, и отвергать все, что она осуждает.* Эти истины будут скоро развиты подробнее. Я могу, следовательно, уже теперь применить их к какому угодно частному случаю.

По прибытии своем законодатель увидит, что семьи этого маленького общества сообща добывают охотой и рыбной ловлей средства для удовлетворения своих общих потребностей. Когда он благодаря своим полезным советам добьется того, что его будут слушать, как у этого народа выслушивают вообще стариков и наиболее опытных людей, то из опасения нарушить господствующее в нем согласие он не станет, конечно, употреблять своего влияния, чтобы убедить народ произвести между семьями раздел своих охотничьих и рыболовных мест. Этот мудрец научит людей лишь тому, что кроме применяемых ими способов снискивать себе пропитание, которые часто могут оказаться недостаточными, существуют более надежные и менее трудные, например земледелие, скотоводство. Он покажет им, что таким путем они приобретают новые ресурсы, новые удобства, которые в случае недостачи могут заменять друг друга; он научит их искусствам, необходимым для осуществления этих указаний.

Этот народ, ставший благодаря заботам нашего законодателя менее грубым, более искусным, станет ли оттого более злым, менее трудолюбивым? Разумеется, нет. Согласие и единение господствовали между семьями до появления реформатора, их уважение к старцам, к умнейшим и более искусным людям возрастут в соответствии с удачными результатами солидарных действий

и осознанию полезности новых способов добывания средств существования. Эти индейцы относятся к советам наиболее благо-разумных людей с более покорной почти-тельностью, чем мы подчиняемся приказани-ям наших деспотических господ. У дикарей, живущих по соседству с нашими колониями, еще поныне честь требует, чтобы человек считал себя значительным лицом лишь в меру своей полезности сотоварищам; одним словом, в этих краях люди приобретают уважение только заслугами. * Все эти истин-ные добродетели не только не ослабеют вследствие мероприятий нового законодателя, а, напротив, найдут в них поощрение и при-обретут новый блеск по мере того, как варварство будет исчезать пред его законами. Вместо людей, непокорных его распоряже-ниям, он увидит, напротив, что все привет-ствуют их; все условия окажутся благоприят-ными для его планов, лишь бы он не уста-навливал раздела — ни произведений при-

* Одно достойное доверия лицо, недавно вернув-шееся из Америки, рассказало мне о некоторых удиви-тельных гуманных чертах этих народов как в их взаим-ных отношениях, так и по отношению к белым; при-меры их гуманности очень часты, и скорее индейцы имели бы право нас называть дикарями. То же лицо говорило мне, что эти народы, являясь нашими союз-никами, презирают, однако, наши странные для них обычаи и нравы и что они уходят по мере того, как мы подвигаемся вперед по территории. Они правы; но какая невинность не поддается растлевающему влиянию дурного примера?

роды, ни произведений человека. Он сможет распределять работы и занятия между членами общества; назначать время для различных общих и частных занятий, придумать способы взаимопомощи; исчислять разную степень полезности тех или иных профессий; отмечать, что надлежит каждой из них приносить республике для удовлетворения сообща потребностей всех ее членов.

Имея все это в виду и зная количество работников, законодатель соответственно распределит между ними работу. Люди, которые по своему возрасту обладают наибольшей житейской мудростью, будут поставлены им к поддержанию порядка и экономии, а наиболее сильным он поручит труд. Наконец, при определении ранга каждого отдельного лица он будет руководствоваться не призрачными достоинствами, а тем естественным влиянием, которое приобретает, например, благодетель на благодетельствованного, или тем мягким влиянием, которое оказывают родство, дружба, опытность, искусность, мастерство и энергия.

В обществе, устроенном таким образом, никто не захочет властвовать, ибо в нем не будет собственности, которая могла бы внушать желание поработать других. Тиранов не может быть в таком обществе, где власть состоит в возложении на себя самых трудных обязанностей и забот без права на иные удобства и удовольствия жизни, кроме тех, какими пользуются все прочие

граждане, без иных преимуществ, без иной награды, кроме уважения и любви равных.

Если бы честолюбие получило распространение в этой республике, то оно могло бы иметь своим предметом только подобного рода уважение. Человек мог бы стремиться лишь к такому превосходству, которое он получает за свои истинно полезные заслуги, и поэтому люди не только не стали бы завидовать ему, а, напротив, считали бы себя несчастными, лишившись помощи некоторых своих талантливых сограждан, вызывающих их восхищение и уважение.

Повторяю еще раз: у этого честолюбия не было бы и не могло бы быть таких видов, какие имеет наше честолюбие, стремящееся по существу, хотя и различными путями, лишь к тем целям, к которым ведет жадность.

Если, следовательно, верно, что наш законодатель нашел бы дикарей такими, как их действительно находят, т. е. людьми очень трудолюбивыми, способными к самым утомительным работам, у которых лень считается позором, взаимные отношения которых проникнуты благожелательностью и мягкостью, бесконечно превосходящими слабое соблюдение той добродетели, которую тщетно проповедают самые праздные и самые беспощадные среди нас, — если все это верно, то я спрашиваю: вправе ли мы утверждать, что эти народы рождаются с наклоном к порокам, перечисляемым нашим Аристархом? Неужели

было бы труднее развить счастливые задатки этих американцев,* чем приучить их к подчинению суровому законодательству, которое рано или поздно заставило бы одну часть нации жить в скудости или нужде и для снискания средств к существованию служить другой части той же нации, бездельничающей и надменной благодаря обладанию наилучшими охотничьими и рыболовными местами или возделанными землями? Какими глазами эти народы смотрели бы на то, что некоторые их соотечественники наслаждаются в возмутительной праздности лучшими и прекраснейшими плодами их трудов, оставляя прочим лишь случайное пользование их избытками?

Идея общепринятой политики и краткое опровержение ее правил

Послушаем, однако, как рассуждают на этот счет наши философы. Так как, говорят они, нравственно невозможно, чтобы материальные блага этой жизни были или оставались в каком-нибудь обществе разделенными

* Те, о которых я говорю, люди прилежные и рассудительные, очень хорошо перенимают все, что они видят у нас полезного. Только нашу цивилизацию они остерегаются, по мере возможности, усваивать: они ненавидят наше неравенство имуществ и состояний, в особенности же нашу жадность. В этом заверяло меня упомянутое выше лицо.

поровну, то абсолютно необходимо, чтобы существовали богатые и бедные. Но если это имущественное неравенство урегулировано и возмещено мудрыми законами, то должна получиться прекрасная гармония. Чувства *страха* и *надежды* почти в одинаковой степени владеют людьми и почти одинаково делают их трудолюбивыми и энергичными. Богатые озабочены сохранением имущества, которые в любую минуту могут выскользнуть из их рук и в отношении которых они являются в сущности лишь чем-то вроде хранителей и сторожей. Эти же чувства побуждают и поощряют бедняка к труду, который может вырвать его из когтей нужды. Кроме почти бесконечного множества других хороших действий, производимых этими двумя движущими началами, они располагают наиболее обделенную часть людей к повиновению, покорности, которой требуют от них как их частные интересы, так и интересы общества. Эти два устоя, на которых держится общество, заставляют людей, чьи потребности словно растут вместе с их богатством, прибегать к чужой помощи и становиться поэтому умеренными и благодетельными. Таким образом, две неравные части человечества оказываются в силу своего состояния во взаимной зависимости, которая уравнивает их и побуждает действовать в согласии друг с другом. Не будем продолжать дальше рассуждение, которое лежит в основе нашей ходячей морали и выводы

которого пущены ею в обиход. Я подрываю этот фундамент в двух словах: он покоится на нелепости, на мнимой необходимости делить то, что не следовало делить. Зачем надо было стараться доказать, что взаимозависимость и взаимопомощь среди людей являются следствием их имущественного неравенства, столь пагубного для человечества, в то время когда природа давала для этого столько других, простых и чудесных средств?

В какой мере правила общепринятой политики возмущают здравый смысл

Посмотрим, как была бы принята речь одного из наших ученых европейцев, с которой он обратился бы к какому-нибудь из упомянутых американских народов, говоря: „Друзья мои, я восхищаюсь и хвалю гуманность, с которою вы помогаете друг другу, неутомимое усердие, с которым вы работаете сообща над удовлетворением ваших общих нужд. Но послушайте меня: вы владеете обширными пространствами, которых никто у вас не оспаривает; распашите эти пустыни, их почва должна быть плодородной; затем разделите между собою эти поля; одно лишь соблюдайте при этом: доли не должны быть равными; не надо даже, чтобы все их имели, ибо тогда каждый будет работать на своем участке и сумеет существовать продуктами своей земли, так что никто не захочет больше

помогать своему соседу. К тому же наследования, браки, увеличение численности семей вызвали бы скоро новые разделы, которые разрушили бы равенство первых. Необходимо поэтому соблюдать в предлагаемом распределении земель известные пропорции: некоторые граждане получают больше других — это сословие будет первым в республике и как бы хранителем этих богатств. Вы будете брать из него своих вождей и лиц, советам которых вы будете следовать, они будут разрешать ваши споры, и уместно, чтобы в вознаграждение за эти услуги они жили в несколько большем достатке, нежели другие. Весь прочий народ будет разделен на несколько классов, имущество которых будет последовательно уменьшаться, вплоть до последнего класса, который будет состоять из людей, живущих своим трудом, ремесленников всякого рода, на которых остальные граждане за подневное вознаграждение возложат все тяжелые работы; эти люди будут, таким образом, как бы руками общества“.

В подкрепление своей речи наш современный Солон не забыл бы привести басню* Менения Агриппы;⁷ подобные рассказы производят большое впечатление на простые умы. Затем он распространился бы насчет средств для поддержания этого порядка как

* Басня о возмущении членов тела против желудка — достопамятный пример явных нелепостей, восхваляемых моралистами.

в настоящем, так и в будущем, и после рассуждений обо всех этих предметах наш сочинитель политических проектов закончил бы похвалами по собственному адресу за прекрасное изобретение.

„Бестолковый ты человек, — ответил бы ему какой-нибудь старый дикарь, — хорошие же ты нам даешь советы: ты восхищаешься, говоришь ты, согласием, которое царит между нами, а между тем силишься внушить нам все, что требуется для его уничтожения. Ты находишь наш образ жизни слишком грубым и слишком тяжелым; ты предлагаешь нам возделывать земли, чтобы лучше обеспечить себе изобилие. Совет очень хороший, но ты портишь его своими разделами. Ты желаешь якобы, чтобы мы вкусили преимущества благоустроенного общества, а даешь нам верные средства никогда не столкнуться между собою. Ты хочешь, чтобы часть наших людей занималась поддержанием мира и согласия, которые сам стараешься нарушить: таким образом, все заботы и благоразумие наших старцев и отцов должны быть, по-твоему, обращены на прекращение ссор. Часть наших братьев и друзей принуждены будут вместе со своим потомством жить несчастной жизнью и спокойно взирать на то, как наглые лентяи наслаждаются плодами их трудов. Твой рассказ о народе, который ушел от подобных негодяев и затем вернулся, дав себя уговорить речью вроде твоей, — такой же вздор, как сравнение,

которым воспользовался человек, успокоивший этих недовольных. Члены нашего тела делят, правда, между собою труд, и каждый отправляет функцию, для которой он предназначен, но все они пользуются сообща тем, чем поддерживается жизнь. Желудок, с которым ты сравниваешь вождей нации, не присваивает себе одному ничего из того, что доставляют ему члены тела; он не дает им изнывать от голода, а, напротив, распределяет между ними пищу, для которой является сам только общим резервуаром. Вот что эти добрые люди должны были бы ответить глупому краснобаю, притчу которого ты нам рассказываешь. Но что бы произошло, если бы мы тебя послушались? Тот, кто сегодня оказался бы живущим в большем достатке, нежели другой, увидел бы скоро, что его вытеснил и старается занять его место третий, которому, быть может, суждено, в свою очередь, погибнуть от нищеты — самому или его детям.

Мы ведем войны, мы скальпируем, сжигаем, пожираем своих врагов, т. е. те семьи, которые, живя отдельно от наших, собираются вместе с целью отнять у нас места для охоты или рыбной ловли, а ты хочешь, чтобы наши собственные семьи делали то же друг с другом.

Если мы даруем жизнь некоторым нашим пленникам, если мы принимаем их в свою среду, чтобы заместить умерших, то мы отнюдь не разрешаем им участвовать в наших рабо-

тах, а кормим их, как своих жен и детей, оставляя их в полной праздности. Ты же хотел бы подвергнуть часть нашего народа этому позорному рабству и устроить так, чтобы именно она начальствовала над нашими храбрыми и трудолюбивыми охотниками. Ступай, ты не в своем уме“.

Я предвижу некоторые возражения против приведенного мною сейчас сравнения между порочными установлениями нашей общепринятой политики и теми мудрыми предписаниями, которые были бы только верным применением законов природы и подражанием приемам, которыми она пользуется, чтобы сделать людей подлинно общительными.

Возражения против возможности распространения нашей системы у народов, которые еще не имеют законов

Если вы найдете в каких-нибудь странах, скажут мне, людей, действительно расположенных повиноваться этим законам, таких людей, каких вы желали бы иметь гражданами своей республики, то мы вместе с вами исключим их из общего правила. Это еще не даст вам права заключить, что природа распределила таких людей по всему земному шару.

Кроме того, мы прибавим следующее. Во-первых, не вполне еще доказано, что эти покорные народы рождаются с качествами, которые вы у них находите. Как весьма

мудро заметил автор „Духа законов“,⁸ вследствие суровости климата северные народы Америки имеют крепкое и сильное телосложение, что, так же как и бесплодность обитаемых ими стран, способствует тому, что они становятся деятельными и трудолюбивыми.

Во-вторых, необходимость добывать средства для удовлетворения насущных потребностей легко объединяет несколько семей, образуя из них отдельные маленькие народцы.

В-третьих, если бы мы даже согласились с вами, что ваш общественный порядок может стать осуществимым среди этих народов, то это произошло бы только благодаря каким-нибудь особым обстоятельствам, которые не встречаются в других местах. В жарких странах, например, где, по отчетам наших путешественников, народы крайне беспечны и ленивы, где мужество и сила переселенцев расслабляются и падают, где каждый человек живет словно только для себя, не заботясь о других, у большинства африканских дикарей, даже наименее свирепых, ваши уроки встретили бы очень мало отклика.

В-четвертых, что бы вы ни говорили, опыт доказывает, что во всем мире человек вообще по природе склонен к праздности и покою, что он старается всегда добиться этого за чужой счет и что эта склонность, хотя и не одинаково сильная в разных местах,

делает его почти глухим к самым разумным предложениям. Наконец, какую бы видимость истины ни имела ваша система, она существенно грешит в том отношении, что ни один цивилизованный народ не подчинялся никогда ничему похожему на основные установления вашей политики.

Из всех этих замечаний следует, что для сближения людей и пробуждения в них духа взаимопомощи требуются механизмы гораздо более сильные, нежели те, которые вы намерены пустить в ход. Вашими механизмами можно обойтись в известных случаях, но они не всегда и не везде будут достаточно мощными.

Ответы или новые доказательства успеха, который имели бы у наций, свободных от наших предрассудков, законы, основанные на требованиях природы

На предварительные пункты этих возражений я отвечаю, что средства, предлагаемые мною для создания общности, тем более надежны, что они лишены, как я доказал, всех помех, стоящих на пути насильственных мероприятий обычной политики и уменьшающих их успех и силу. Прибавлю, что наша система с ее мотивами поощрения, придающими ей силу, должна иметь огромное влияние на нации, которые предполагаются свободными от предрассудков, порождаемых духом невосприимчивым и ленивым, духом

собственности и частного интереса, который может стать общественным только под влиянием страха.

Если, невзирая на все это, невозможно допустить, чтобы человек был всегда одинаково расположен охотно слушаться самых разумных советов и замечаний, то наша гипотеза не исключает строгой власти, украшающей эти первые неудовольствия и принуждающей вначале к обязанностям, которые впоследствии становятся легкими, а очевидная их полезность заставит полюбить их.

Как я уже сказал, нашим законам придется подавлять только один порок — *праздность*, а предписания их, направленные к предупреждению всех других зол, отнимут у гражданина всякий предлог уклоняться от работы для блага всего общества.

Чтобы ответить, в частности, на утверждение, будто дикие народы жарких стран, более слабые и более склонные к праздности, труднее подчинятся политическим порядкам моей системы, чем другие народы, я скажу, что так как эти народы в то же время либо обильнее снабжены предметами первой необходимости, либо отличаются большей умеренностью, то они охотно примут форму правления, распределяющую работы общества в известной пропорции между его членами и потому значительно уменьшающую их тяжесть. Коротко говоря, разве нельзя при помощи некоторых легких видоизменений достигнуть того, чтобы система, благоприят-

ствующая в стольких отношениях спокойствию людей, оказалась пригодной для всех наций, либо зарождающихся, либо находящихся еще в естественном состоянии, как бы разнообразен ни был их характер?

*Самая склонность человека к покою
есть принцип его деятельности*

Если все же настаивают на том, что на всем земном шаре люди по природе расположены к праздности и лени, то необходимо разъяснить происхождение этой склонности. В разумном существе любовь к отдыху и покою есть стремление к постоянному благоденствию. Но так как эта точка опоры сама по себе изменчива и меняется она подобно тому, как в разные периоды, в определенных целях меняются наши естественные чувства, то человек вынужден менять свое положение. Одно и то же состояние покоя становится тягостным, человеку приходится сделать усилие, чтобы переменить его на другое. Часто наша слабость останавливает или замедляет усилие, которое мы делаем, чтобы стать в новое положение; таким образом нам как бы дается совет прибегнуть к посторонней помощи; совет — искать людей, которые могут ее оказать; совет — заслужить их помощь; совет — способствовать со своей стороны облегчению других, работая для собственного облегчения; совет — делить труд, чтобы сделать его

менее тяжелым. Все эти советы могут быть подкреплены, как я сказал, авторитетом законов, соответствующим их мудрости.

Истинная причина лени

Но эти спасительные советы были извращены не чем иным, как теми произвольными учреждениями, которые стремятся установить постоянное состояние покоя, именуемое *благоденствием, богатством*, только для немногих людей, а на долю других оставляют тяжелый труд. Эти различия повергли одних в состояние праздности и изнеженности, а другим внушили отвращение к подневольным обязанностям. Одним словом, порок, именуемый *ленью*, как и наши пылкие страсти, берет свое начало от множества предубеждений, этих законных последствий плохого устройства большей части наших обществ, отвергаемого природой.

Что человек — существо, созданное для деятельности, и притом деятельности полезной, если бы он ничем не отклонялся от своего истинного назначения, в этом убеждает нас пример так называемых богатых и могущественных людей, которые стараются в утомительном шуме удовольствий избавиться от скучной праздности.

Таким образом, человек по природе не ленив, но он стал ленивым или, что то же, возымел отвращение ко всякому истинно полезному занятию.

Оставим теперь дикие страны Америки и вернемся к цивилизованным нациям нашего континента. Я готов признать, что именно здесь мы действительно найдем ленивых, непослушных разуму и подверженных страстям людей, какими их рисует наш ученый журналист. Я признаю также, что у них наша система имела бы очень мало успеха, судя по тем усилиям, которые мне приходится делать, чтобы установить ее очевидность в глазах простого разума. Но так как я доказал, что ни одна нация не получила от природы ни этой строптивости, ни какого бы то ни было другого порока, то я докажу сейчас исторически, восходя к началу вещей, как постепенно произошло усиление этих зол и что должны были бы сделать первоначальные законодатели для их предупреждения. В то же время станет понятным обстоятельство, выдвигаемое против меня в виде последнего возражения, а именно: почему при всей надежности и очевидности моих принципов ни одному мудрецу, ни одному народу на земном шаре не пришло никогда в голову воспользоваться ими?

Отступление по поводу упорного повторения многих пустых возражений

Раньше, однако, пусть читатель разрешит мне остановиться на некоторых соображениях, не имеющих безусловного отношения к моему предмету. Сколько усилий, скажет

он, чтобы доказать очевидность! Признаю, что они были бы излишни, если бы не приходилось устранять множество политических и нравственных воззрений, затемняющих истину; частые нападки лиц, имеющих такого рода воззрения, почти всегда ведущиеся ими приблизительно одинаково, вынуждают к частым повторениям. Упорство и цепкость некоторых застарелых заблуждений так велики, что если пощадить малейший их корешок, то ствол останется невредимым; если пренебречь нанесением малейшего удара, то предубежденным умам покажется, что какое-то неодолимое препятствие останавливает ваши усилия. Разве мы не наблюдаем ежедневно в религиозных или философских спорах, как возражения, тысячу раз опровергнутые, вновь выдвигаются, хотя и в другой форме? Если вы опускаете малейшее незначительное разъяснение какой-нибудь истины, если вы слишком кратко отвечаете на какое-нибудь возражение, то лжецы и упрямы пользуются этим пред невежественной публикой: они воздвигают победный трофей из жалких лоскутов, которые вы им оставляете. Пусть их нелепые мнения были несчетное число раз разбиты в прах, но, если вы забыли нанести им последний удар, они выставляют их вновь как ни в чем не бывало и кричат об этом пред всем светом.

Посмотрите, например, на этих мнимых толкователей религии, которые позорят

ее слабостью или смехотворностью своих доказательств, не зная по большей части ни того, что́ они защищают, ни сущности тех мнений, на которые они нападают: они измышляют эти мнения, распространяют о них представления, способствующие обычно их замыслам произвести впечатление победителей в споре. Я хвалю их усердие, но их глупая заносчивость, их невежество и недобросовестность — извинительны ли они в глазах мудреца? Да простят мне это отступление; я возвращаюсь к своему предмету.

Истинное происхождение наций и причина упадка чувств общности

Поищем сначала физическую причину испорченности наций. Я говорю, что мы не найдем ее в их происхождении. Всякий народ, сколь бы многочисленным он ни стал, какую бы он ни занимал обширную страну, обязан своим началом одной или несколькими соединившимся семьям. Нельзя считать истинным происхождением народа собрание людей, которое по нашему представлению образовалось случайно из нескольких человек, до того рассеянных в разных местах: это соединение было бы просто *началом их общества*. Нельзя также видеть *начало наций* в поселениях, основанных в результате переселений или завоеваний: все эти случайные перемены являются уже следствием порчи, проникшей

в первоначальное состояние народов; эти события стали, в свою очередь, новыми причинами величайших неурядиц.

Так как не подлежит сомнению, что всякая нация обязана своим происхождением одной или нескольким семьям, то она должна была, по крайней мере в течение некоторого времени, сохранять форму *патриархального правления* и повиноваться только законам, диктуемым чувством любви и нежности, которое поощряется и поддерживается среди братьев и родственников примером главы семьи. Под господством этой мягкой власти все имущество в семье было общее; себе самой эта власть ничего не присваивала в собственность.

Таким образом, всякий народ на земном шаре, по крайней мере при своем зарождении и на своей родине управлялся так, как в наше время управляются маленькие народности Америки и как управлялись, говорят, древние скифы,⁹ бывшие своего рода рассадником других наций. Но по мере того как вместе с количеством семей народы эти численно возрастали, ослабевали чувства братского единения, а также власть отцов, становившаяся слишком раздробленной.

Те из этих наций, которые в силу каких-нибудь особых причин остались наименее многочисленными или дольше жили в своем отечестве, сохранили наиболее длительно свою первую, совершенно простую и естест-

венную форму правления. Даже нации, значительно возросшие численно, но не менявшие места своего жительства, должны были сохранить форму правления все еще несколько патриархальную, несмотря на ослабление чувств, которые, повидимому, могут властно царить только среди небольшого числа лиц, связанных почти все узами родства.

Нации, которым становилось слишком тесно в своей стране и которым приходилось вследствие этого переселяться, были вынуждаемы условиями путешествия и его трудностями или положением и природою своего нового места поселения вводить у себя порядки, по необходимости отменявшие установления патриархального строя; отсюда — новый ущерб чувствам, лежащим в его основе.

Таким образом я различаю три физические причины ослабления патриархального правления.

Первая причина — это увеличение числа семей; *привязанность*, основанная на *кровном родстве*, как и *дух общности*, уменьшается пропорционально возрастанию их числа.

Второй причиной являются переселения, заставляющие каждую семью порывать узы общности, так как каждая из них берет на себя заботу об одной части поклажи или продовольствия.

Наконец, третья причина обусловлена трудностями, возникающими при устройстве на новых местах,

В этих причинах, ослабивших или угасивших чувства *кровного родства* и разрушивших почти всякую *общность*, я вижу источник распрей, которые могли возникнуть между отдельными лицами и семьями или между целыми нациями, а следовательно, и пагубное начало всякой *междоусобицы*, войны и разбоя. Так как все мелкие народы разделились и удалились друг от друга, то время, расстояние между поселениями, различие языка и нравов должны были почти совершенно уничтожить всякую идею *кровного родства* между нациями, вышедшими из одной и той же страны и, так сказать, из одной расы. Поэтому, встречаясь в других краях, они уже смотрели друг на друга только как на одушевленные существа другой породы, и малейший спор, малейшая ссора легко приводили их к тому, что они без отвращения и ужаса истребляли друг друга.

Законодатели ни в чем не восстановили порядка

Раздоры, следовавшие за ослаблением или полным исчезновением чувств *кровного родства*, в каких бы формах эти смуты ни происходили, привели к тому результату, что народы, устав от насилий, согласились подчиниться законам. Но большинство или, вернее, все лица, к которым народы обратились с просьбою упорядочить уже введен-

ные обычаи или ввести новое устройство, не уничтожили ни злоупотреблений, ни дурных обычаев и предрассудков, под влиянием которых эти обычаи существовали, не искали способов приблизить и возродить первые законы, установленные природой. Взяв, для ускорения дела, вещи и людей такими, какими они их нашли, эти преобразователи, эти основатели республик ограничились тем, что приспособили там и сям кое-какие противовесы, кое-какие подпорки, лишь бы как-нибудь поддержать общественность, готовую распасться.

Восходя к происхождению и физическим причинам ослабления *чувств кровного родства*, я открыл источник всех неурядиц. Восходя таким же образом к *происхождению всех обществ*, т. е. к установлениям, которые придали им известную форму, мы найдем, что законы, лечившие недуги человечества паллиативными средствами, могут быть рассматриваемы как первопричины пагубных последствий их дурного лечения. Эти законы можно обвинять также и в том, что они были посредствующими причинами зол, которые их неосторожность порожидала или не сумела предупредить. Часто составители этих законов принимали настоящие злоупотребления за благо и трудились, так сказать, над усовершенствованием, над возведением в правило самого несовершенства и вещей, наиболее противных доброму порядку.

Для чего следовало составить законы

Учредительные законы следовало составить только для того, чтобы вернуть и восстановить в силе первый естественный закон общественности. Все частные постановления следовало выводить из общего закона так, чтобы они служили для его объяснения и распространения. Учредительные законы должны были предвидеть и предупредить случаи, когда авторитету естественного закона может быть нанесен ущерб или когда может возникнуть стремление обойти его намерение. Но ничего подобного не произошло: эти искусственные законы, рассчитанные только для потребностей данной минуты, начали с прямого противоречия вечному закону, из которого они должны были бы черпать свою силу. При таких условиях не следует удивляться их неустойчивости, запутанности и обилию.

Через эту трясину искусно прошел знаменитый автор „Духа законов“, духа, непостоянство которого он показал, исторически проследив и проанализировав эти изменчивые законы. Такова была его задача; цель же настоящего труда заключается именно в выяснении вопроса, почему человеческие законы по своему существу так подвержены частым изменениям и множеству опасных помех.

Повторяю постоянно, и никогда не лишним будет сказать это вновь: устанавливая чудовищный раздел произведений природы

и даже самих стихий, разделяя то, что должно было оставаться нетронутым или восстановлено в этом состоянии, если бы какая-нибудь случайность разделила его,— эти законы помогали и благоприятствовали разрушению всякой общности. Не нарушая, говорю я, целостности недвижимых вещей, они должны были поставит себе исключительной задачей регулировать не собственность, а пользование движимыми вещами и распределение их. Для этого следовало только распределить занятия и взаимную помощь между членами общества. Если же между согражданами должно существовать какое-то гармоническое неравенство, то оно должно соответствовать силам каждой части этого целого, но отнюдь не нарушая основания общественного механизма. Правило хозяйственного благоразумия требует, чтобы богатый человек в тратах рассчитывал только на свои доходы.

Истинная средняя посылка всякого политического или морального доказательства и первопричина всякого беспорядка

На основании тех принципов, которые я только что пытался отыскать словно из груды развалин, я осмеливаюсь объявить здесь почти математически доказанным, что всякий раздел имущества, равный или неравный, всякая частная *собственность* на эти доли представляют собою во всяком обще-

стве то, что Гораций называет *summi materia mali*.^{*} Все политические и моральные явления суть следствия этой губительной причины: ею можно объяснить и решить все теоремы или проблемы о происхождении и прогрессе, взаимной связи и сродстве добродетелей и пороков, беспорядков и преступлений; об истинных мотивах хороших и дурных поступков; о всех решениях и колебаниях человеческой воли; об извращенности страстей; о бессилии предписаний и законов сдержать их; о *технических* даже недостатках этих уроков; наконец, о всех чудовищных порождениях заблуждений ума и сердца. Причиной всех этих действий, говорю я, можно считать упорство, с которым все законодатели разрывали или позволяли разрывать основную связь всякой общественности путем узурпации владений из фонда, который должен был принадлежать нераздельно всему человечеству.

В какой мере первоначальным законодателям легко было распознать намерения природы и сообразовать с ними свои установления

Но представлялось ли возможным, возражат мне, чтобы первоначальные законодатели нашего континента просвещали народы

^{*} „Зла исток величайшего“ (Гораций. Оды, III, 24, стр. 49). — Р е д.

так, как, по вашему мнению, они должны были это сделать? И если бы даже это было им по силам, то разве их законы и установления не были бы так же подвержены порче и изменениям, как они подвержены им теперь?

Я отвечаю прежде всего, что большинство народов, которые, насколько нам известно, первые подчинились законам, не были в то время так многочисленны, как они стали впоследствии. Таким образом, согласно тому возражению, которое вы мне сделали раньше, именно это обстоятельство облегчало бы законодательство и благоприятствовало бы изданию лучших законов. Сверх того, эти туземные народы или колонисты* должны были представлять собою приблизительно то, чем являются в течение многих столетий народы Северной Америки. Следовательно, их мудрецам не трудно было построить свои законы на истинном фундаменте природы. Этот солидный фундамент, до которого теперь приходится с таким трудом докапываться, был тогда почти открытым и без трещин; если же законодатели находили его испорченным где-нибудь вследствие случайностей, которые могли ослабить социальные связи, то нужно было стараться восстановить

* Под туземным народом мы разумеем здесь народ, живущий в стране с незапамятных времен; под названием колонистов — народ, устраивающийся в ней в виде колонии.

фундамент, оживив эти связи. Точно соблюдая то, что диктуется этими чувствами, комментируя последовательно свои первые законы, они могли расширять их, но сохранить их текст во всей его чистоте.

Меня спросят еще: а не могло ли случиться так, что законодатели, следуя шаг за шагом мудрым предназначениям природы, встретили бы, несмотря на восприимчивость народов к законам, такие затруднения в деталях, как применение их законов к распределению различных занятий, к способам надлежащего удовлетворения общественных и частных потребностей, к равномерному, свободному от путаницы и раздоров снабжению множества граждан средствами к существованию? Ведь малейшая из этих трудностей бывала часто причиною крушения прекраснейших проектов.

Я отвечу, что все это было бы делом простой переписи *вещей* и *лиц*, простой операцией расчета и комбинирования, следовательно, допускающей отличнейший порядок. Наши древние и новые сочинители проектов задумывали и осуществляли планы несравненно более трудные, так как кроме непредвиденных случайностей они имели еще против себя разум природы и бесчисленные препятствия, которые порождаются заблуждением и которыми оно само угрожает свой путь. Если чему следует удивляться, так это тому, что столь неосторожные люди успели хоть в чем-либо.

*Какой властью обладали бы законы,
более совершенные, чем наши*

В свою очередь я спрошу: если законы Солонов, Ликургов, критян, индусов, персов, халдеев, египтян и т. д. при всех своих недостатках и несовершенствах существовали в целом так долго, если затем, слитые и собранные воедино, они стали всемирными; если мы вправе сказать, что греки покорили римлян своими законами, подобно тому как римляне подчинили себе другие нации силою оружия; если сами римляне были свидетелями того, как их законы были приняты даже варварами, наводнившими и разорвавшими на части империю; если теперь им подчиняется почти вся Европа, — то какова была бы долговечность и прочность тех законов, которые, несомненно, предотвратили бы пагубные и кровавые революции, имевшие место в нашем мире?

Мирные законы, которые все больше и больше укрепляли бы общественные связи какого-нибудь гуманного, творящего добро народа, явились бы могучим примером для другой нации. Эти мудрые установления исподволь распространили бы свое мирное господство на весь земной шар, оружие выпало бы из рук самых свирепых народов. И именно потому, что ими пренебрегли с самого начала, они кажутся теперь неосуществимыми; но может ли это извинить ложность принципов, на которых

построено наше гражданское и международное право?

Ложность принципов гражданского и международного права

Когда я говорю о ложности принципов обоих наших кодексов, то я этим хочу сказать, что они всегда предполагают в человеке природную извращенность, которой в действительности нет. Первый из этих принципов: *не делай другому того, чего ты не хотел бы, чтобы он сделал тебе*, допускает, как нечто постоянное и обычное, что у людей может быть серьезное желание вредить друг другу. Между тем этого никогда не случилось бы, если бы сами законы не ставили их часто в эту тяжелую необходимость и если бы точно соблюдались законы природы. Последняя ничего не предписывает относительно того, что она желала бы оставить неизвестным; она не говорит: *не вреди*, она предохраняет от этой опасности и говорит: *делай все то добро, которое хотел бы испытать сам*.

Таким образом, ваш первый принцип права лишь условно верен, и соблюдение его требуется в некотором роде весьма случайно.

Допустите понятия *твое* и *мое*, которые должны были явиться неминуемым поводом к раздорам; тогда надо установить, что какое бы неравенство ни было допущено при этом разделе, однако получивший меньше

не вправе тревожить того, кто получил больше. Надо предложить менее счастливому и даже несчастному подчиниться решениям человеческих законов на основании того мало утешительного соображения, что *если бы ты первый оказался обладателем этих самых выгод, то потерпел ли бы ты, чтобы другой лишил тебя их?* Вот истинный смысл вашего первого правила справедливости. Но приходило ли бы людям в голову отнимать друг у друга что-либо при полном равенстве пользования предметами, необходимыми для жизни? Разве это равенство не исключает всякую идею вреда, всякое желание вредить?

Все следствия из вашей первой аксиомы так же ложны, как она сама. Разрешается, например, отражать силу силою. Я спрашиваю: кто побудил людей дойти до этих жестоких крайностей? Две нации, с остервенением пожирающие друг друга, очень усердно пользуются этим разрешением; они вынуждены, наконец, сдержаться на время свою ярость, чтобы вступить в переговоры, и соблюдают в течение некоторого времени ваш первый совет — *alteri ne feceris** и т. д. Но предупредите причины всякой войны — и тогда на что нужны будут законы о перемии?

Как, скажут, разве не оказывалось всегда почти невозможным установить между людьми

* „Другому не делай“. — Р е д.

такое совершенное согласие, чтобы они никогда не пытались вредить друг другу? Значит, нужен был урок, который заставил бы их почувствовать, насколько это неразумно. Согласен; но надо было устроить так, чтобы это случалось лишь очень редко и в возможно менее тяжелой форме; надо было удалять решительно всякий повод, всякий предлог к обиде, не допуская того, чтобы вещи, от которых зависит наше благосостояние и самосохранение, стали когда-либо добычей, из-за которой препирается несколько соперников и которую отнимает самый сильный. Эти мудрые предосторожности свели бы маленькие разногласия, которые могли бы возникнуть, к легким волнениям, к легким неровностям в настроении духа, какие мы видим между людьми, связанными коротким знакомством, дружбой или родством, у которых такие мимолетные размолвки не ведут, однако, к полному разрыву. Тогда положительный приказ делать столько добра, сколько хочешь испытать сам, легко подавлял бы эти маленькие ссоры, и не было бы надобности создавать кодексы, в основу которых положен бесплодный отрицательный приказ.

*Дух христианства приближал людей
к законам природы*

Именно это слабое отрицательное предписание — *alteri ne feceris* и т. д. — первые христиане противопоставляли как эдикты

ную защиту против своих гонителей; сами они не нуждались в нем ни в своих взаимных отношениях, ни в отношениях к самым жестоким своим врагам, так как были слишком далеки от всякого насилия. Некоторые из их главных догматов заставляли их признавать естественное равенство всех людей; они отнимали у господина всю суровость его власти, смягчали рабство, делали подчинение ему добровольным. Допуская лишь преходящее пользование благами земной жизни, они рекомендовали богатым отрешаться от владения ими и раздавать их бедным. Столь же настойчиво вменялись им в долг по отношению к людям мягкость, умеренность, смиренная скромность, терпение. Эти истинно гуманные люди поощрялись к исполнению указанных обязанностей обещаниями бесконечных наград, а страшные угрозы не давали им уклоняться от них. И мы видим, что в первое время адепты этой прекрасной морали соблюдали ее с удивительной точностью: их общие трапезы, где богатые обильно снабжали бедных всем необходимым и садились с ними за один стол; огромные суммы, отдаваемые пастырям на хранение людьми, которые отказывались от своих богатств и становились в ряды нищих, — все эти действия были явно направлены к тому, чтобы вернуть людям истинные законы природы. Таким образом, христианство, если смотреть на него только как на институт, созданный людьми, было

учреждением самым совершенным. Гонения поддерживали героизм его приверженцев; их стойкость, чистота их нравов доставили им больше прозелитов, убеждали лучше, чем их таинственные догматы. Боязнь не устоять пред пытками способствовала заселению пустынь обитателями, которые жили общими плодами своих трудов. Они стали бы многочисленными народами, если бы не вменяли себе в заслугу отказ от потомства, которое могло бы унаследовать их добродетель.

Почему дух христианства не утвердился

Но у христианства были правила и обряды, которые рано или поздно должны были привести к ослаблению его морали. Жизнь, даже наиболее отрешившаяся от земных привязанностей, чтобы предаваться созерцанию, должна была выродиться в бездельность и служить часто предлогом к лени; так оно действительно и произошло. Победоносное христианство низвергло идолов, но оно защищало свои таинства лучше, чем свою мораль: оберегая таинства, мораль не осмелилась нападать на предрассудки, обычаи, гражданские законы, противоречащие намерениям природы, с такой же силой, с какой она боролась против язычества. Во всем, что не было противно возвышенным умозрениям, на которые она опиралась, она соответствовала тому или иному политическому устройству. Поэтому на мораль неизбежно должен

был лечь налет тех злоупотреблений, исправить которые она не была в состоянии, так как, несмотря на силу самых прекрасных примеров, она не располагала законодательной властью. Эти примеры незаметно обратили народы в христианство, не меняя, однако, ни их цивилизации, ни их нравов; другими словами, люди стали считать себя христианами потому, что не поклонялись больше мрамору и бронзе и соблюдали все церемонии нового культа. Сама эта религия, всецело духовная, уступая слабости грубой толпы, осветила некоторые из ее старых суеверий, признала у варварских народов обряды еще более нелепые. Умножившиеся церемонии только отвлекли людей от главного предмета этого культа; второстепенное в религии заняло место главного, и рядовая масса стала думать, что исполняет все ее требования, если в известные дни и часы присутствует при этих зрелищах, великолепие которых пробуждало или порождало тщеславие и гордость у тех, кто был в нем главными действующими лицами. Человек уже так устроен: он считает себя великим, почтенным, важным, когда видит себя украшенным отличиями; это известный из басни осел, увешанный реликвиями. Внешнее великолепие религии перешло скоро у ее служителей в роскошь, пышность. Набожная публика стала для них своего рода двором, а среди толпы самые усердные посетители богослужений стали считать себя и самыми совершенными.

Что же стало с этими истинными чувствами кровного родства, этим первым законом природы, которому, казалось, суждено было изменить лицо народов? Произошло то, что за отсутствием политических мероприятий и разумных порядков, которые могли бы придать устойчивую форму его господству, это столь прославленное милосердие было заменено множеством пустых церемоний. Ассоциировавшись с собственностью и с частным интересом, оно заимствовало их пороки или, вернее, превратилось в пустое название, приписываемое пышным и преходящим щедротам богатого, которые не улучшали участи нуждающегося, а только поддерживали его праздность. И вот мы видим, как слугитель алтаря присваивает себе, в качестве платы за свои безнравственные обеты, наследие бедного; как эти мнимые посредники между богом и человеком торгуются с глупым богачом в момент его смерти о выкупе за его неправедные дела; как гордый первосвященник превращает братское увещание в наглое владычество, надевая на себя личину апостольского рвения.*

* К кому можно справедливо применять в наши дни горькие упреки, которые Иисус Христос делал фарисеям?

„Оставили важнейшее в законе... поедаете дома вдов... внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты... Дела свои делают с тем, чтобы видели их люди; расширяют хранилища свои и увеличивают воскрилия одежд своих; любят превозвешания на

В конце концов толпа, переменяв лишь суеверие, осталась тем, чем попрежнему хотели ее видеть в своих интересах — обычная политика и обман.

Монашеский дух всецело противоречит законам природы

Пусть не говорят мне, что истинный дух христианства, т. е. общее владение благами природы, взаимопомощь и равенство состояний, преимущества которых я восхваляю, продолжают еще существовать в корпорациях, всецело посвятивших себя соблюдению этих прекрасных законов. Для этих случайно собравшихся кучек людей, для этих наростов, рассеянных там и сям по больному общественному телу, было бы слишком большим снисхождением, если бы мы сравнили их с богатыми семьями, из-за которых беднеет государство; даже такие разоряющие государство семьи могут иной раз сослужить ему полезную службу. Между тем, эти чудовищные корпорации, состоящие из праздных людей, связанные с деревом только как паразитарные растения, не стоят самой худой ветви. В настоящее время у наиболее

пиршествах и председания в синагогах... приветствия в народных собраниях и чтобы люди звали их: учитель! учитель!.. Связывают бремена тяжелые и неудобноносимые и возлагают на плеча людям, а сами не хотят и перстом двинуть их" (Ев. от Матф., гл. 23).

хорошо управляемых наций эти обособленные корпорации представляют собой настоящие клики людей, словно сговорившиеся между собою уклоняться под тысячью пустых предлогов от всяких гражданских обязанностей и пользоваться, тем не менее, исключительными преимуществами. Нет, дух законов природы не может укрыться в эти темные убежища. Я считаю, что по самой сущности своей он должен распространяться на весь народ, воодушевлять его общей деятельностью и общими стремлениями, связывать его общими узами; следовательно, законы природы не терпят промежуточных пустот, какими представляются эти мятежные ассоциации.

Я уже объяснил причину успехов и влияния, которое установившиеся обычаи и взгляды и укоренившиеся предрассудки придают общераспространенным законам, несмотря на всю порочность их принципов и вытекающих из них следствий. Я показал, насколько эти законы несовместимы с законами природы — одним словом, как политические и нравственные заблуждения постепенно разрастаются настолько, что почти безвозвратно узурпируют название, авторитет и права истины.

Мне остается ответить на последние пункты возражения *Bibliothèque impartiale*. Вот они: „*В частности, — говорится там, — проект равенства принадлежит к числу тех, которые наиболее претят челове-*

скому характеру: люди рождаются, чтобы приказывать или служить; среднее состояние тяготит их“.

Я объяснил уже, в каких отношениях люди были и должны остаться совершенно равными и как природа, не нарушая уровня этого основного равенства, распределила между индивидами нашего рода различные качества, которыми должны определяться их права и на основании которых она указала место каждого члена общества и его полезные взаимоотношения с другими членами общества.

В чем заключаются свобода и зависимость

Рассмотрим теперь, в чем состоит истинная политическая, или гражданская, свобода человека, о которой моралисты никогда не имели правильного представления, как они не имели его о нравственном добре и зле.

Я говорю, прежде всего, что истинная политическая свобода человека состоит в беспрепятственном и безбоязненном пользовании всем, что может удовлетворять его естественные и, следовательно, законные желания. Но я говорю также, что эта прекрасная свобода зависит, в свою очередь, от сочетания причин, которые сделали бы такое пользование весьма возможным, если бы средства для его достижения не были извращены и спутаны.

Если под свободой разумеют полную независимость, абсолютно исключаящую всякую связь одного человека с другим, то я говорю, что подобная свобода была бы состоянием совершенной покинутости, положением, при котором люди жили бы обособленно, как растения; общества тогда не было бы.

Тот вид зависимости, в котором находятся разные представители человеческого рода, их различные естественные отношения так же мало свидетельствуют об отсутствии свободы или о стеснении, как соединение и взаимозависимость органов в одушевленном теле не являются недостатком силы. Напротив, эта ассоциация, эти связи увеличивают силу гражданской свободы и содействуют ей; они устраняют препятствия, которые наша естественная слабость беспрестанно встречала бы на своем пути, если бы ей не приходили на помощь. Коротко говоря, эта зависимость содействует всему, что благоприятно для нашего самосохранения, нашего благосостояния и нашей свободы.

„Люди рождаются, чтобы приказывать или служить“, — говорит автор *Bibliothèque*; все наши философы говорят то же самое. Я не придирался бы к этим выражениям, если бы наши предрассудки, наши обычаи не придали им одиозного значения. Восстановим их истинный смысл. Люди рождаются во взаимной зависимости, вследствие которой они поочередно *приказывают* и *служат*, т. е. *получают помощь* и *помогают*; но

при таком значении и согласно подлинному естественному праву нет и не должно быть ни господина, ни раба, или, вернее, свобода, как я определил ее, при этом одинаково выигрывает.

Я говорю, что нет ни господина, ни раба, ибо зависимость обоюдна. Сын зависит от отца не больше, чем последний от своего потомства: один так же тесно связан естественными чувствами благодетельной нежности и готовностью оказать помощь, как другой — слабостью, ожидающей помощи. Граждане республики, взятые в отдельности и все вместе, находятся во взаимной зависимости.

Вообще в обществе один рождается слабым, тщедушным, но умным и изобретательным; другой силен и крепкого сложения, но нуждается в совете. Детство пользуется помощью зрелого возраста; этот последний идет к упадку, когда первое занимает его место и выполняет его функции; наконец, цветущий возраст, помогая старости, пользуется сам помощью своих сверстников.

Слабость власти самых неограниченных владык

Посмотрите на людей даже при нынешнем состоянии наций; сколько гордых смертных имеют только пустой титул господина! Все как будто гнется перед ними, но все молчаливо противится их властной воле, все находится в заговоре, чтобы заставить ее

самое согнуться или чтобы обойти ее намерения. Стоит самому низкому рабу, стоит презренной женщине узнать вашу слабость, грозные владыки, стоит им открыть характер ваших капризов — и они начинают управлять вами более властно, чем искусный конюх укрощает самого строптивого коня.

Могущественные монархи, если вы мне скажете, кто ваш первый фаворит, кто ваша любовница, я скажу вам, кто правит вместо вас. Вы не можете подозревать их в такой неблагодарности? Но, право же, они не всегда в ней виноваты. Нет, не они узурпируют вашу власть, а их лакей, их субретка, быть может, их конюх или что-нибудь еще более низкое — какой-нибудь дервиш, факир, монах управляют вашими государствами. Поверили ли бы вы, что часто эти последние приближали к вам тех, кого вы удостоиваете своей милостью, и распоряжаются званиями и должностями через и для своих креатур?

Но присмотритесь поближе, насколько призрачна ваша абсолютная власть. Султан,¹⁰ недавно вам нужно было обложить свой народ новою податью, и с целью уменьшить ее бремя вы пожелали, чтобы ни один из сановников вашей Порты, ни один из тимариотов¹¹ вашей империи не был освобожден от нее. Все подчинились вашим приказаниям.

Вы полагали, что найдете то же повиновение, то же рвение к благу государства в своих муфтиях,¹² в своих имамах,¹³ кото-

рые неустанно кричат по мечетям: „Народы, слушайте своих государей, — они образ божества. Откажитесь от преходящих земных благ; пользуйтесь лишь тем немногим, что требуется для удовлетворения естественных потребностей, все остальное отдавайте бедным: без милостыни, без благотворительности врата рая будут навсегда закрыты для вас“. Вы полагали, что те, у кого эти правила всегда на устах, носят их также в сердцах своих и по первому же знаку понесут в ваши сокровищницы свои богатства, чтобы таким образом избавить несчастного от тяжких трудов, которых требует от него неудовлетворение нужд отечества. Вы предложили этим оракулам пророка, чтобы они представили вам список несметных богатств, собранных ими благодаря щедротам ваших предшественников и всей нации.

Тогда вы увидели, как маска лицемерия спала с их лица; вы увидели, как эта бесстыдная порода, нарушая первое предписание религии, обосновывает свой отказ этой самой религией. Во что же обратилась верховная власть? Вы испугались, говорят, за свою жизнь, и когда один из ваших Диванов¹⁴ захотел усмирить этих бунтовщиков, вы приказали ему молчать.

Спустя некоторое время эти мятежные подданные, только что нанесшие столь явный ущерб вашей власти, уподобляясь индейцам, которые поочередно колотят и ласкают своего идола, воспользовались

этой самой властью, чтобы восстановить свое прежнее господство даже над теми, кого смерть сравнит с монархами.

Вы, временные владыки земли, если обязанности гражданина по отношению к вам и к государству исполнены, — вы оставляете, по крайней мере, в покое духовные способности: благодаря им человек сохраняет и должен сохранить свободу даже тогда, когда он скован цепями самого тяжелого рабства. Но эта вечная нация без потомства* — как всесторонне и под сколькими пустыми предложениями она стремится угнетать разум без всякой пользы для сердца?

Ваш Диван понял честолюбивые козни этих маленьких тиранов. Он пожелал довести до вашего сведения, что эти мнимые любимцы Пророка не раз становились во главе гаремных интриг. Он напомнил вам многочисленные случаи, когда дерзкие муфтии заявляли, что они стоят настолько же выше султанов, насколько ангелы превосходят смертных, и присваивали себе право распоряжаться империей. Он хотел, чтобы вы приняли в соображение, что хотя их пороки и безнравственность давно разочаровали народы, однако можно опасаться, как бы эти опасные люди, благодаря взглядам и правилам, которые они распространяют в толпе, не поднимали из развалин свою чудовищную власть. Этот мудрый Диван пытался обратить ваше

* „Gens aeterna, in qua nemo nascitur“ (Val. Max.)¹⁵.

внимание на то, какой ущерб все эти козни наносят законам, спокойствию даже власти вашей, — все было тщетно: путем какого-то чудесного навождения заговорщики удалили истину от вашего трона, придали усердию этого почтенного учреждения характер оскорбления, и вы послали его в изгнание.

После этого да позволено мне будет еще раз спросить вас, могущественные монархи: что же это за власть, которую вы так ревниво оберегаете? Она часто является только игрушкой хитреца или льстеца, умеющего околдовать вас. Злые люди делают из вашего скипетра бич для верноподданного.

Эти примеры доказывают, следовательно, что в нравственном мире, как он построен смертными руками, нет ни настоящего подчинения, ни настоящей свободы.

Истинные причины упадка и революций в самых цветущих государствах

Если вы спросите, кто управляет людьми — начиная от скипетра и кончая пастушьим посохом, начиная от тиары и кончая самым простым клубуком, ответ будет нетрудный: личный интерес или чужой интерес, усвоенный под влиянием тщеславия и всегда являющийся данником первого. Но кто дал жизнь этим чудовищам? Собственность.

Следовательно, напрасно, мудрецы земли, вы ищете состояния полной свободы там, где царствуют тираны. Рассуждайте, сколько

вам угодно, о наилучшей форме правления; ищите средств основать самую мудрую республику; устраивайте так, чтобы многочисленная нация находила свое счастье в соблюдении ваших законов, — Но вы не подрезали корня у собственности и потому ничего не сделали: ваша республика окажется когда-нибудь в самом плачевном состоянии. Напрасно вы будете приписывать эти печальные перевероты *случаю*, *слепому року*, будто бы являющемуся причиной шаткости империй, как и судьбы частных лиц: это слова, лишенные всякого смысла.

*Что такое случай в области
нравственности*

Этот *случай*, этот мнимый *нравственный рок* представляет собою только результат расхождения воли, которого вы должны были ожидать, раз вы пренебрегли истинными средствами связать эти воли вместе согласно предназначениям природы. В план природы не входит случай, в ее течении, в ее переверотах нет чудовищных превращений: ее ход постоянен, однообразен. Повторяю, случай, превращающий республики в монархии, а монархии в тиранические правительства, не есть настоящий рок; в этом нет ничего случайного, причина слишком очевидна: это собственность, интерес, то объединяющие людей, то поработствующие и угнетающие их.

Вы говорите, что принципы *демократии* — это честность, добродетель; что *аристократия* держится умеренностью, что *монархия* основана на чести, что страхом укрепляется суровое владычество *деспотизма*.* Великий боже, какие хрупкие устои! Все они покоятся, в большей или меньшей мере, на собственности и интересе, самых непрочных из всех фундаментов.

В республике личный и частный интерес, умеряемый своего рода равенством имущества и состояния, сохраняет в течение некоторого времени равновесие с общественными интересами. Люди, менее удалившиеся от своего естественного состояния, менее порочны, и это „менее“ составляет их *добродетель*. Но всякое равновесие есть насильственное состояние, легко нарушаемое малейшим грузом. Зачем держать таким образом на весу то, что могло оставаться горизонтальным на твердом и устойчивом фундаменте? Зачем стеснять общественное благо вещью, наиболее способной разрушать его, — собственностью, так легко склоняющей человека к захвату? Что вы противопоставляете этой склонности к жадности? Слабые добродетели, которые она ловко заставит служить своим целям. Пройдет немного времени, и благодаря ей несколько семейств станут хозяевами всего общественного

* Монтескье. Дух законов, кн. 3,

и государственного имущества, и вот вам готово превращение общего интереса целой нации в интерес нескольких лиц, объединившихся для порабощения большинства: это аристократия, членам которой нужна *умеренность*, дабы предупредить всякую взаимную зависть или прикрыть от народа владычество, способное пробудить в нем чувство ненависти. Такова при этом образе правления тень свободы, оставляемая народу великими мира сего. Но, как только они выходят из границ этой умеренности, один из них искусно пользуется либо их раздорами, либо общей ненавистью к членам его сословия. Он оказывает благосклонность толпе, которая возводит его на престол, или же он достигает его теми путями, какими раньше возвысились семьи, которые он теперь низводит до второстепенного ранга. Таким образом, устанавливается монархия: она не присваивает себе почти никакого общественного имущества, она сохраняет законы, по которым были произведены его разделы, но пользуется по своему усмотрению всеми членами политического организма. Отныне люди служат не отечеству, а личности государя; из почтения к нему они исполняют свой долг, от него одного ждут почестей и наград, и, чтобы достигнуть их, нужно протолкнуться через толпу какими-нибудь выдающимися деяниями, которые монарх мог бы заметить. Если он добродетелен, тогда ревностные стремления заслу-

жить его уважение, его милость и места, близкие к престолу, одним словом, *честь* — эта идея, связанная со всяким превосходством, составляет самую твердую опору власти монархов. Но, увы, сколько случайностей приводит к тому, что эта честь вырождается в низкое раболепие! Римляне, вы ликовали при первых двух цезарях; вы были самыми низкими из смертных при остальных!

Лесть скоро портит величайших царей, и вот их придворные, их подданные становятся льстецами. Почти всякий, кто хочет снискать милость носителя короны, старается убедить его, что люди по отношению к своим государям занимают такое же положение, как вся природа относительно своего творца. Да что я говорю? Они внушают им, что народы для монархов — то же, что домашние животные для людей. Отныне мы видим только недостойных министров, исполнителей самой тиранической воли. Какая-нибудь гнусная клика забирает в свои руки воспитание наследника престола; эти низкие евнухи* внедряют в царствующей семье, вместе с полезными им невежеством и пороками, пагубные правила поведения, к которым та приобрела вкус под влиянием лести.

Народы, ликуйте, у вас родился принц. Природа одарила его качествами, которые

* В Византии это название было присвоено всей придворной челяди без различия.

составят некогда вашу отраду; нужно только содействовать их развитию... Увы, нет! Предавайтесь скорби, надежды ваши будут жестоко обмануты. Этот цветок задушат чудовища; от их ядовитого дыхания помутнеют, сузятся, погаснут способности этого гения, чтобы тем легче было управлять им по своему желанию; он будет пропитан всеми заблуждениями, всеми предрассудками самой грубой толпы; они сделают его рабом суеверных бабьих страхов. Сверх того, это отродье заразит этот нежный отпрыск духом ужасной скупости и властолюбия, которым оно само одержимо.

Все эти первые рабы стараются установить деспотизм, который скоро повергает нацию в состояние варварства, а затем полного упадка; вместе с нею гибнет и тяжелое ярмо, из-за которого она падает в эту бездну.

Так приходили всегда во все больший и больший упадок самые цветущие империи. Что, кроме жестокого духа *собственности* и *интереса*, дает первый толчок этим печальным переворотам?

Eheu, quam pereunt brevibus ingentia
causis*

Claudianus.

Вот что можно назвать жребием государств.

* „О, сколь ничтожно все то, от чего величайшее гибнет“ (К л а в д и а н). — Р е д.

Что могло бы обеспечить устойчивость империй

Если бы все имущества принадлежали нераздельно всем, были ли бы возможны эта неустойчивость, эти периодические превратности судеб империй? Установите этот прекрасный принцип, установите, что высшие идеи чести и добродетели связаны с тем, что делает этот принцип непреложным, что содействует его благим результатам, — и вы навсегда упрочите счастливый жребий нации. Народы будут жить по одной и той же конституции и управляться одним и тем же правительственным механизмом, лишь под разными названиями.

Если какой-нибудь народ придет к единодушному соглашению подчиняться только законам природы, как они изображены нами выше, если он будет соответственным образом вести себя под руководством своих отцов семейств, то это будет *демократия*.

Если для более верного соблюдения этих священных законов и исполнения их в большем порядке и с большей быстротой народ передаст власть в руки нескольких мудрецов, на которых будет возложена обязанность, так сказать, давать сигнал к действиям, указываемым и предписываемым этими законами, — это правление будет *аристократическим*.

Если для еще большей точности и правильности в движениях политического организма

его пружины приводит в действие только одно лицо, тогда государство становится монархией, которая до тех пор не придет в упадок, пока в нее не проникнет частная собственность, — если это несчастье случится, оно может все погубить, но при нашей гипотезе существует тысяча способов предупредить его.

Под каким предлогом политика приносит в жертву интересы большинства интересу одного человека

До какой степени разрушение законов природы перевернуло вверх дном моральные и политические идеи, можно видеть из того, что на государство стали смотреть как на послушный инструмент в руках монархов, которые извлекают из его струн какие им угодно звуки. Эти струны, говорят нам, толпа, слепая и не знающая обыкновенно, чего она хочет; относясь одинаково грубо к тому, что ей вредно, и к тому, что ей кажется полезным, она никогда не могла бы образовать общества, если бы не была подчинена какой-нибудь грозной власти. Да, люди должны быть управляемы, — но с каких пор народ вообще стал слепой толпой? Не с тех ли пор, как собственность и частный интерес, вместе с проистекающими от них заблуждениями, внесли, как я сказал, расхождение между людьми столь различного и сложного характера, что среди

тысячи лиц с трудом найдется десять, которые могли бы согласиться в своих воззрениях на какой-нибудь полезный предмет и в выборе средств, обеспечивающих каждому одинаковое пользование этим предметом? Почти никто из них не будет иметь правильного представления о том, что составляет сущность истинного общественного блага, как бы невелико ни было общество. Деспотизм всегда и ставил себе задачей душить эти представления, которые сделали бы человека истинно свободным, так как он был бы разумным. Удивительно ли после этого, что целый народ, целая нация становится капризной, сумасбродной толпой, шумным собранием бесконечного множества противоположных волей и чувств, находящихся в более сильном брожении, чем волны бурного моря; что народ становится огнем, который пожрал и уничтожил бы сам себя, если бы его ярость не сдерживалась законами, которые его умеряют, и господами, которые управляют им? По мнению наших мудрецов, эти господа существуют для того, чтобы властью и силою направлять все человечество к его благу; которого оно часто само не знает; это пастыри, ведущие глупое стадо к хорошему пастбищу и отгоняющие его от топкого болота, в которое оно могло бы погрузиться и погибнуть. Отсюда прекрасное правило, что владыки земные созданы для того, чтобы трудиться для счастья своих народов. Прибавлю, что

для успеха в этом деле следовало бы излечить людей от предрассудков, которые ослепляют их относительно их истинных интересов; но в действительности происходит как раз обратное. Часто целому народу выпадает на долю делать счастливыми несколько смертных за счет собственного своего покоя и счастья. Все взгляды и все заблуждения, удерживающие его в этом унижительном состоянии, поощряются. Если масса находит для себя выгодными тяжкие труды этого рабства, — тем лучше; если, напротив, дело происходит так, что процветание нескольких семей предполагает бедственное положение всей нации или большинства ее, то это обстоятельство мало смущает тех, кто занимает место в первом ряду. Миллионы людей едва имеют чем существовать; подати и налоги вырывают у них часть даже из того немногого, что у них есть, — что за важность: семья, корпорация, или, вернее, призрак, представляющий нацию, могущественны и богаты; их власть упрочена на несколько веков; их владычество распространяется на обширные области. Все остальное человечество — только низкое скопище животных, правда, полезных, и хозяева были бы заинтересованы в их сохранении, если бы, несмотря на всевозможные несчастные случаи, порода не оставалась почти столь же многочисленной. На этих отвратительных принципах покоятся ужасные правила маккиавеллизма,¹⁸

согласно которым люди являются по отношению к своим государям приблизительно тем же, чем илоты¹⁷ были для лакедемонянина.¹⁸

Власть и функции государей в естественном праве; их истинное величие

Восстанавливая естественный порядок вещей, мы приведем сравнения в обратном порядке. Целое стоит больше, чем часть, даже наилучшая; все человечество стоит больше, чем наилучший из людей, и нация заслуживает предпочтения пред самой почтенной семьей и самым уважаемым гражданином.

Высшие должностные лица, сановники республики, монархи — что вы такое с точки зрения естественного права по отношению к управляемым вами народам? Простые исполнители, уполномоченные заботиться об их счастье; но, как только вы плохо осуществляете свои полномочия, вы отрешаетесь от должности и становитесь самыми презренными членами общества! Ваша бдительность, правильность ваших действий делают вас самыми верными слугами человечества — теми, кого оно больше всего любит; но чего заслуживаете вы, когда, став неверными и наглыми служителями, вы осмеливаетесь думать об угнетении его?

Если нация ставит во главе своей одного из граждан (в особенности если это нация, следующая законам чистой природы), то не вправе ли она сказать ему: „Мы возлагаем

на вас обязанность заставлять нас соблюдать заключенные между нами соглашения, и так как цель их — поддерживать среди нас настолько совершенную взаимопомощь, чтобы никто не испытывал нужды не только в необходимом и полезном, но даже в приятном, то мы предписываем вам тщательно следить за сохранением этого порядка, уведомлять нас о действительных средствах для его поддержания, облегчать нам эти средства и поощрять нас к употреблению их. Разум предписал нам эти законы, а мы предписываем вам неустанно напоминать нам о них; мы предоставляем вам власть и авторитет этих законов и этого разума над каждым из нас; мы делаем вас их органом и глашатаем; мы обязываемся помогать вам в мерах принуждения каждого из нас, кто был бы настолько безрассуден, чтобы ослушаться их. Вы должны понять, что если вы сами осмелитесь нарушить обязанности, общие для всех, или пренебречь своим служебным долгом, если вы захотите навязать нам какую-нибудь обязанность, не предписываемую законами, то эти самые законы немедленно объявляют вас лишенным всякой власти. Никто не слушает вас больше, вам приказывают молчать, и вы возвращаетесь в наши ряды в качестве частного лица, принуждаемого сообразоваться с нашими учреждениями.

Мы считаем вас способным управлять нами и с полным доверием беремся следовать

указаниям ваших благоразумных советов; это — первое свидетельство нашего уважения к высоким талантам, которыми одарила вас природа. Если вы останетесь верным своим обязанностям, то мы будем любить вас как дар небес, мы будем уважать вас, как отца, — вот ваша награда, ваша слава, ваше величие. Какое счастье, если вы можете заслужить, чтобы столько тысяч смертных, ваших равных, любовно думали о вашем существовании, о вашем благополучии!

Бог — всеблагое существо; он сделал нас общительными, сохраните нас такими. Подобно тому, как он — двигатель всей природы, в которой он поддерживает удивительный порядок, будьте вы двигателем нашего политического тела; в качестве такового вы будете как бы подражать верховному существу. Впрочем, помните, что поскольку дело касается вас лично, вы не имеете иной власти, иных бесспорных прав, кроме тех, которые связывают всю массу граждан, ибо вы не имеете других потребностей, вы не испытываете других удовольствий, у вас нет, одним словом, никакого превосходства, ничего такого, что могло бы дать вам преимущество над рядовыми людьми. Если мы сочтем для себя полезным продлить вашу власть или если признаем, что кто-нибудь из ваших близких пригоден для нее после вас, то мы поступим соответственным образом в силу свободного выбора, независимо от каких бы то ни было притязаний“.

Я спрашиваю, какая капитуляция,¹⁹ какой титул,²⁰ какое право давнего владения может иметь силу против истины этой божественной хартии,^{* 21} может освободить от нее монархов, или, правильнее говоря, лишить их привилегии, которая облакает их властью высших благодетелей и тем самым делает их поистине богоподобными? Пусть по этому изложению судят об обычной форме правительств.

Доказав, что происхождение, причины и развитие всех вол и неурядиц зависят от порочного устройства всякого общества, я попытаюсь теперь точно определить идеи несчастья и нравственного зла — идеи, которые в общем запутаны и усложнены у большинства наших моралистов. Затем я рассмотрю влияние этих заблуждений на предписания морали.

* Вечный и непреложный документ или указ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ОСОБЫЕ НЕДОСТАТКИ ХОДЯЧЕЙ МОРАЛИ

Что такое зло; различные виды его

Человек по природе расположен судить обо всем с точки зрения своего „я“ (дабы он во-время начинал заботиться о самосохранении); он называет поэтому злом все, что прямо или косвенно не нравится ему или неприятно поражает его. Однако изучение и размышление научили его расчленять это общее понятие.

Мы присваиваем название *физических зол* тем изменениям материи, которые кажутся нам неприятными. Уничтожение какого-нибудь красивого цветка, какого-нибудь полезного предмета есть *убыток, ущерб* для нас; мы испытываем *неудовольствие, сожаление*. Несчастные случаи, постигающие нас со стороны какого-нибудь чисто пассивного существа, которое ранит нас, причиняет нам боль или какие-нибудь неприятные ощущения,

вроде удара камня, — все это относится также к разряду физических зол, которые мы именуем *несчастиями*.

Действие разумной причины, которое не нравится, неприятно поражает или оскорбляет, есть *зло нравственное*; того, кто умышленно его совершает, мы называем *злым*.

Возьмем противоположности этих прискорбных отношений, и вы получите идеи различных благ: блага, приходящие к нам от какой-нибудь неодушевленной причины, будут *физическими*; те которые мы получаем от причины разумной, будут *нравственными*. Эти причины будут вообще называться *добрыми*, их следствия будут *благодеяниями*, наши чувства — *удовольствиями*, событие — *удачей*, а наше состояние — *счастьем*. Постараемся, насколько это возможно, сузить слишком уже широкие границы того, что нас печалит, и расширить понятие нашего благосостояния, которое наши моралисты стараются как будто нарочно сделать возможно более узким.

Пред лицом божества нет физического зла

Я говорю,⁴ что всякое физическое зло происходит от изменчивости отношений и положений, которым мы подвержены по своей природе, но от которых совершенно свободна *первопричина*. Я не буду остано-

ливаться на доказательствах того, чего никто не станет оспаривать, а именно, что в общем порядке вселенной все представляется ее бесконечно мудрому творцу настолько добрым и хорошим, насколько это возможно, и что ничто не может быть ему неприятным в его творении. Таким образом, пред лицом создателя нет физического зла. Сверх того, никакое физическое зло не исходит от творца всякого порядка, ибо беспорядок во взаимных отношениях его неодушевленных творений был бы в бесконечном разуме незнанием, заблуждением — предположение невозможное, — а по отношению к нам такой беспорядок был бы весьма вредным свойством первопричины — идея, претящая нам не менее первой. Таким образом, то, что мы называем физическим злом, нельзя, собственно говоря, признать таковым даже по отношению к нам. Во-первых, значительная часть неприятных нам случайностей только потому не нравится нам, что наш ограниченный взор не в состоянии охватить весь порядок и взаимную связь существ; он улавливает только какую-нибудь часть их, которую и считает несовершенной, так как ничего, кроме нее, не может видеть. Другая же часть этих случайностей является по отношению к нам не столько физическим злом, сколько настойчивым предупреждением о необходимости избавиться или оградить себя от того, что может нам повредить. Во всех этих вещах мы должны видеть не столько

действия верховной воли, решившей вредить нам, сколько благодеяния с ее стороны. Если бы мы были тленны, как неодушевленные существа, мы не могли бы жаловаться на слепую причину, постепенно погружающую нас в безразличие небытия. Тем более мы не можем выступать с обвинениями против благодетельной и мудрой причины, которая может и хочет заставить нас пережить какие-нибудь преходящие несчастья только потому, что в ее план входит, чтобы всякое изменчивое существо, одаренное разумом, постепенно испытало ее благость и почувствовало всю цену ее.

*Моральное зло воздействует только
на разумное творение*

Из всего этого следует тот вывод, что во вселенной нет другого зла, кроме *морального*, которое причиной своей может иметь только разумное творение, и только против него может быть направлено, только его задеть. Как мы сказали, в причине существует свободно принятое решение вредить — это *злость*; в подвергающемся ей лице это выражается *обидой, ущербом*. Было бы, разумеется, нелепо утверждать, что божество подвержено таким неприятным отношениям, это было бы равносильно предположению, что оно, подобно нам, изменчиво и брешно.

Нет, говорят нам, моральное зло не действует на божество так, как на людей, — другими словами, оно не может ни причинить ему горе, ни нарушить его неизменный покой, но оно может не нравиться ему, вроде того, как зло, причиняемое кому-нибудь другому, трогает и волнует нас, хотя бы нам самим не угрожало ничего подобного. Это доброе чувство в нас есть подобие его доброты.

Я докажу скоро, насколько это сравнение, при всей его полезности в настоящем состоянии обществ, ложно. Однако это — одно из тех полезных заблуждений, которое, подобно ошибкам наших чувств, имеет своим назначением замещать отсутствующие уроки природы, когда человек перестает их слушать, — заблуждение, которое было бы ни на что не нужно ему, если бы он оставался покорным первоначальным законам.

Человек, говорю я, не имел бы надобности предполагать, что божество — в обиде на него за его дурные деяния, если бы он не переступал того, что ему предписывали естественные чувства, ибо при их благодетельном господстве человек, как мы показали выше, не может быть зловерным: в естественном состоянии все наглядно показывает ему и заставляет живо чувствовать необходимость делать добро.

Аналогия между физическим и нравственным порядком

Как в мире физическом, так и по отношению к человеческим деяниям бог установил общий закон, неизменный принцип всякого движения. И так как все расположено согласно плану, столь же удивительному по простоте, сколько по обширности и плодотворности его результатов, то все идет, все движется удивительно согласно. Можно думать, что всемогущий предоставил второстепенные причины и частные действия самим себе, или, если хотите, он сохраняет их течение и взаимную связь. Науки привели людей достаточно близко к главной пружине этого механизма, чтобы они могли различать его общие черты.

Бог, всегда подобный сам себе, установил и в нравственном мире непреложный принцип *невинности* для созданий, которые он хотел одарить способностью, дающей им возможность взаимно охранять друг друга. Подобно тому как он предоставил неодушевленные существа слепому механическому движению, так точно он предоставил людей руководителю, который, так сказать, насквозь проникает их и всецело ими владеет. Чувство любви к самим себе, бессильное без чужой помощи, ставит нас в счастливую необходимость творить добро. Наша слабость является в нас своего рода *инерцией*: как и косность тел,¹⁶ она располагает нас подчи-

чяться общему закону, связывающему одной общей цепью все моральные существа. Разум, когда он ничем не затемнен, еще увеличивает силу этого своеобразного тяготения.

Благотворение — это первая из наших нравственных идей

Мы научаемся *творить добро* задолго до того, как начинаем нуждаться в уроке *не вредить*. Слабый возраст нашей жизни — вот время этого счастливого ученичества; он оставляет нас достаточно долго свободными от всякой мысли творить зло, для того чтобы в нас могла распусться и укрепиться идея благодетельства.

Животное, предназначенное жить в обществе, проходит через детство, во время которого развивается соответственным образом сила этой будущей склонности; первые движения животного свидетельствуют о потребностях, а не о свирепых предрасположениях. Этот живой и легкомысленный возраст доступен только непродолжительному впечатлению от обиды, легко изглаживаемому малейшим проявлением к нему доброты. Какими бы бурными ни казались часто его волнения и тревоги, они представляют собою знак его чувствительности, но не развращенности: это — одушевленное существо, еще ничего не испытывавшее и желающее все испробовать; оно не раздражается серьезно против чего-либо; оно хочет наслаждаться,

не обращая внимания на препятствия, оно стремится прямо к приятному предмету. Так как оно еще не знает, что кто-нибудь может вредить ему; так как оно видит, напротив, что ему часто приходят на помощь родители или окружающие, то их заботы, их ласки, их предупредительность должны быть для него постоянными уроками любви, а разве любовь не есть принцип всякого благотворения? Когда мы испытываем на себе, что существуют добрые люди, способные приносить нам пользу, то в нас пробуждаются те же склонности. И постоянный опыт доказывает, что таковы именно впечатления, которые мы получаем с самого своего рождения; так пожелала божественная благодать. Было бы поэтому бесполезно возражать мне, что если идея благотворения может предшествовать в нас всякому расположению вредить, то может случиться и так, что если первые моменты нашей жизни были несчастными, у нас с детства появляется склонность к дурным поступкам. Я отвечаю, что это было бы возможно в нравственном порядке, установленном людьми, но что порядок естественный, который всегда ему предшествует, предохраняет нас от этих пагубных склонностей, по крайней мере на короткое время, и гарантировал бы нас от них навсегда, если бы ему приходило на помощь *искусство*, т. е. уменье путем правил, предписаний и примеров поддержать и укрепить первые уроки благотворения. В дей-

ствительности, однако, впечатления от них быстро изглаживаются: едва мы выходим из возраста первого детства, как свободные существа, старающиеся нам вредить, скоро научают нас подражать им.

*Что избавило бы человека
от всякой идеи нравственного зла*

Не подлежит таким образом, сомнению, что понятие о нравственном принципе: *делай добро, чтобы получать его*, предшествует у людей понятию о другом правиле: *не вреди другому, дабы никто тебе не вредил*. Устраните, однако, собственность, устраните сопровождающий ее слепой и безжалостный интерес; искорените поддерживающие их предрассудки и заблуждения — и люди перестанут сопротивляться или нападать друг на друга, исчезнут яростные страсти, жестокие поступки, не будет понятий идей *нравственного зла*. Если же останутся или вновь появятся следы этих идей, то они будут вызваны либо мелкими, не имеющими значения случаями, либо столкновениями между людьми. Но эти столкновения не только не способны будут затемнить разум спорящих или ослабить господство естественной потребности творить благо, а наоборот, заставят людей еще сильнее чувствовать все ее значение. Одним словом, как мы уже говорили в другом месте, в обществах будут только небольшие

разногласия, которые лишь ярче обнаружат существующую в них гармонию и не столько будут вредить ей, сколько сохранят общество от увядания.

Что такое пред лицом божества нравственные несовершенства разумного творения

Из всего установленного мною моралисты сделают вывод, что так как человек — свободное создание, которое могло и должно было остаться в счастливом состоянии, то он должен был вызвать к себе неприязнь своего благодетеля, нарушив как бы умышленно его первые предназначения. Они скажут, что создание это нужно признать безрассудным, если оно поддалось бесконечному множеству зол, опасность которых столь легко было видеть и избежать; что, следовательно, род человеческий очень виновен в глазах божества и вполне достоин наказания.

Пользуясь, подобно нашим философам, сравнением, было бы не трудно показать, что если бы верховная мудрость судила о вещах приблизительно так, как мы, то человек заслуживал бы со стороны божества не столько гнева, сколько жалости, не столько наказания, сколько помощи. Но кто не чувствует всей ложности и смехотворности подобного рода сравнений?

Ничто во вселенной не может быть неприятным божеству в том смысле и таким образом, как известные вещи неприятны человеку — этому столь ограниченному и слабому, брэнному существу, приводимому малейшим кажущимся расстройством в состояние тревоги и замешательства. Хотя мы абсолютно не можем знать, как смотрит божество на физические или моральные случаи, называемые нами *злом*, но, как я уже сказал, не подлежит сомнению, что то, что нам кажется беспорядком, не должно быть таковым для бесконечного разума, упорядочившего все. В противном случае пришлось бы упрекнуть его в неосторожности или злости или сделать из него фатум, не знающий сам себя. Кто утверждает, что случаются вещи, которые в состоянии оскорблять божественные идеи или волю, не может при всех своих стараниях уклониться от этого возражения, которое сразу же возникает само собою.

В самом деле, если в нравственном поведении людей что-нибудь задевает, т. е. не нравится божеству; если то, что мы называем *злом*, не есть в его глазах простой недостаток, необходимое последствие естественной ограниченности способностей человека, предоставленного в земной жизни себе самому; если это зло не есть простая неосторожность, ошибка, которая в самой себе несет свое наказание и исправление, — тогда придется согласиться, что все

человеческие учреждения, все искусственные законы, которым смертные добровольно или поневоле подчинились, суть общие преступления, тем более чудовищные и заслуживающие наказания, что они являются источником всех зол. Но при таком предположении пришлось бы сказать, что божество должно наказать всех наших мудрецов, всех наших законодателей, перевернувших вверх дном законы природы, как мы это доказали выше. Между тем, если послушать их, они не виноваты, у них были наилучшие в мире намерения.

Что касается остальных людей, то в чем можно винить их? В конце концов, не их вина, если они были введены в заблуждения, которые умножались и передавались из рода в род, пока не стали непреодолимыми. Таким образом, если вследствие этих заблуждений некоторые лица оказываются доведенными до жестокой необходимости стать преступниками, то не вправе ли они, согласно принципам наших же моралистов, ссылаться в свое оправдание на невольную злобу, проявления которой существовали до них? Поток развращенности уже давно прорыт, и в частых омутах, оставленных им на своем пути, гибнут эти несчастные, не будучи в силах выбраться из них. Кто виноват: тот ли, кто открыл бездну, или тот, кто в нее падает?

Вы составляли законы, зная, что они неминуемо будут нарушены; из этого вы

должны были понять, насколько они несовершенны. Вы караете: для поддержания законов у вас не было другого средства. Почему вы делаете божество ответственным за ваши промахи? Вы даже хотите, чтобы оно сердилось за то, что вам не оказывают повинования, и чтобы оно преследовало жертвы вашей мести за пределами той грани, где кончается всякое нарушение долга!

Мне могут возразить, что бог должен наказывать нарушивших свой долг, как это делают люди, ибо, несмотря на несовершенство человеческих законов, которые могли быть сами причиной этих преступлений, нельзя признать, что они были неизбежны для лиц, их совершивших. Наоборот, эти законы, изданные с целью помешать преступлениям, давали согласные с природою уроки, чтобы избежать их. Но тогда я спрашиваю вас: зачем нужны были эти бесполезные и вызывающие возмущение уроки? Вы утверждаете, что они заимствованы из природы, а я показал вам, что они противоречат ей. Как доказать подлинность их божественного происхождения, как доказать, что эти уроки бог признает своими как правила, которые он предписывает людям под страхом суровых наказаний?

Или же вы должны признать следующие нелепости: 1) что божество в угоду людскому безумию отменило и упразднило первый закон природы и его следствия; 2) что оно

изменило сущность первоначальных отношений, которые оно хотело установить между разумными созданиями, для того чтобы вместо них утвердить систему того или иного законодателя; 3) что раз этому смертному реформатору угодно было ради стройности своей системы объявить преступлением деяние, по природе не дурное, то провидение, согласно с бреднями какого-нибудь фанатика, будет наказывать тех, кто не сообразуется с его предписаниями. Если эти выводы из ваших собственных принципов возмущают здравый смысл, то оставьте их и признайте вещи более разумные. Бесспорно то, что, как я доказал в другом месте, пока законы природы остаются нетронутыми, до тех пор не может существовать никакого преступления; следовательно, нет повода наказывать преступление. Если же чья-нибудь неловкая рука по ошибке искажает предначертания этих законов или, вернее, заблуждается и по неведению побуждает каких-нибудь несчастных к нарушению их, то бесконечная мудрость пользуется той же рукой для исправления случайно причиненного вреда.

В глазах провидения нравственное зло в человеке представляет собою лишь то, чем являются в существах физических их несовершенства: его мудрость не разрушает несовершенной вещи, а совершенствует ее. Я называю вещь *несовершенной*, когда она

еще не стала тем, чем по замыслу провидения должна стать.

В мире физическом, как и в моральном, все постепенно совершенствуется

В природе, как и в искусстве, в физическом мире, как и в мире интеллектуальном и моральном, всё свидетельствует о том, что существует определенная степень *совершенства*, до которой существа поднимаются постепенно. Мы не знаем сущности самых простых и ограниченных вещей; мы не знаем, способны ли они к внезапному *совершенству* или нет и, следовательно, может ли всемогущество довести их до него без постепенности. Я не буду спорить о положительном или отрицательном ответе на этот вопрос; я вижу только осязательную внешнюю сторону процесса: явления, в которых я его наблюдаю, показывают мне, что везде, вплоть до комариного крылышка, существует последовательное развитие; я испытываю, я чувствую прогресс моего разума. Я вправе, следовательно, сказать, что по чудесной аналогии существуют благоприятные приращения и в области моральной и что, несмотря на свою силу и свою мягкость, законы природы лишь постепенно приобретают полную власть над человечеством. Таким образом, нации при своем объединении вначале скорее чувствуют пользу общества вообще, нежели отчетливо понимают, какое общество должно

быть наилучшим. Лишь после длинного ряда моральных заблуждений, лишь после тысячи испытаний человеческий разум открывает, наконец, что ни одно положение не может быть счастливее состояния простой природы.

Но каким образом нации могли бы понять это, если бы они не прошли через разные формы правления, через различные системы, недостатки которых должны были рано или поздно склонить все симпатии в пользу природы?

Почти все народы имели или имеют еще и теперь представление о золотом веке — очевидно, это то время, когда между людьми господствовала еще совершенная общественность, законы которой я развил выше. Быть может, золотой век — век первобытной невинности, когда человек жил не сознавая, что это наилучший для него строй, и в этой неосознанности его причина его порчи. Эта порча вызвала состояние варварства, разбоя, бедствия которых показали людям ценность их первоначального состояния. Они попытались приблизиться к нему посредством законов, которые долгое время были очень несовершенными и отменялись другими законами, более совершенными. Эти последние заменялись и будут, очевидно, заменяться новыми, еще более удовлетворительными, и так далее, пока очистившийся разум перестанет игнорировать уроки природы и будет постоянно находиться только

под ее влиянием. Дойдя до этого счастливого предела, разумное создание приобретает всю доброту или нравственное совершенство, на какие оно способно; вероятно, по этим ступеням провидение ведет к нему человеческий род. Часто говорят, что царства имеют, подобно людям, свое детство, юность, зрелый возраст и пору дряхлости. Не то же ли произойдет со всем человеческим родом, который после ряда переворотов придет к постоянному состоянию невинности?

Но оставим гипотезы; определим идею нравственного зла и заключим ее в правильные границы.

Правильные границы нравственного зла

В природе нет ни физического, ни нравственного зла во взаимоотношениях между божеством и сотворенными существами, т. е. нет ничего, что было бы ему неприятно.

В отношении человека, предполагаемого послушным первоначальным законам природы, нет *нравственного* зла, т. е. он не подвергается ни активному, ни пассивному ущербу. Страдать от зол этого рода, как и быть виновником их, он может только при деспотическом строе некоторых обществ, которые столь же различны, как и установившие их смертные, и имеют нравы

и обычаи, часто диаметрально противоположные друг другу. Таким образом, то, что считается в одном из них нравственным злом, признается часто в другом за добро или похвальный поступок. Это неопровержимо доказывается настоящим и прошлым состоянием наций. В одном месте осуждают то, что разрешают или приказывают в другом, следовательно, моральное зло есть в этом отношении вещь столь же шаткая и изменчивая, как и фантазия законодателей; в порядке вещей, чтобы оно каралось другим, столь же преходящим злом. Будучи исключительно действием второстепенной причины, предоставленной случайностям ее произвольной изменчивости, может ли это зло иметь какое-либо отношение к боже-ству?

Человек — независимый творец своих свободных действий; они не имеют другой цели, других мотивов, кроме его самосохранения, его благосостояния — вещей, весьма преходящих и всецело зависящих от его способностей. Но так как эти хорошие или дурные поступки, по отношению ли к нему или по отношению к его ближним, являются таковыми лишь при некоторых обстоятельствах, то справедливо будет сказать, что человек только весьма случайно или условно дурен. Устраните условия, устраните причины, по большей части от него не зависящие, — и он не сможет быть извращенным, не захочет им быть.

*Преходящая причина всех зол — также
средство против них*

Устраните собственность, — не перестаю я повторять, — и вы уничтожите навсегда тысячу случайностей, доводящих человека до бессмысленных крайностей. Абсолютно невозможно допустить, говорю я, чтобы, освободившись от этого тирана, человек стремился к преступлениям, чтобы он был вором, убийцею, завоевателем. Законы, разрешающие собственность, карают его за эти преступления; сверх того, он еще наказан собственными угрызениями совести и страхами, этими детищами предрассудков нравственной системы, в которой он воспитан. Но самое суровое наказание для злодея — это первое, так сказать, врожденное чувство, повелевающее ему *творить добро*; этот внутренний голос природы, как ни ослаблен он у человека, выражаясь в холодном предписании не вредить другим, обладает еще достаточной силой, чтобы давать себя живо чувствовать преступнику.

Вы говорите, что у большинства людей страх перед наказаниями и муками, настоящими или будущими, останавливает противоестественные поступки. Сколько усилий вы употребляете, слабые смертные, чтобы помешать какому-нибудь безумцу повредить вам! Все это было бы бесполезно, не будь неизгладимой *честности*, заложенной божеством в человеческом сердце. Благомыслящий

человек любит ее независимо от всякого страха; злодей сожалеет об ее утрате, даже оставшись безнаказанным; она одна более успешно карает и пресекает преступления, нежели колесование и виселица: *Ille (Deus) legis huius inventor, disceptator, lator: cui qui non parebit, ipse se fugiet ac naturam hominis aspernabitur; atque hoc ipso luet maximas poenas, etiamsi caetera supplicia, quae putantur, effugerit... Suum quemque scelus agitat, amentiaque afficit: suae malae cogitationes, conscientiaeque animi terrent, hae sunt impiis assiduae domesticaeque Furiae.** В план провидения входило, чтобы человеческие законы, которые неразумно вызовут нарушение естественных чувств, сочетали бы свое строгое действие с ослаблением силы этих же чувств и тем самым возместили бы ущерб, который они причиняют. Сами эти чувства, когда проходит первый пыл извращенного действия, приобретают снова всю свою силу и становятся столь страшными Эвменидами, которые помогают законам человеческим наказывать преступление. И подобно

* Cicero. De Rep., lib. 3; de legib., I, 14. „Он (бог) изобретатель, судья и податель этого закона; кто ему не подчинится, отречется сам от себя и пренебрежет человеческой природой и тем самым будет нести величайшие наказания, хотя бы и избежал прочих кар, следуемых за это... Всякого преследует его собственное преступление и добирает безумие; пугают его собственные злые замыслы и сознание: это неотступные и гнездящиеся в нечестивых людях фурии“ (Ц и ц е р о н. О государстве, III, гл. 22). — Р е д.

тому, как один удар уничтожается другим ударом, так и неразумность произвольных причин вызывает преступления, а последствия этого неблагоприятия ведут к уничтожению его пагубных действий; насилие уничтожается насилием, и таким образом для человеческого создания, которого это может интересовать, остается лишь нечто чисто идеальное.

*Истинная причина противоречий ума
и сердца*

Когда мы рассматриваем поступки людей, именуемые просто пороками и заключающие в себе гораздо меньшую степень злости, чем противоестественные поступки, то мы видим, о боже, сколько же ребяческих, странных и смехотворных действий люди связывают с нравственной идеей *доброты* и *злости*? Эти понятия, не имеющие никакого отношения к природе и, напротив, даже противоречащие ей, нашли, однако, столько веры в умах людей, что последние часто делали из них божественные предписания. Когда случается, что природа, наперекор разуму, сбрасывает бесполезное ярмо, то можно ли смотреть на ее сопротивление как на бунт? Можно ли говорить, что воля человека влечет его к пороку вопреки свету разума. Этот мнимый свет в действительности только тусклая искорка, и потому неудивительно, если природа, более мудрая и более сильная своими чувствами.

так часто ставит волю в противоречие с умом и словно насмеяется над его уроками.

Это и есть гордиев узел наших резонерствующих моралистов. Сердце человека, говорят они, представляет собою непостижимый лабиринт, извивы которого невозможно знать; это чудовищная смесь противоположных элементов, вечно воюющих друг с другом. Для чего ему разум, если вопреки этому проводнику он спотыкается на каждом шагу, если мы ежеминутно видим, что он поступает против своих взглядов и принципов, в которых он как будто сильнее всего убежден; если, наконец, нет ничего более непоследовательного, чем человеческое поведение?

Video meliora proboque, deteriora sequor.

*Ovidius**

Причина этого явления очень простая: дело в том, что в тысяче случаев ваши предрассудки, ваши заблуждения, ваши безрассудные мнения противны впечатлениям, которые мы получаем от мудрой природы. Между тем сердце чувствует ее быстрые и надежные указания и словно смеется над пустым педантизмом ума, который все видит ложно.

* Вижу лучшее, знаю —
Худшему следую я.

(О в и д и я. Метаморфозы, VII, ст. 20 сл.). — Р е д.

Соберите теперь весь сатирический и элегический вздор, который наговорили против человеческого рода древние и новые стоики, всякие Паскали, Мальбранши, Дюге²² и некоторые из наших лучших поэтов, рассмотрите его при свете наших принципов — и вы увидите, что часть того, в чем они его упрекают, — жалкие пустяки, а из остального вы поймете, почему человек не исправляется от того, за что его можно справедливо порицать. Вы поймете, почему эти цензоры так мудро несли вздор: наконец, почему и с каких пор

Loin que la raison nous éclaire
Et conduise nos actions,
Nous avons trouvé l'art d'en faire
L'orateur de nos passions.
C'est un sophiste qui nous joue,
Un vil complaisant qui se loue
A tous les fous de l'univers,
Qui s'habillant du nom de sages,
La tiennent sans cesse à leurs gages
Pour autoriser leurs travers.

*Rousseau**

Именно вследствие такого злоупотребления разумом большинство наших меланхо-

* „Разум не только не просвещает нас и не руководит нашими поступками, но мы еще ухитрились сделать из него красноречивого защитника наших страстей. Это софист, водящий нас за нос, подлый льстец, нанимающийся на службу ко всем безумцам вселенной, которые, рядясь в плащ мудрецов, постоянно пользуются его услугами, чтобы оправдать свое сумасбродство“ (Руссо). — Р е д .

лических мечтателей порицают человека, столь же странные, столь же непонятные сами, как тот, которого они так бранят. Иной раз, впрочем, они дарят милостью это несчастное создание и в утешение ему повторяют вместе с нашим знаменитым поэтом:

Malgré l'épaisse nuit sur l'homme répandue
On découvre un rayon de sa gloire perdue:
C'est un Roi qui, du trône en la terre jeté,
Conserve sur son front un air de majesté.

*Racine, fils**

Разве это не ценное и полезное открытие?

Насколько наши принципы далеки от одобрения порока или преступления

Нужны нравы, цивилизация, законы, правительство — так говорят все, и столь же усердно повторяю я; правила для них надлежало почерпнуть в природе. Но природа подвержена порче, человеческие страсти — огонь, который может стать пожаром; следовательно, надо было удалить от них горючие материалы. Человеческий разум создан для того, чтобы познавать приемы этой природы и следовать им, иначе какая была бы нам польза от этого путеводителя? Я признаю, что при всей своей мудрости

* „Несмотря на густую тьму, окутавшую человека, можно увидеть луч его былой славы: это царь, свергнутый наземь с престола и сохраняющий на челе своем печать величия“ (Р а с и н - сын). — Р е д.

первоначальные законы природы недостаточны для управления людьми, но это лишь до тех пор, пока эти законы остаются неясными и неопределенными; дело разума, дело искусства — собрать их, объединить, внести в них порядок, последовательность, твердо определить их решения. И подобно тому как все, что извращает природу, уже перестает быть ею; подобно тому как ее истинные чувства, ее истинные указания прекращаются там, где начинается насилие, — так точно всякое учреждение, нарушающее ее принципы, строящее на ложных положениях и принимающее за природу то, что не есть природа, перестает владеть искусством, способным подражать и следовать по стопам этой мудрой наставницы. Это — жалкая и слепая рутинa; лишь эта дисгармония есть объект моих нападков в настоящем сочинении.

Пусть не обвиняют меня поэтому в том, что своими принципами, отрицающими всякое нравственное зло, освобождающими человека от всякого страха, от всяких угрызений совести, я оправдываю преступление. Трудно придумать более очевидную клевету, чем это обвинение; во всех моих рассуждениях, во всех моих правилах не найдется ни одного, которое не то что поощряло бы какой-нибудь противный природе поступок, но не стремилось бы, напротив, уничтожить всякое злодейство и сделать его даже непостижимым.

Указывая первопричину всех преступлений и средства уничтожить ее, я заменяю бессильный страх, бесплодные угрызения совести истинными способами сделать преступление невозможным, внушить к нему непреодолимый ужас — одним словом, вернуть творение к его природной доброте, к его природной честности.

Когда я утверждаю, что пред лицом провидения нет никакого нравственного зла, что его не сердит преступление, что оно не наказывает его так, как мы это воображаем по сравнению с нашим образом действий, — то я одновременно говорю, что по непреложным следствиям порядка, установленного его мудростью в морали, т. е. в человеческих деяниях, все, что вредит людям, подавляется подобным же злом. Нет преступлений без наказания, но и нет больше преступлений после последних наказаний.

Если я заявляю, что идея бесконечно совершенного, бесконечно доброго существа абсолютно исключает представление об упорном мстителе, суровость которого увековечивала бы зло, то я исхожу из того соображения, что подобного рода представление мы можем иметь только о таком создании, которое, будучи восприимчивым к оскорблению, лишено возможности обеспечить себя от него иначе, как внушая другим страх и ужас. Только потому, что человек стремится обезопасить себя от возможного оскорбления, он, мстя, находит удо-

вольствие в муках виновного. Чем было бы существо, недоступное обидам, если бы оно находило что-либо приятное для себя в таких жестоких действиях.

Кричите, сколько вам угодно, обманщики или фанатики, имеющие интерес убедить нас в химерах; ваши пустые рассуждения никогда не в силах будут заглушить истину, столь же очевидную, как первая аксиома математики: *если всемогущество объединено в каком-нибудь одном существе бесконечной мудрости, то оно не наказывает: оно совершенствует или уничтожает*. Выбирайте.

Все есть добро во вселенной. Бог позволил, чтобы рядом и довольно близко от его непреложных законов человеческий разум, это сотворенное божество, возвел свои законы и чтобы он сам был творцом нравственного мира, механизм которого должен работать достаточно хорошо для настоящего, временного состояния человечества, подобно тому как дом сохраняется в течение жизни того, кто его строит или обитает в нем.

Вы, смертные, берущиеся наставлять людей, — я порицаю ваши конституции, ваши предписания только потому, что вы выдаете эти уроки за вечные истины. Довольствуйтесь тем, что у вас принимают их за гипотетически верные выводы из систем, рожденных воображением ваших первоучителей.

Вы, занимающиеся глупой болтовней о вечных решениях провидения и мнящие примирить их бесконечную мудрость с тем, что вы видите чудовищного в людских решениях, — несуразности, которыми вы наполняете наши библиотеки, это не более чем детский лепет. Великий боже, какие только нелепости вы ни приводите для оправдания неразумного поведения, приписываемого вами бесконечному Разуму? Но я не вхожу в обсуждение этого предмета; достаточно будет, если я скажу вам, как Сенека: *Quid interest, utrum Deum peges, an infames?** Почему вы в таком случае ставите в упрек язычникам их смехотворные божества? Разве они не могли бы с успехом отплатить вам той же монетой?

Я показал, в чем собственно состоит и нравственное добро и нравственное зло. Перехожу к рассмотрению причин испорченности человеческих деяний.

Главный мотив всякого человеческого поступка и принцип всякой общественной гармонии

Несомненно, что мотивом или целью всякого человеческого поступка является желание быть счастливым. Не менее бесспорно, что это желание есть результат

* „Какая разница, отрицаешь ты или поносишь бога?“, — Р е д.

основного свойства существа, которому предназначено знать, что оно существует, и должно заботиться о самосохранении, — одним словом, это желание есть результат нашей чувствительности. Но для того, чтобы быстро и действительно заставить нас повиноваться ее законам, эта чувствительность должна раньше заставить нас без обсуждения и критики относить все к самим себе, воображать, что все создано для нас и что без нас все существующее было бы не нужно. Она одна может позволить человеку сказать по примеру императора Тиверия: „*Me misceatur igne terra mortuo*“.*

Но именно из силы, из пылкости этого чувства провидение извлекает принцип всякой общественной гармонии. Я показал уже, что в чувствительном создании, которое оказалось бы единственным экземпляром своей породы, это движение играет приблизительно такую же роль, как движение в пространстве, сообщенное одному телу, которое, будучи предоставлено самому себе, шло бы, по словам физиков, всегда по прямой линии. Коротко говоря, чувствительность является для нас тем, чем является первичное движение, сообщенное материи, которое скоро теряет свое однообразие и дает начало обилию прекраснейших сочетаний между телами. По таким же почти правилам

* „Умру — пусть хоть земля с огнем смешается“. — Р е д.

божество построило и управляет нравственным миром. Оставим, однако, сравнения, доступные пониманию не всякого читателя.

Человек всегда и непреодолимо хочет быть счастливым. Его бессилие дает ему постоянно знать, что это невозможно без чужой помощи. Он осведомлен также, что существует бесконечное множество созданий, проникнутых таким же желанием, как он; он ежеминутно убеждается, что его счастье зависит от счастья других людей, что *благоволение* есть первое и вернейшее средство быть счастливым в земной жизни. Все как будто кричат ему: *ты хочешь быть счастливым, твори добро. Не ломай себе голову сначала над вопросом, от кого зависит твое счастье, знай, что ты не можешь наслаждаться им, не делая добра. Хочешь ли ты возвыситься до познания своего творца? Делай добро.*

Почему же, глухой к этим советам, человек прислушивается к тем из них, которые диаметрально противоположны его счастью?

Потому что ходячая мораль и политика опрокинули и извратили большинство идей, так же как их порядок и последовательность.

Постараемся поэтому распознать истинные следы природы и пойти по ним; постараемся открыть, что могло прервать ее работу и помешать ее успеху; укажем надлежащие средства для исправления этих беспорядков.

*Истинная последовательность и прогресс
нравственных идей; гипотезы,
их доказывающие*

Я говорю: 1) что в естественном порядке идея *благодетельности*, *активного* или *пассивного*, предшествует всякой другой идее, и даже идее божества; 2) что эта идея одна возвышает человека до представления о божестве, притом скорее и вернее, чем зрелище вселенной; 3) что *благодетельность* дает нам о божестве представление, поистине достойное величия его цели; 4) оно одно совершенствует вообще все способности разума и занимает их делом, отвечающим их истинному назначению; 5) что идея божества подвергается в человеке искажению лишь по мере того, как в нем ослабевает идея *благодетельности*; 6) я говорю, что грубая идея *благодетельного* божества не есть идолопоклонство: это название можно дать только той идее, по которой бог занимается тем, что равным образом вредит и делает добро; 7) что всякая мораль, которая дает такое представление о божестве и основывает на нем свое учение, есть мораль порочная.

*Благодетельность — это первый принцип
идеи божества*

• Во-первых, одна лишь идея *благодетельности* возвышает нас до представления о божестве скорее и вернее, нежели вид вселенной;

этот вид так мало трогает нас вначале, что мы наслаждаемся им, не подозревая причины его существования и не особенно стараясь узнать ее.

В наши первые годы бесконечное множество вещей более близки нам, чем украшения, чем ограда, чем самое место нашего жилища; первые предметы, вызывающие в нас приятные ощущения, являются как бы нашими первыми божествами.

Первая гипотеза, объясняющая, как складывается идея божества, как она развивается и совершенствуется

Предположим на одну минуту, что ничто не может нам вредить или противиться малейшему из наших желаний; что, напротив, все предупреждают их. Тогда у нас была бы идея о чем-то хорошем, хотя мы не имели бы еще представления о благотворном первом принципе. При этой гипотезе, как и при всякой другой, мы приходим к нему следующим образом.

Только в размышлениях о естественных чувствах зарождается идея божества

Чувства, повторяющиеся вследствие частого пользования несколькими предметами, пробуждают память и дают повод к сравнению, а последнее открывает, так сказать, двери к распознаванию и размышлению. Мы

начинаем судить о качествах предметов наиболее близких и даем им, в известной градации, название *прекрасных, хороших, лучших.*

Чувство и память, работая вместе или отдельно, или при помощи размышления, сравнивают настоящее с настоящим или настоящее с прошедшим; наблюдают оттенки и степени в качествах предметов; открывают в них свойства, не замеченные раньше; переходят от одного предмета к другому и от близкого к более отдаленным. Таким образом, способность разумения постепенно поднимается до первых понятий *о происхождении*, а затем путем ряда новых идей, порождаемых этим последним, человек возвышается, наконец, до представления *о существовании бесконечно добром.*

Зрелище вселенной только расширяет идею божества

Вопреки утверждению большинства наших философов, к идее о чем-то божественном нас приводит не зрелище вселенной, не размышления о случайности нашего или ее бытия. Эти наблюдения способствуют, правда, усовершенствованию этой идеи, но, когда мы делаем их по указаниям своего разума, у нас уже есть *идея благодетельности* вообще; следовательно, только ее наша чувствительность берет в руководители, только она возвышает нас до *общей идеи благодетельности*

существа. Другие идеи представляют собою как бы различные среды, через которые она проходит и от которых она принимает совершенствующие ее окраски.

Таким образом, доказано, что идея *благотворения* в этой системе, как и во всякой другой, должна быть основой и началом идеи божества.

Сверх того, доказано, что пока человек пребывает в состоянии *невинности и счастья*, он не может иметь других представлений о божестве, кроме идеи *существа бесконечно доброго*; что этот прекрасный источник не хотел быть познаваемым человеком иначе, как под этим одним и единственным наименованием; что он хотел бы также быть только последним объектом человеческого познания в порядке восприятия идей, в прогрессии от меньшего к большему и от большего к бесконечному. Это новое удивительное действие высшего благотворения, которое делает себя доступным человеческому духу лишь в такой привлекательной постепенности.

В какой постепенности совершенствуется идея божества

Сказанное нами приводит естественным образом к следующему вопросу: имели ли бы при этой гипотезе все люди одинаково возвышенное представление о божестве? Я отвечаю, что ступени этой идеи соответ-

ствовали бы большей или меньшей просвещенности умов, их большей или меньшей способности к просвещению. Могло бы даже случиться, и действительно случилось, что тот или иной ограниченный человек, с грубыми идеями о доброте, полагал бы, что божество пребывает в том, что ему кажется наилучшим, тогда как другой, наученный большим опытом или одаренный большей проницательностью, возвысился бы до неизмеримо более высокого представления о божестве.

Таким образом, при этой системе нация по мере усовершенствования ее познаний, благодаря опыту и пользованию большим количеством приятных и полезных вещей, становилась бы искуснее, выше по своему духовному началу и больше удалялась бы от бесформенных и грубых представлений о божестве, которые продолжали бы еще существовать у других наций.

*Вторая гипотеза,
при которой идея божества
приобретает новые степени совершенства*

Поставим творение, восприимчивое к благодеяниям, в другие положения, которые еще больше дали бы ему почувствовать их важность. Поставим человека в положения, которые дали бы ему возможность при помощи большого количества сравнений расширить свои представления. Это заставило

бы его понять необходимость существования благотворящего источника и важность творить самому добро. Подобного рода понятия должны постепенно расширить круг его представлений, а также идею божества, насколько это вообще возможно.

Представим себе, следовательно, человека в состоянии полной невинности, в таком состоянии, чтобы его существованию или благополучию могли вредить только совершенно неодушевленные существа, но так, чтобы он мог оградить себя от них либо сам, либо при помощи себя подобных, которые оказывались бы всегда расположенными помочь ему и которые интересовались бы, как он сам, его благополучием и его удовольствиями.

Я говорю, во-первых, что при этом втором предположении человек дойдет до идеи благотворительного божества по тем же ступеням, как и в предшествующей гипотезе, с тем, однако, различием, что неприятные случайности, которым первопричина оставит его подверженным, будут указывать ему на намерение провидения, чтобы само творение также делало добро. Сверх того, при предшествующем предположении человек имел бы почти только чисто пассивное представление о *добrote*, между тем как при настоящей гипотезе он, кроме идеи о полученном благодеянии, узнает еще на основании собственного опыта, что значит делать добро. Тогда

у творения будет некоторая идея о сходстве между ним и божеством, и так как по своим качествам он склонен будет считать себя самым совершенным, самым привлекательным из всех творений, то они побудят его также к мысли, что первопричина настолько же выше человечества, насколько это последнее считает себя выше других существ. Следовательно, чем более высокое представление человек будет иметь о благотворении вообще, тем возвышеннее будет также его идея божества. Кроме того изворотливость и осторожность, при помощи которых творение будет себя ограждать от преходящих случайностей земной жизни, и удовольствие от того, что удалось предохранить себя от них, укрепят в нем представление о бесконечно добром существе. И над всем этим, как выводом из мудрости смертных, была бы идея бесконечной мудрости.

Что касается неприятных случайностей, то при этой системе, как и при нашей, размышление приучило бы людей видеть в них не столько истинное зло, сколько предостережение, долженствующее пробудить идею о верховном благодетеле и сделать человека внимательным к самосохранению. Сверх того, разум часто указывал бы им, что эти случайности вредны только в известных отношениях, в общем же производят очень хорошее действие.

Можно, следовательно, прийти к заключению, что в этой второй системе человек

имел бы о божестве более высокие представления, чем в первой.

Все это доказывает также мое четвертое положение, — что *благодетельное совершенствует способности ума при помощи чувств сердца.*

Необходимо заметить, что при обеих предшествующих гипотезах человек, не имея еще никакого представления о божестве, творил бы добро, так сказать, инстинктивно, не будучи побуждаем к этому каким бы то ни было страхом.

Во-вторых, следует указать, что человеку не нужны были бы ни законы, ни мораль, так как ему не приходилось бы бояться никакого зла со стороны других людей.

В-третьих, так как человек связывал бы всегда идею божества только с делами, которые считал бы добрыми, то если бы по своему невежеству он даже приписал эту идею какому-нибудь предмету, не имеющему в себе ничего божественного, все же тут было бы меньше идолопоклонства, чем в грубых представлениях нашей толпы.

В-четвертых, главным образом при второй гипотезе, человек проявлял бы столько же расположения творить добро, сколько быть счастливым, так как предполагается, что, не будучи склонен ни к какому злому пороку, он сделал бы из благодеяния лучшую долю своего счастья.

В какой системе идея божества могла все более совершенствоваться или же подвергнуться искажению

Поставим человека в условия третьей системы.— те именно, в которых он теперь находится.

Это состояние, как и состояние предшествующей гипотезы, обладало всеми выгодами, какие люди могут извлекать из необходимости взаимопомощи, оставаясь послушными законам простой природы. Мы находим здесь те же средства совершенствовать способности ума и сердца,* те же средства совершенствовать в себе идеи бесконечной мудрости и доброты, то же взаимоотношение между благотворением и желанием быть счастливым.

* Одна академия задала ученым вопрос: *способствовало ли возрождение наук и искусств улучшению нравов?*

Вопрос этот был бы скоро решен при двух первых гипотезах, так же как при третьей, если бы только народы не были испорчены *собственностью*; несомненно, что обширность познаний сделала бы людей только лучшими.

Я полагаю, что эта знаменитая корпорация хотела позабавиться, присудив премию смелому софисту, ответившему на вопрос отрицательно, и что он сам хотел посмеяться над разумом, приняв за *порчу нравов* то справедливое презрение, с которым науки и искусства научили нас относиться к разным нелепостям.²³ За порчу нравов он принял то, что пороки стали менее грубыми, что лицемерие убавилось, что стало меньше той дикой и надутой угрюмости, которая, стесняя человека, дает ему право осуждать

Но, к несчастью, было возможно, чтобы эти счастливые наклонности изменились и чтобы человек стал вредить себе самому и всему своему роду. Только одна причина могла вызвать этот переворот, и все свидетельствует о том, что это была *собственность*. Человек мог знать эту опасность и оградить себя от нее. Если бы это произошло, то несомненно, что вид раскрывающейся пред ним бездны и простота средств, которые природа давала, чтобы избежать ее, вызвали бы в нем еще большее преклонение пред божественной благодатью и мудростью и привязали бы его еще сильнее к этим единственным средствам быть счастливым.

В действительности, однако, тысяча случайностей оторвала людей от невинности и честности, чтобы склонить их к разбою. Почему, скажут, провидение допустило столь роковую перемену?

Не знаю, но вместо того, чтобы, подобно вам, хулить его за то, что оно отдало человека во власть зол, которых могло

других, что стало больше непринужденности и свободы в жизненных сношениях. Он не заметил или упустил из виду, что если науки и искусства, указывая людям истинно приятные стороны общества, изгоняя варварство, умножая наши удовольствия, в известных отношениях как будто пробуждали жадность, то происходит это не оттого, что эти познания обладали сами таким зловредным свойством, а потому, что они, к несчастью, оказываются смешанными с ядом всякого нравственного растления, заражающим все, к чему он ни прикоснется.

не допустить, я предпочитаю сказать, что либо они не имеют никакого значения в его глазах, либо это лишь преходящие случайности, через которые всемогущая сила замышляет привести человеческий род к постоянному состоянию доброты.

Главная моя задача здесь — доказать, что моралисты, как и законодатели, упустили из виду или пренебрегли возможностью простыми и естественными средствами исправить человека от его первых заблуждений — средствами, продолжающими существовать вопреки злу; что они не только не воспользовались ими, а, как будто в заговоре с пороками, искажают идею *благодетельности* и идею *божества*.

Как извращенность человеческих поступков отразилась на идее божества и что следовало бы сделать, чтобы помешать этому

Когда случайности, о которых я говорил во второй части, заглушили у народов чувства *кровного родства*, когда люди перестали быть *благодетельными*, то извращенность их поступков естественно породила у них представление о божестве как о чем-то скорее страшном и мстительном, чем *благодетельном*. Неизбежным следствием было то, что род наш стал низким рабом постыднейшего *своекорыстия* и тысячи призрачных страхов; что множество грубых

заблуждений внушили ему мысль, будто вся природа и даже его собственные чувства поднялись против него; что человек, наконец, стал сам для себя предметом ужаса и вообразил, что его творец должен питать к нему такое же отвращение. Его собственные приступы ярости и раскаяния, поощрения и обиды, сострадания и жестокости, нежности и ненависти, высокомерия и низости — одним словом, его вечные колебания между добром и злом неизбежно заставили его выдумать божество, подобное ему самому. Я говорю, кстати, что таково истинное происхождение существующего еще идолопоклонства.

Можно ли извинить людей, бравшихся за исцеление этих зол, — я разумею первых реформаторов, а вслед за ними первых моралистов, — в том, что для установления своих законов или своих учений они воспользовались всеми чудовищными идеями, какие составили себе различные нации?

Когда народы, уставши от собственных преступлений, начали вздыхать по радостям общности и слушаться приказаний и советов тех людей, которых они считали способными восстановить ее, то разве не было легко заставить их познать основную причину всех их зол — *собственность* и внушить им ненависть к ней. Не было надобности в длинных рассуждениях, чтобы выяснить даже самой грубой толпе необходимость упразднить *собственность* навсегда. Разве

для некоторых законодателей это было бы труднее, чем диктовать страшные законы? Нисколько. Но вместо того, чтобы при помощи этого прекрасного средства вернуть человека к его естественной добродетельности, всю цену которой ему дали почувствовать его недавние несчастья; вместо того, чтобы прочно утвердить его в этом счастливом состоянии, — они лишь подвесили его, если так можно выразиться, между этой точкой опоры и пропастью.

Но разве могли эти преобразователи, зараженные теми же заблуждениями, как и их народы, удержаться от того, чтобы не последовать за их потоком? Могли ли они вдруг открыть истинную причину недуга? Для них, несомненно, уж и того было много, что они применяли наугад некоторые лекарства. Но если им служит извинением их невежество, то можно ли простить последовавшим за ними мнимым мудрецам, что они превзошли их ошибки и сделали их основой своих искусств и своих правил? Разве время и опыт не должны были убедить этих мудрецов в недостатках первых законов? Если бы только они были внимательны, то заметили бы, что все ложные идеи добра и зла, связываемые с призрачными целями, порождали только пустые страхи и пустые надежды, которые не только не склоняли людей к хорошим поступкам, не только не удерживали их в границах долга, но, напротив, только искажали и ослабляли мотивы этих

поступков. Они должны были заметить, что всегда дух собственности и личного интереса, располагающий всякого индивида приносить весь род в жертву своему счастью, будет побеждать ужас пред самыми страшными карами.

Важные причины извращенности человеческих поступков, упущенные из виду философами

Можно ли поверить, что с тех пор как существуют философы, ни у кого из них не было желания наблюдать и распознать ясную, поразительную причину некоторых из главных нравственных явлений?

1. Самые злые нации являются самыми суеверными

Во-первых, следует заметить, что нации самые свирепые, наиболее склонные к разбою или коммерции, будучи наиболее приверженными к преступлениям, почти всегда имели самые ужасные законы и божества, например, жители Тира и Сидона, карфагеняне, некоторые народы Германии, Галлии, Испании и т. д.

На основании этого наблюдения не трудно было прийти к общему выводу, что люди, наиболее склонные быть злыми, обыкновенно особенно расположены представлять себя божеством страшным. Вообразив, что этот

ужасный идол имеет приблизительно такое же пристрастие к богатству, подаркам, крови, резне и добыче, как и люди, они освободили себя от всякой необходимости церемониться со своими ближними: им нечего бояться, так как при помощи нескольких подарков и жертвоприношений они считают легким делом умиротворить эти жадные божества. Таким образом, у этих варварских народов нет никаких мотивов к добрым поступкам, кроме страха пред людьми, заставляющего их прибегать к хитрости, или страха пред богами, которые становятся предметом культа, не делающего лучшим ни положения людей, ни их сердца.

Можно было заметить также, что везде, где царствует деспотизм, появляются одни и те же симптомы; одни и те же заблуждения, одни и те же предрассудки исказили у людей идею высшего существа и сделали из него самое страшное, самое грозное из всех существ. Кто не видит, говорю я, что эти ложные идеи сделали также некоторых государей самыми жестокими тиранами и, обратно, что страшный призрак их чудовищной власти исказил идею божества. Мусульмане, именно по этому образцу скопирован странный образ, в котором ваш пророк представляет владыку вселенной; ваши наставники поддерживают вас в этих мнениях — их жадность и честолюбие находят в этом для себя прямой расчет.

2. *У каких наций суеверные обычаи искажают нравственные постулки*

Предположим, что наши мудрецы хотели бы узнать, отчего начинают искажаться мотивы к благотворению или, наоборот, что может способствовать восстановлению их чистоты; предположим, что они хотели бы найти точку колебания между испорченностью и ненавистью, найти то, что раздваивает человека между истинными обязанностями гуманности и множеством мелочных обычаев, именуемых добрыми деяниями, которые мешают ему вредить, но в то же время не делают его благотворящим и как бы оставляют в нерешительности перед выбором того или другого пути. Если бы, говорю я, они хотели узнать все это, то им стоило только обратить свои взоры на народы, управляемые законами и моралью, составленною, так сказать, пополам из надежды и страха. Они легко заметили бы, что это гибельное равновесие отличает нацию либо готовую впасть обратно в состояние варварства, либо готовую приблизиться к законам природы, — если она будет настолько счастлива, чтобы уловить благоприятный для этого момент.

3. *Характер наиболее гуманных наций*

Третье, весьма замечательное явление состоит в том, что на всем земном шаре нациями наиболее гуманными и мягкими всегда были те, у которых почти не было

собственности или которые еще не установили ее везде, следовательно, нации наиболее бескорыстные и наиболее благотворящие, по крайней мере по отношению к своим гражданам. Не менее замечательно, что эти нации поклонялись большей частью только предметам, которые они признавали божественными потому, что испытывали на себе их благотворное действие, например солнцу, звездам, стихиям, и что у них было очень мало или совсем не было жрецов. Если представления о божестве могли получить у этих народов более совершенный характер, чем у всех других, не изменяя их нравов, то не следует ли заключить отсюда, что так происходило бы дело во всех отношениях с нациями, которые вернулись бы в это счастливое состояние? И могли ли наши мудрецы не знать истинных средств привести их к нему? Могли ли они не чувствовать недостатков своих нравственных систем?

4. Какие люди обыкновенно самые злые

Четвертое наблюдение состоит в том, что везде самые злые люди — это наиболее корыстные, наиболее скупые, наиболее хитрые; это те, которые ищут и изобретают возможно больше предлогов, чтобы уклониться от обязанностей благотворения; это те, которые с большей ловкостью переносят идею об этих обязанностях на вещи, не приносящие

человечеству никаких материальных или духовных благ; которые возводят в ранг важных деяний суеверные обычаи и выдают за величайшую заслугу свой труд по обучению людей этим фокусам. Мы вправе утверждать, говорю я, что лица, действующие подобным образом с целью снискать наше уважение и наше почитание, с целью доставить себе все удобства изнеженной и праздной жизни, — более того, с целью властвовать над прочими людьми, — что это самые злые и самые испорченные люди. Поэтому я предлагаю рассмотреть, у каких людей эти пороки способствовали формированию их злобного характера. Мы увидим, что у всех наций он был отличительной чертой лиц, старавшихся внушить людям самые чудовищные идеи о божестве. Эти господа называют себя его друзьями, исполнителями его воли: каким обильным источником благ является для них это убеждение! Чем мы только не обязаны этим полубогам!* Не следует ли из этого, что всякое благотворение, всякая гуманность исчезает в серд-

* Посмотрите на этого первосвященника, этого отшельника, ревностного низкопоклонника божества: каким бы смиренным он ни казался, он скоро начинает воображать себя одним из его главных любимцев. Но один из главных любимцев божества — священная особа, а священная особа заслуживает почтения всех прочих смертных: она ведь истолковательница приказаний неба! Сколько благоприятных выводов для себялюбия!

цах тех, кто портит людей или отдаляет их от побуждений к добрым поступкам, не дает им свершить их или же направляет их волю творить добро на бесполезные дела и умеет использовать эту развращенность для того, чтобы угнетать смертных?

Какой вывод надо было сделать из предшествующих наблюдений

Разве после всех этих наблюдений не было легко прийти к выводу, что истинное благотворение есть плод любви нашего существа, свободной от всякого ошибочного или пустого страха и надежды? Объясним это.

От какого рода страха или надежды не должно зависеть благотворение

Я говорю, что благотворение должно быть независимо от всех этих ошибочных страхов и надежд, которые вследствие предрассудков возбуждают, однако, у людей самые сильные и самые вредные страсти. Существуют еще другие страхи, другие надежды, основанные на печальных фактах, которые не могли бы тревожить нашего покоя, если бы человек всегда творил добро, и от которых, следовательно, это доброе качество так же независимо, как и от первых.

Но вот, наоборот, элементы или первые уроки этого приятного опыта благотворения.

Нам присуще от природы какое-то беспокойство, какие-то мирные наклонности, которые побуждают нас трудиться для самосохранения, не нарушая чужого благополучия и не печалясь о себе. Я голоден, я испытываю жажду, я желаю удовлетворить эти потребности, я *надеюсь* найти для этого средства. Моя надежда не будет обманута, я *наверное* найду кого-нибудь, кто мне поможет; мое благо только отсрочено, но оно несомненно — вот род *надежды*, возбуждающий во мне расположение оказать другим такие же услуги.

Я замечаю что-нибудь вредное, я бегу от него, я от него спасаюсь, ко мне приходят на помощь — это благодетельный *страх*, но он не причинен мне каким-нибудь разумным созданием и не может толкнуть меня самого к чему-нибудь вредному для него. Одно из этих чувств делает человека добрым, а другое не может сделать его порочным.

Никогда, напротив, беспокойная надежда, тревога, связанная с неизвестностью, или гнетущий страх не встретить ни с чьей стороны помощи или испытать только обиды со стороны злых людей не могут расположить человека к истинному благотворению. И в этом смысле, я говорю, что оно не может быть ни плодом надежды, ни плодом страха.

Из всех этих рассуждений, основанных на опыте, следует заключить, что для восстановления природной *честности* человека

во всей ее чистоте и силе мораль должна была при помощи всяких предписаний, кроме тех, которые она обыкновенно использует, стараться сделать человека добродетельным, руководясь при этом исключительно соображениями об его истинном счастье. Ей можно поэтому справедливо сделать упрек в извращении этого всемогущего мотива.

С чего морали следовало бы начинать свои наставления

В самом деле, зачем, например, делать человека с первых же шагов его жизни рабом воли господина, которого он, надо предполагать, еще не знает или которого он должен научиться познавать лишь научась быть счастливым? *Люди, творите добро, бог этого хочет, бог это приказывает.* Прекрасное начало, хороший призыв! Научите их, что такое быть добрым, как преуспеть в этом, укажите выгоды, проистекающие отсюда для них. Оставьте в покое идею божества — для ее возникновения не нужны ваши уроки, вы только портите ее своими усилиями преждевременно вызвать ее. Сделайте так, чтобы человек, даже совершенно лишенный этой идеи, был, тем не менее, склонен полагать свое высшее счастье в том, чтобы делать добро. Удовольствуйтесь этим и не бойтесь, что он останется атеистом; ни счастье, ни невинность никогда еще не толкнули никого к атеизму. Идея божества

должна родиться у людей из убедительных наставлений и верных средств к тому, чтобы творить добро.

Если создание, делающее добро и чувствительное к благодеянию, склонно естественным образом проникаться уважением и любовью к первопричине всякого добра; если эти чувства внушают людям мысль, что знаки их признательности трогают божество; если, одним словом, нужен культ, который поддерживал бы у народов идею бесконечно доброго и мудрого существа, т. е. нужны доказательства, внешние символы, при помощи которых человек как бы громко высказывает себе самому и другим то, что эта идея ему внутренне подсказывает, — если все эти предположения верны, то очевидно, что единственными обрядами этого культа являются всякие добрые деяния, общие или частные, и что самая достойная форма почитания божества человеком состоит в подражании ему, а не в бесплодном бормотании похвал величию всемогущего.

Для ограждения истинного культа от искажения следовало предупредить человека, чтобы он вообще остерегался всего, что может побудить его приписать божеству какое-нибудь свойство вызывать страх, нужно было отклонить его от всяких сравнений бессмертного хотя бы с самым лучшим созданием — сравнений всегда низких и ребяческих. И надо было приучить его именно

по этим признакам распознавать несомненную ложность всякого мнения по этому возвышенному предмету.

Заключение настоящего труда

Этими отрадными истинами я заканчиваю настоящий труд. Полагаю, что мне удалось рассеять в достаточной степени окружающий их мрак заблуждения, чтобы сделать бесспорной их очевидность.

Я попытался найти решение проблемы, поставленной мною в самом начале этого сочинения. Задача эта, повторяю, состоит в том, чтобы найти такое положение, при котором человек был бы настолько счастливым и благотворящим, насколько это возможно для него в земной жизни. Будет ли он возлагать свои надежды на потустороннее бытие или нет — нужно сделать его нравственную доброту независимую от всякой надежды на будущее, нужно, чтобы она была мотивом и целью его счастья в настоящем. Для этого я указываю, какой удар следует нанести корню всех зол. Людям более искусным, чем я, удастся, может быть, убедить в этом народы, но никто не будет так живо, как я, интересоваться истинным благом человечества.

Вот еще другая истина, практическое осуществление которой дано только вам

смертным, рожденным воздействовать на народы. Хотите ли вы приобрести заслугу пред родом человеческим, установив самое счастливое и совершенное из правительств?

O, quisquis volet impias
Caedes et rabiem tollere civicam,
Si quaeret pater urbium,
Subscribi statuis...

*Horatius, lib. 3, ode 24**

Исправьте недостатки политики и морали согласно законам природы. Чтобы успеть в этом, предоставьте сначала истинным мудрецам полную свободу бороться с заблуждениями и предрассудками, поддерживающими дух собственности; когда это чудовище будет низвергнуто, постарайтесь воспитанием укрепить эту счастливую реформу. Вам уже не трудно будет затем побудить свои народы принять законы, подобные тем, какие составлены мною. В основу их я положил то наилучшее, что, как мне казалось, разум может подсказать людям для предохранения себя от опасности стать злыми.

* О, кто хочет безбожную
Брань и ярость пресечь междоусобицы,
Если он домогается,
Чтоб „Отец городов“ было под статуей...

(Г о р а ц и й. Оды, кн. III, 24). — Р е д.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ОБРАЗЕЦ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, СОГЛАСНОГО С НАМЕРЕНИЯМИ ПРИРОДЫ

Я даю этот очерк законов в форме прибавления и вне плана, так как, к несчастью, слишком верно, что в настоящее время было бы почти невозможным основать подобного рода республику.

По этому тексту, не нуждающемуся в длинных комментариях, всякий разумный читатель может судить, от скольких бедствий эти законы избавили бы людей. Я доказал выше, что для первоначальных законодателей легко было устроить так, чтобы народы не знали иных законов; если мои доказательства достаточны, то я достиг своей цели.

Я не имею дерзкой претензии преобразовывать род человеческий, но у меня достаточно мужества, чтобы говорить истину, не смущаясь воплями тех, которые страшатся ее, потому что в их интересах обманывать

человечество или оставлять его во власти заблуждений, жертвой которых они являются сами.

Основные и священные законы, которые уничтожили бы в корне пороки и несчастья общества

I

В обществе ничто не будет принадлежать отдельно или в собственность кому бы то ни было, кроме тех вещей, которые каждый употребляет для удовлетворения своих потребностей, для удовольствий или для своего повседневного труда.

II

Каждый гражданин будет должностным лицом, обеспеченным работою и получающим содержание на общественный счет.

III

Каждый гражданин будет содействовать, с своей стороны, общественной пользе сообразно своим силам, дарованиям и возрасту. В зависимости от этого будут определены его обязанности, согласно распределительным законам,

*Распределительные, или экономические,
законы*

I

Для того чтобы все происходило в образцовом порядке, без путаницы, без замешательства, будут проведены перепись всей нации и разделение ее по *семьям*, по *трибам* и по *городам*, а если она очень многочисленна, то и по *провинциям*.

II

Каждая триба будет состоять из одинакового числа семей, каждый город — из одинакового числа триб, и так далее.

III

По мере роста нации будут пропорционально увеличиваемы трибы и города, но лишь до тех пор, пока из этого прироста нельзя будет образовать новые города, столь же населенные, как другие. См. *законы городского благоустройства V* и *законы брачные XII*.

IV

Число *десять* и его кратные будут основанием всякого гражданского деления вещей или лиц — другими словами, все переписи,

всякое распределение на классы, всякая распределительная мера и т. д. будут состоять из десятичных частей.

V

В каждой десятке, сотне и т. д. граждан будет состоять известное число рабочих каждой профессии; это число будет пропорционально трудности их работы и количеству того, чем нужно снабдить население каждого города, — не утомляя слишком этих рабочих.

VI

Чтобы регулировать распределение произведений природы или искусства, будет приниматься в соображение, во-первых, что существуют произведения *прочные, стойкие*, т. е. такие, которые могут быть сохраняемы или служить долго, и что между всеми произведениями этого рода бывают такие: 1) которые служат для повседневного и всеобщего употребления; 2) которые служат для употребления хотя и всеобщего, но не постоянного; 3) некоторые необходимы постоянно только известному лицу, а всем прочим — лишь время от времени; 4) другие никогда не бывают предметом ни постоянного, ни общего пользования — таковы произведения, служащие только для простого украшения или составляющие предмет вкуса. Все эти стойкие произведения будут складываться

в общественных магазинах, причем одни будут распределяться ежедневно или в назначенные сроки между всеми гражданами, чтобы удовлетворять обычные потребности жизни и служить материалом для работ различных профессий, а другие будут выдаваться тем, кто их употребляет.

VII

Во-вторых, будет обращено внимание на то, что существуют произведения природы или искусства, которые скоро портятся; эти вещи будут приносимы на общественные рынки и там распределяемы лицами, ведающими их возделыванием или производством.

VIII

Произведения всякого рода будут взяты на учет, и количество их будет соразмерено либо с количеством граждан каждого города, либо с количеством тех, кто их употребляет. Те из этих произведений, которые не портятся, будут согласно тем же правилам публично раздаваемы, а излишек их отложен в запас.

IX

Если количество предметов не первой необходимости, употребляемых всеми или некоторыми лицами, будет настолько, что его окажется недостаточно и может случиться,

что хотя бы один гражданин будет лишен их, тогда всякая раздача приостанавливается, или же снабжение этими вещами производится в меньшем размере, пока недостача не будет пополнена. Надо будет, однако, тщательно остерегаться, чтобы подобные случаи не происходили относительно вещей первой необходимости.

X

Избыточные запасы каждого города, каждой провинции будут направлены либо в те местности, где их может оказаться недостаточно, либо сберегаемы для будущего.

XI

Согласно священным законам, между гражданами не должно быть ни продажи, ни обмена. Таким образом, тот, например, кому нужны будут овощи, зелень или фрукты на один день, пойдет за этим на общественный рынок, куда эти продукты будут приносимы лицами, их возделывающими. Если кому-нибудь нужен хлеб, то он получит его на определенное время у того, кто его печет, а тот, в свою очередь, получит в общественном магазине муку, необходимую ему для изготовления хлеба на один или несколько дней. Тот, кому нужна будет одежда, получит ее у того, кто ее шьет; портной получит необходимую для этого материю у того, кто

ее фабрикует, а этот последний получит потребное сырье в общественном магазине, куда его принесут лица, его добывающие. Тот же порядок будет применяться относительно всех других предметов, которые будут распределяться между отцами семейств для их личного употребления и для употребления их детей.

ХИ

Помощь, оказываемая нацией соседней или чужой нации продуктами своей страны, или такая же помощь, получаемая от них, есть единственный вид торговли, происходящий путем обмена и при посредничестве граждан, которые обо всем будут докладывать публично. Но при этом будут приняты все меры, чтобы такая торговля не занесла бы в республику ни малейшей собственности.

Законы земельные

I

Каждый город будет иметь свою территорию, по возможности не разделенную и наиболее правильной формы, притом не на правах собственности и лишь в количестве, достаточном для прокормления его жителей, и для того, чтобы дать занятие лицам, на которых будет возложена обработка земли.

II

Если город окажется расположенным в бесплодной местности, жители его будут заниматься лишь ремеслами, а соседние города будут доставлять его жителям продовольствие. Тем не менее, этот город будет иметь, подобно другим, свою корпорацию *земледельцев*, либо для того чтобы добыть все возможное на своей территории, либо для помощи при возделывании земель соседних городов.

III

Каждый гражданин без исключения обязан будет в возрасте от двадцати до двадцати пяти лет заниматься земледелием, разве только ему помешает какой-либо недуг.

IV

В каждом городе этот корпус молодежи, предназначенный для земледелия, будет состоять из земледельцев, садоводов, пастухов, дровосеков, землекопов, возчиков гужом и по воде, плотников, каменщиков, кузнецов и лиц других профессий, относящихся к строительному делу. Молодые люди, которые в течение назначенного времени будут заниматься одной из шести первых профессий, названных здесь, смогут оставить ее, чтобы взяться опять за ту профессию, которой они обучились раньше, или продолжать зани-

маться земледелием, пока им позволят их силы. См. законы III и V об общих порядках.

Законы городского благоустройства

I

Так как в каждом городе отдельные трибы не превысят или лишь весьма немногим превысят определенное число семей и, с другой стороны, общее количество их никогда не превысит известного числа ни на одну единицу, то величина каждого города будет приблизительно одинаковая, согласно II *распределительному закону*.

II

Вокруг большой площади правильной формы будут построены в одинаковом и привлекательном стиле общественные магазины для всяких припасов и залы для общественных собраний.

III

За этой оградой будут правильно расположены городские кварталы, равные, одинаковых очертаний и правильно разделенные улицами.

IV

Каждая триба займет квартал, каждая семья — просторное и удобное помещение. Все эти здания будут одинаковой формы.

V

Все кварталы города будут расположены таким образом, чтобы в случае необходимости можно было увеличить их число, не нарушая их правильности; эти увеличения не перейдут известных границ.

VI

На некотором расстоянии вокруг городских кварталов будут построены в виде галлерей мастерские всех механических профессий для всех рабочих корпораций, численность которых превысит 10 человек, ибо в *V* *распределительном законе* было сказано, что в каждом городе будет лишь необходимое число рабочих по каждой механической профессии.

VII

Вне этой ограды, состоящей из мастерских, будет построен другой ряд зданий, предназначенных для жилья лиц, занятых в земледелии и связанных с ним профессиях, а также для того, чтобы служить мастерскими для этих профессий, сараями, кладовыми, помещениями для скота и складами орудий — всегда в количестве, необходимом для обслуживания каждого города.

VIII

На некотором расстоянии за всеми этими оградами будет построено в самой здоровой местности просторное и удобное здание для помещения и лечения в нем всякого больного гражданина.

IX

На той же стороне будет построено удобное убежище для всех немощных и престарелых граждан.

X

С другой стороны, в наименее приятном и наиболее пустынном месте будет построено здание, окруженное высокой стеной и разделенное на несколько маленьких помещений, запертых железными решетками. Сюда будут заключаемы лица, заслуживающие, чтобы их удалили на время из общества. См. *законы о наказаниях*.

XI

Близко отсюда будет кладбище, окруженное стеною, где будут построены отдельно своего рода пещеры с толстыми каменными стенами, достаточно просторные и снабженные крепкими решетками, куда будут заключать на всю жизнь, а затем там же и хоронить тех граждан, которые будут наказаны

вечным изгнанием из общества, т. е. прекратят свое существование как граждане. См. *законы о наказаниях*.

XII

Все вообще здания в каждом городе будут строиться, поддерживаться в целости и перестраиваться корпорациями рабочих, занятых в строительном деле.

XIII

Чистота городов и общественных дорог будет поддерживаться обыкновенно корпорациями землекопов и возчиков; на них же будут возложены заботы по снабжению и устройству магазинов. В исключительных случаях все земледельческие рабочие присоединяются к другим гражданам, чтобы время от времени работать над сооружением или ремонтом общественных дорог и над проведением воды.

Законы об общих порядках

I

В каждой профессии самые старшие и в то же время самые опытные будут в порядке старшинства руководить поочередно в течение пяти дней пятью или десятью из своих товарищей, умеренно облагая их труд в счет той доли, которая была бы наложена на них самих.

II

В каждой профессиональной корпорации на каждые десять или двенадцать рабочих будет один мастер: его обязанностью будет учить их, проверять их работу, давать отчет об их работе и поведении старшине корпорации, который будет выбираем на год. Каждый мастер будет носить это звание пожизненно и поочередно занимать должность старшины корпорации.

III

Мастером какой-либо профессии можно будет сделаться не ранее как через год по оставлении своей земледельческой работы и возвращении к своей прежней профессии, следовательно, только по достижении 26-летнего возраста.

V

В каждой профессии тот, кто сделает какое-нибудь важное открытие, сообщит о нем всем членам своей корпорации; он станет тогда мастером, даже не достигнув установленного возраста, и будет назначен старшиною корпорации на следующий год. Нарушение очереди будет допускаемо только в этом случае; затем она будет восстановлена опять.

V

В десять лет каждый гражданин начнет учиться той профессии, к которой будет чувствовать склонность или к которой будет казаться способным, не будучи, однако, принуждаем к этому. В возрасте от пятнадцати до восемнадцати лет он женится, от двадцати до двадцати пяти лет он будет заниматься какой-нибудь отраслью земледелия, в двадцать шесть лет он будет мастером либо в своей профессии, если вернется к ней, либо в той профессии, связанной с земледелием, которой он будет продолжать заниматься. См. *земельные законы III и IV*. Но если он выберет какой-нибудь другой род занятия, тогда он может быть мастером лишь в тридцать лет. В сорок лет каждый гражданин, не имеющий определенных обязанностей, будет добровольным работником, т. е., не будучи освобожден от работы, он будет заниматься лишь тем трудом, какой выберет сам, и выполнять лишь те задания, какие он на себя возложит; часами отдыха он вправе будет распоряжаться, как ему угодно.

VI

Немощные люди и дряхлые старики будут получать удобное помещение, стол и содержание в общественном доме, предназначенном для этой цели в каждом городе на основании *IX закона о городском благоустройстве*. Точно так же все без исключения больные

граждане будут перевозиться в предназначенное для них общее помещение и пользоваться здесь таким же хорошим уходом и содержаться в такой же чистоте, как у себя в семье, притом без всяких различий и преимуществ. Сенат каждого города приложит особые заботы к урегулированию хозяйства и обслуживанию этих домов и протарается, чтобы там не было недостатка ни в чем необходимом или приятном как для восстановления здоровья и скорейшего выздоровления, так и вообще для всего, что может усладить печальное существование немощных.

VII

Старшины всех профессий будут указывать часы отдыха и труда и предписывать, какую работу надо сделать.

VIII

Каждый пятый день будет днем общественного отдыха; для этого год будет разделен на 73 равные части. В високосный год этот день отдыха будет дважды. См. закон IV распределительный.

IX

Общественные увеселения будут начинаться всегда в день общественного отдыха и длиться шесть дней, включая этот день.

X

Народные празднества будут происходить непосредственно перед открытием первых пахотных работ, перед началом жатвы, по окончании сбора плодов всякого рода и в начале каждого года. Во время новогодних увеселений будут праздноваться свадьбы и вступать по очереди в должность назначаемые на год старшины городов и корпораций. См. *законы о правительстве*.

Законы о роскоши

I

Каждый гражданин начиная с тридцатилетнего возраста будет одеваться по своему вкусу, но без чрезмерной роскоши. Он будет также кормиться в своей семье, соблюдая умеренность и воздержанность в еде и напитках. Настоящий закон предписывает сенаторам и старшинам сурово подавлять излишества в этом направлении, подавая в то же время собою пример скромности.

II

От десяти до тридцати лет молодые люди каждой профессии будут носить форменное платье из одной и той же материи, чистое, но обыкновенное и подходящее для их занятий. Каждая корпорация будет отличаема каким-нибудь цветом, соответствующим

главному предмету ее труда, или каким-либо другим знаком.

III

У каждого гражданина будет рабочее платье и праздничное, украшенное скромно и к лицу, все сообразно средствам республики и так, чтобы никакое украшение не могло доставить кому бы то ни было преимуществ или особого внимания. Всякое тщеславие будет подавляемо старшинами и отцами семейств.

Законы о форме правления, долженствующие предупредить всякую тиранию

I

Каждый отец семейства, достигший пятидесятилетнего возраста, будет сенатором. Ему будет принадлежать совещательный и решающий голос в издании и разъяснении целей законов, хранителем коих будет сенат.

II

Мнения других глав семейств или старшин профессиональных корпораций будут запрашиваемы, когда дело будет идти о регулировании того, что касается их занятий.

III

В каждой трибе каждая семья поочередно дает трибе начальника, который будет им в течение всей своей жизни.

IV

Каждый начальник трибы поочередно в течение одного года исполняет обязанности начальника города.

V

Каждый город дает своей провинции поочередно начальника, который будет занимать свою должность в течение одного года. Начальник этот будет взят из числа начальников этого города, причем триба, откуда он будет взят, изберет себе другого начальника.

VI

Каждая провинция поочередно даст пожизненного главу всего государства. Главою этим будет по праву начальник соответствующей провинции, занимающий эту должность в момент смерти главы государства или готовящийся вступить в нее по очереди. В таком случае этот начальник провинции, ставший главою государства, будет замещен в своей провинции тем, кто, согласно предшествующему закону, должен быть его приемником.

VII

Если нация не настолько многочисленна, чтобы составить больше одной провинции, то начальник ее будет в продолжение одного года главой всего государства. Если бы вся нация состояла только из одного города, то начальник этого города был бы главою всего государства только в течение одного года. В том и в другом случае остается без всяких изменений порядок назначения этих лиц, установленный *законом V*.

VIII

Так как в силу предшествующего *III закона* начальники трибы должны быть пожизненными, то все те из них, которым в их очередь будет предоставлена почетная должность начальника города или провинции на один год, займут по оставлении этой должности свое прежнее место, а те, которые в силу *закона V* занимали это место в то время, когда начальники города или провинции занимали должность главы государства, опять станут простыми отцами семейств и будут ждать своей очереди, чтобы сменить этих глав трибы.

IX

Всякое лицо, ставшее начальником трибы либо до, либо по достижении *сенаторского* возраста, не будет больше или не сможет

больше быть сенатором, и какого бы почетного поста, предоставляемого на один год или пожизненно, оно ни достигло, оно не будет ни во время занятия своей должности, ни после нее входить в состав сената, а только в совет.

Х

Будет учрежден верховный сенат нации, составляемый ежегодно из депутатов от сената каждого города, по два или больше, а каждый сенатор войдет поочередно в число этих депутатов. Затем будет учрежден Верховный совет нации, подчиненный этому большому сенату и стоящий во главе других советов; он также будет состояться из депутатов от совета каждого города и т. д.

XI

Если государство состоит из одного только города, то его сенат, куда входят лица, достигшие 50-летнего возраста, будет верховным и будет отправлять его функции. Отцы семейств, имеющие 40 лет от роду, составят частный сенат.

XII

Начальники триб, не принадлежащие больше к составу сената согласно IX закону о форме правления, вместе со старшинами корпораций и мастерами-художниками, которые не достигнут сенаторского возраста, образуют совет каждого города.

XIII

Каждый член сената или совета будет по очереди председательствовать в течение пяти дней, чтобы собирать мнения и решать вопрос о большинстве голосов.

Законы об управлении

I

Функции Верховного сената будут заключаться в надзоре за тем, чтобы решения и регламенты сенатов каждого города не содержали ничего, могущего в настоящем или будущем оказаться в противоречии с государственными законами, а равно за тем, чтобы принимаемые меры полицейского и хозяйственного характера находились в разумном соответствии с распределительными и другими законами. В результате рассмотрения этих регламентов Верховный сенат утвердит или отвергнет их целиком или только в известной части. То, что будет постановлено таким образом относительно одного города, будет соблюдено по тому же предмету во всех других городах и получит силу закона по изъявлении на то согласия подчиненными сенатами.

II

Каждый сенат будет запрашивать мнение своего совета и выслушивать его представления, с правом отвергнуть их лишь в том

случае, если предложенное советом окажется в прямом или косвенном противоречии с целями законов и если представится возможность принять лучшее решение.

III

Начальники городов, по приказу главы государства, будут приводить в исполнение решения частного сената, одобренные Верховным сенатом.

IV

Частным сенатам совместно с Верховным сенатом будет принадлежать вся политическая власть, подчиненная власти законов; это значит, что они будут в определенной форме и без обсуждения приказывать то, что формально предписывается законами. Им будет принадлежать также право, по предварительном обсуждении и решении вопроса о средствах, развивать и применять в частных случаях управления те из предписаний этих законов, которые формулированы лишь в общих выражениях.

V

Функции главы нации будут состоять в общем в надзоре, согласно приказам Верховного сената, за соблюдением законов и решений, к ним относящихся. В частности, ему будет принадлежать общее управление

всеми государственными корпорациями, занятыми в земледелии или связанными с ним, а также главная инспекция над всякого рода магазинами и работами всех ремесленных корпораций. Если государство обширно, он будет объезжать по очереди провинции, чтобы убедиться, все ли исполняется надлежащим образом и проводится ли на практике возможное единообразие и порядок.

VI

Начальники городов под властью начальников провинций, а эти последние под властью главы государства будут исполнять в своих областях те же функции, какие он исполняет для всего государства.

VII

Все начальники, каждый по своему рангу и в своем ведомстве, вправе будут в особых и непредвиденных случаях, когда дело будет идти о какой-нибудь полезной мере и быстром исполнении какого-нибудь полезного проекта, употреблять те средства, какие им подскажет благоразумие. Приказы их будут подлежать безусловному выполнению, когда дело будет идти о наивысшем благе для всех. В менее важных случаях они запросят мнение своих равных или опытных людей. Отчет о своем поведении и объяснение его они будут представлять каждый своему частному сенату и начальникам, которым они

подчинены; эти последние — главе государства, а глава государства — Верховному сенату.

VIII

Начальники триб (для этого они и пожизненны) будут иметь надзор за порядком и снабжением магазинов и за распределением запасов, которые будут производиться руками рабочих-добровольцев, т. е. тех, которые достигнут возраста, дающего право выбирать себе занятие по своему усмотрению; последним будут помогать, в случае необходимости, лица, отряженные корпорацией земледельцев.

Что касается вещей, производимых и потребляемых ежедневно, то, как уже сказано было в *IV законе о распределении*, их будут раздавать каждому гражданину те лица, которые возделывают, готовят или обрабатывают эти припасы.

IX

Начальники городов и провинций будут заниматься в течение года только исполнением своих должностных функций, по окончании же срока службы им предоставлено будет заниматься какой угодно профессией. Всякий старшина ремесленной корпорации также войдет в число рабочих-добровольцев, когда окончится год его службы.

X

Всем сенаторам, политическим начальникам, начальникам мастерских, ремесленным мастерам будут оказывать такой же почет и повиновение в их общей службе отечеству, каким отцы семейств пользуются со стороны своих детей.

XI

Формула всякого общественного приказа будет: *„Разум требует, Закон приказывает“*.

XII

Все эти законы об управлении, как законы *основные*, будут почитаться священными и нерушимыми. Они не будут подлежать ни изменению, ни отмене с чьей бы то ни было стороны, под страхом и т. д. См. *законы о наказаниях*.

Законы брачные, долженствующие предупредить всякий разврат

I

Всякий гражданин должен будет тотчас по достижении брачного возраста вступить в брак; никто не будет освобожден от этого закона, разве если исполнению его помешает природа или состояние здоровья

данного лица. Безбрачие не будет дозволено никому ранее 40-летнего возраста.

II

В начале каждого года будут публично праздноваться свадебные увеселения. Молодые люди того и другого пола соберутся вместе, и в присутствии городского сената каждый молодой человек выберет нравящуюся ему девушку; получив ее согласие, он возьмет ее в жены.

III

Первое супружество будет нерасторжимо в течение десяти лет, после которых будет допускаем развод с согласия обеих сторон или по желанию одной только стороны.

IV

Мотивы развода будут объявляемы пред собравшимися главами семейств данной трибы, которые попытаются путем увещаний примирить разводящихся.

V

По объявлении развода разошедшиеся лица могут сойтись вновь лишь по истечении шести месяцев, до этого же времени им не дозволено будет ни видаться, ни говорить друг с другом; муж останется в своей трибе или в своей семье, а жена вернется в свою.

Вести переговоры о примирении им разрешено будет лишь через посредство своих общих друзей.

VI

Лицам разведшимся разрешено будет вступать в брак с другими лишь - спустя один год; после чего им не разрешено будет вновь вступать в супружество друг с другом.

VII

Разошедшимся лицам нельзя будет вступать в брак с лицами, более молодыми, чем они сами, равно как с более молодыми, чем лицо, которое они покинули. Право это будет предоставлено только овдовевшим.

VIII

Лицам того или другого пола, состоявшим раньше в браке, не будет разрешено брак с холостыми еще или незамужними молодыми особами.

IX

Каждому гражданину разрешено будет взять себе жену из какой ему угодно трибы, города или провинции; но тогда жена и дети будут принадлежать к трибе мужа.

X

В случае развода дети обоого пола останутся при отце, и его жена по последнему

браку одна будет считаться их матерью; ни одна из предшествовавших ей жен не вправе будет присваивать себе это звание по отношению к детям своего мужа.

XI

Сыновья одного отца, хотя бы женатые и имеющие детей, станут главами семейств только после смерти их общего отца.

XII

Во время публичного празднования свадеб будет производиться ежегодная перепись граждан каждого города. Сенат будет вести точный учет лицам разных возрастов и профессий по трибам и семействам. Число семейств, составляющих трибу, будет, по мере возможности, уравниваться; будут образуются новые трибы, а в случае надобности и новые города, если окажется достаточное для этого число избыточных триб, или же будут пополняться трибы и города, ставшие малолюдными вследствие какого-нибудь несчастного случая.

XIII

Когда численный рост нации дойдет до такого пункта, что рождаемость будет почти равна смертности, то трибы, города и пр. окажутся почти одинаковыми по населению и будут поддерживаемы в этом состоянии. См. III хозяйственный закон.

Законы о воспитании, долженствующие предупредить последствия слепой снисходительности отцов к своим детям

I

Матери будут сами кормить своих детей, если это позволит им здоровье; освобождение от этой обязанности будет допускаемо не иначе как по представлении доказательств своего недомогания.

II

Разведенные жены, имеющие грудных детей, должны кормить их в течение года своего развода.

III

Главы триб будут внимательно следить за тем, чтобы отцы и матери заботливо относились к своим малолетним детям.

IV

По достижении 5-летнего возраста все дети каждой трибы будут собраны вместе и помещены в предназначенные для этого дома, мальчики и девочки отдельно. Их пища, одежда и первоначальное обучение будут везде совершенно одинаковыми, без всяких отличий, согласно правилам, которые предпишет сенат.

V

Известное число отцов и матерей семейств будет под надзором главы трибы заботиться об этих детях, как о своих собственных, в течение пяти дней; затем их сменит по очереди такое же число родителей. Они постараются внушить своим питомцам умеренность и послушание, предупреждать путем мягких увещаний или легких наказаний всякие ссоры, капризы, дурные привычки. Обращение со всеми детьми будет совершенно равное.

VI

По мере развития умственных способностей у детей их начнут обучать отечественным законам. Их научат уважать эти законы, повиноваться своим родителям, начальникам и лицам зрелого возраста. Их приучат быть любезными с равными себе, поддерживать с ними дружбу, никогда не лгать. Они будут упражняться в каком-нибудь легком, подходящем для их возраста занятии и время от времени в играх, которые могут их развить физически и подготовить к труду. Им не будут предписывать ничего, не объяснив разумности предписываемого. Эти первоначальные наставления будут затем культивироваться учителями, заботам которых они будут поручены по выходе из раннего детства.

VII

Дети, оказавшиеся до 10-летнего возраста достаточно крепкими, чтобы изучить начатки профессии, к которой их сочтут годными, будут посылаемы ежедневно на несколько часов в общественные мастерские, чтобы начать там свое обучение.

VIII

Каждый ребенок по достижении десятилетнего возраста покинет этот общий родительский дом, чтобы перейти в мастерские. Здесь детям дадут помещение, стол и одежду, а обучать их будут мастера и старшины каждой профессии, которых они должны будут слушаться, как своих родителей,—все это будет осуществляться сообща в каждой корпорации и в каждой мастерской, где дети каждого пола будут обучаемы отдельно подходящим для них занятиям.

IX

Кроме механических упражнений в определенной профессии учителя и учительницы, равно как и старшины профессий, будут делать детям наставления морального характера. Если по мере развития умственных способностей у детей некоторые из них придут к мысли о существовании божества и, услышав разговоры об этом, станут задавать вопросы относительно этого высшего

существа, тогда им объяснят, что это благодетельная первопричина всего, чем они восхищаются и что они находят привлекательным и хорошим. Наставники остерегутся всячески давать детям какие-либо туманные представления об этом неизреченном существе и пытаться объяснить его природу терминами, лишенными смысла. Детям скажут просто, что создатель вселенной может быть познаваем только по его творениям, которые свидетельствуют о нем только как о существе бесконечно добром и мудром, но несравнимом ни с чем смертным. Молодым людям объяснят, что заложенные в человеке чувства общественности суть единственные выразители намерений божества и, лишь наблюдая их, можно достигнуть понимания того, что такое бог. Им скажут, что цель законов — совершенствовать эти чувства и систематически применять их предписания ко благу общества.

Х

Все нравственные предписания, правила, размышления будут выводимы из *основных* и *священных* законов, притом всегда в направлении к общественному единению и любви. Предметом призыва будет осуществление нераздельной связи личного счастья с общим благом, а целью поощрений будут служить уважение и дружба близких людей, сограждан и начальников.

XI

Начальники и сенаторы будут внимательно следить за тем, чтобы законы и уставы о воспитании детей соблюдались всюду точно и единообразно, в особенности же, чтобы мудро исправлялись и предупреждались недостатки детского возраста, могущие пробудить дух *собственности*. Они воспрепятствуют также тому, чтобы детский ум пропитался с самого нежного возраста какими-либо смехотворными баснями, сказками и выдумками.

XII

В возрасте 15—16 лет, когда молодые люди женятся, они покинут общественные академии, чтобы вернуться в отцовский дом, откуда они будут в назначенные часы отправляться ежедневно в мастерские, чтобы там заниматься своей профессией, пока они не достигнут надлежащего возраста для занятия земледелием. Тогда они перейдут в предназначенные для этого помещения.

Законы о научных занятиях, долженствующие помешать блужданиям человеческого ума и всяким трансцендентным мечтаньям

I

Число лиц, посвящающих себя наукам и искусствам, которые требуют больше

проницательности, изобретательности и талантов, чем физической силы, будет твердо устанавливаемо как для каждого рода занятий, так и для каждого города. Соответственное обучение граждан, обнаруживших наибольшие задатки, начнется рано, причем, однако, это не освободит их от занятия какой-нибудь отраслью земледелия, когда они достигнут надлежащего возраста для работы в ней. За исключением числа учителей и учеников, установленного для наук и искусств, никому не будет дозволено посвящать себя им ранее тридцатилетнего возраста, согласно *V* закону об общих порядках. По достижении этого возраста тем, у которых опыт усовершенствует их разум и пробудит склонность к какой-нибудь более высокой профессии, чем та, какой они занимались прежде, дозволено будет заняться ею.

II

Никакой иной моральной философии, кроме той, которая трактует о плане и системе законов, не будет. Наблюдения и предписания этой науки будут основываться только на полезности и мудрости этих законов, на сладости уз родства и дружбы, услуг и признательности, которые связывают сограждан, на любви к труду и пользе его, на всех общих и частных правилах доброго порядка и полного согласия. Изучение этой науки будет общее для всех граждан.

III

Всякая метафизика сведется к тому, что было сказано выше о божестве. Что касается человека, то о нем еще скажут, что он одарен разумом, назначение которого — делать его общественным; что природа его способностей, равно как естественные принципы их действия нам неизвестны, что можно только путем вдумчивого наблюдения этой же способности проследить приемы работы разума; что мы не знаем, что служит в нас основанием и опорой этой способности, как не знаем и того, чем становится это начало, когда человек умирает. Затем скажут, что, быть может, это разумное начало продолжает еще существовать после смерти, но что бесполезно пытаться узнать состояние, относительно которого создатель природы не дает нам никаких указаний в форме явлений. Таковы будут границы, предписанные для этих умозрений.

IV

Предоставлена будет полная свобода проницательности человеческого ума относительно тех умозрительных и опытных наук, которые ставят себе задачей либо исследование тайн природы, либо усовершенствование полезных для общества искусств.

V

Будет существовать своего рода кодекс всех наук, где к метафизике и морали никогда не будет добавляться ничего выходящего за границы, предписанные законами; вновь заноситься туда будут только открытия в области физики, математики и механики, подтвержденные опытом и рассуждением.

VI

Красноречию, поэзии и живописи дозволено будет прославлять физические и нравственные красоты природы, предметы наук, удобства и приятные стороны общества, равно как граждан, особенно отличившихся в усовершенствовании всего названного.

VII

Каждый частный сенат поручит письменно изложить заслуживающие памяти деяния начальников и граждан, заботясь, однако, чтобы эти повествования были свободны от всякого преувеличения, от всякой лести и в особенности от всяких легендарных рассказов. Верховный сенат поручит составить из них общую историю всей нации.

VIII

Все главы этих законов будут выгравированы, каждая отдельно, на соответственном числе колонн или пирамид, возведенных на

общественной площади каждого города. Этим законам будут следовать всегда по прямому и буквальному смыслу их текста, не допуская в них никогда ни малейшего изменения или искажения. Если же в том или ином законе оказалась бы какая-нибудь двусмысленность или темное место, то надо будет постараться объяснить их при помощи другого закона или раз навсегда определить смысл этого закона в духе, наиболее благоприятном для основных и священных законов.

*Законы о наказаниях,
столь же немногочисленные, как немногочисленны нарушения долга,
столь же мягкие, сколько действительные*

I

Всякий гражданин, без различия ранга и достоинства, хотя бы это был даже глава нации, который окажется — страшно подумать! — настолько извращенным, что лишит жизни или смертельно ранит кого-нибудь, или же попытается посредством интриги либо иным путем уничтожить священные законы с целью ввести проклятую собственность, — будет судим Верховным сенатом и, по признании виновным, заключен на всю жизнь, как буйный помешанный и враг человечества, в построенную на кладбище пещеру (см. XI закон о городском благоустройстве). Его имя будет навсегда

вычеркнуто из списка граждан, его дети и вся его семья отрекутся от этого имени и будут зачислены отдельно в другие трибы, города или провинции, причем, однако, никому не будет дозволено относиться к ним с презрением или ставить им в укор вину их родителей под страхом изгнания из общества на два года.

II

Кто осмелится заступиться за этих виновных; кто окажется виновным в тяжком непочтении или неповиновении начальникам или сенаторам, отцам семейств или своим родителям; кто оскорбит словом или действием кого-нибудь из своих равных, — тот будет заключен на один или несколько дней, месяцев или лет в места, предназначенные для наказания преступлений этого рода. Национальный сенат раз навсегда установит эти сроки сообразно тяжести преступлений; сокращение установленного срока наказания ни в коем случае не будет допускаемо.

III

Лица, совершившие прелюбодеяния, будут подвергаемы заключению на один год, после чего муж или жена могут остаться в браке с виновным супругом, если он не был отвергнут ими тотчас после изобличения его в неверности. Лицу, нарушившему супружескую верность, никогда нельзя бу-

дет вступить в брак со своим соучастником в прелюбодеянии.

IV

Всякое лицо того или другого пола, которое в год развода будет иметь плотскую связь с кем-либо, подвергнется наказанию как за прелюбодеяние.

V

Всякое лицо, которое подвергнется исключению из общества на один год или несколько лет, навсегда лишится права быть сенатором и главою трибы.

VI

Если лица, которым вверены воспитание и забота о детях, будут обвинены в небрежности, если из-за того, что они не исправляли и не наставляли детей, последние приобретут какой-нибудь порок или дурную привычку, противную духу общественности, то виновные будут лишены чести заниматься этим делом на некоторое время или навсегда, смотря по степени вины.

VII

Все лица, которые будут исключены из общества и подвергнутся заключению навсегда или только на некоторое время, будут лишены всяких развлечений и занятий; их будут одинаково кормить доброкачественными,

но самыми обыкновенными блюдами и так же точно одевать. Прислуживать им будут по несколько дней молодые люди, провинившиеся слегка в лености, непослушании и лжи, а за недостатком их эту службу будет нести каждый день по очереди известное число младших учеников каждой профессии.

VIII

Другие, более легкие провинности, вроде мелких упущений или неаккуратности, будут наказываемы, по благоразумному усмотрению начальников или мастеров каждой профессии, либо занятием, о котором сказано в предыдущем законе, либо лишением всякого занятия и развлечения на несколько часов или дней, дабы праздностью же наказать праздность.

IX

Так как бесчестит не наказание, а вина, то по отбытии положенной кары запрещено будет укорять в этом лицо, искупившее свою вину, равно как его родственников, а также рассказывать об этом людям, которые не знают о нем, или выражать малейшее презрение к этим лицам в их присутствии или заочно, под страхом подвергнуться тому же наказанию. Только начальникам позволено будет авторитетно напоминать им об их обязан-

ностях, никогда не упоминая ни об их прошлых ошибках, ни об их наказаниях.

X

Всякое наказание, налагаемое законом и установленное раз навсегда для каждого рода вины, не будет подлежать никогда отмене или смягчению или замене другим наказанием в виде помилования или по иным соображениям, разве лишь в случае болезни.

XI

Право наложения наказаний, соединенных с лишением общества, будет принадлежать только сенату каждого города, на основании показаний лиц, стоящих во главе триб, семейств или профессиональных корпораций; этим последним будет предоставлено право наложения других гражданских взысканий.

XII

Всякое ложное обвинение в преступлении, которое повлекло бы за собою пожизненное исключение из общества, будет караться таким же наказанием. Во всех других случаях ложный обвинитель подвергнется двойному наказанию против того, которое угрожало обвиняемому.

XIII

Обвинения со стороны лиц, не облеченных никакой гражданской или естественной

властью, не будут выслушиваемы и принимаемы сенатом.

XIV

Лица, облеченные властью, обязаны будут сами следить за своими подчиненными, выговаривать им или наказывать их в случаях, предоставленных их компетенции, передавать виновных в распоряжение высшей власти за более значительные вины без всякого снисхождения, под страхом лишения своей должности на время или навсегда, смотря по важности упущения.

КОММЕНТАРИИ

ИЗДАНИЯ И ПЕРЕВОДЫ ПРОИЗВЕДЕНИЙ МОРЕЛЛИ

Биографических данных о Морелли почти не существует. Известно лишь, что он давал частные уроки в Vitry-le-Francois. Его перу принадлежат следующие труды: „Essai sur l'esprit humain“ (Paris, 1745); „Essai sur le coeur humain ou principes naturels de l'éducation“ (Paris, 1745); „Physique de la beauté ou pouvoir naturel de ses charmes“ (Amsterdam, 1748); „Le prince, les délices du coeur ou traité des qualités d'un grand roi et système d'un sage gouvernement“ (Amsterdam, 1751); „Naufrage des îles flottantes ou la Basiliade du célèbre Pilpai. Poème héroïque en 14 chants traduit de l'indien par Mr. M***“ (Messine, 1753); „Code de la nature ou le véritable esprit de ses lois de tout temps négligé ou méconnu partout, chez le vrai sage“ (1755).

Идеи, содержащиеся в „Essais sur le coeur humain“, впоследствии были развиты в системе Фурье. Ни одну из страстей человека Морелли не считает дурной или вредной. Все они должны свободно развиваться, и в этом путь к достижению социального блага. Человек по природе своей отличается высокой нравственностью, способен к усовершенствованию и предназначен к осуществлению наибольшей полноты общественной жизни.

В „Le Prince, les délices du coeur“ Морелли изображает государя, осуществляющего для общего сча-

ства философские и социальные идеи автора. „Basiliade“ — это роман-утопия, в котором Морелли в аллегорической форме рисует общество, основанное на коммунистических началах. В романе изображен народ, лишенный пороков, управляемый естественными законами и обретший счастье благодаря крушению „плохих островов“, т. е. предрассудков. Философские и социальные идеи Морелли, отраженные в этом романе, встретили резкую критику современников, в частности, журналов „Bibliothèque impartiale“ и „Nouvelle Bigarrure“. Отчасти ответом на эту критику явился новый и самый замечательный труд Морелли — „Code de la Nature“, в котором Морелли более полно изложил свои философские и социальные идеи и где он дал схему коммунистического общества.

„Кодекс природы“ был издан анонимно в Амстердаме в январе 1755 г. и затем в 1760 г. Вначале во Франции автором „Кодекса“ некоторые считали Туссена, другие — Ла-Бомеля, а затем Дидро. Убеждение в том, что „Кодекс природы“ написан Дидро, сохранилось до самой революции 1789 г. и даже позже, несмотря на то, что еще в 1756 г., когда „France littéraire“ приписала этот труд Дидро, Ф. Гримм (в „Correspondance“, t. III, p. 244) категорически опроверг это, указав, что Дидро, „конечно, не написал ни одной фразы“ в этом труде. Однако в 1773 г. в собрании сочинений Дидро, изданном в пяти томах в Амстердаме, во II томе помещен „Кодекс природы“.

В 1841 г. французский публицист и издатель Франсуа Вильгардель, бывший фурьерист, а затем сторонник коммунистических доктрин, издал под именем Морелли „Кодекс природы“ вместе с фрагментами из его романа „Basiliade“, сопроводив издание анализом коммунистической системы Морелли. В 1910 г. в серии „Collection des économistes“ под редакцией Э. Доллеана вышло последнее издание „Кодекса“. С этого издания был сделан русский перевод, под редакцией и со вступительной статьей академика В. П. Волгина, впервые опубликованный в 1923 г. Второе издание того же перевода было опубликовано в 1938 г.

Настоящее, третье издание перевода „Кодекса природы“, со вступительной статьей академика В. П. Волгина, вновь отредактировано, снабжено комментариями и сверено с оригиналом издания 1910 г. Ф. Б. Шуваевой.

Имеется также немецкий перевод „Code de la Nature“: „Grundgesetz der Natur“, Berlin, 1846.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ „В поэме столько же новой“ — речь идет об утопической поэме Морелли „Базилиада“ („Basiliade ou Naufrage des îles flottantes“, Paris, 1753, 3 vol.), вышедшей в 1753, как перевод с индийского. Морелли скрыл свое авторство, выдавая себя за переводчика. В этой утопии дана картина коммунистического строя, осуществленного в некоторой отдаленной стране.

² М*:*:*:* — автор „Базилиады“. Морелли обозначил свое имя только одной буквой М с шестью звездочками.

³ *Пол, Александр* (1688—1744) — английский поэт, автор сатирической поэмы „Глупиада“ („The Dunciad“, 1728), в которой он жестоко высмеивал пуританскую литературу, в 1783 г. выпустил „Опыт о человеке“ („Essay on man“), где пытался в стихотворной форме изложить свой философский оптимизм.

⁴ *Лактанций, Люций Целий Фирмиан* — христианский писатель IV в., родом из Африки, преподаватель риторской школы в Никомедии. Автор сочинений в защиту христианства: „Institutiones divinae“, в 7 книгах („Божественные установления“) и „De mortibus persecutorum“ („О гибели гонителей на христиан“).

⁵ Здесь и дальше, в начале второй части, Морелли полемизирует с критиками „Базилиады“.

⁶ „Какого-нибудь Петра Алексеевича“ — Морелли говорит о Петре I, русском императоре (1672—1725).

⁷ „Апология“ Менения Агриппы — речь идет о басне, рассказанной якобы Агриппой. Содержание ее таково: отдельные части человеческого тела, взбунтовавшись против праздного желудка, только поглощающего пищу, перестают на него работать и тем самым приводят в упадок весь организм. Согласно преданию, с помощью этой аллегии Агриппе удалось убедить восставших плебеев вернуться в Рим.

⁸ Автор „Духа законов“ — Шарль-Луи Монтескье (1689—1755).

⁹ Скифы — общее название, данное греками населению, обитавшему в VIII—II вв. до н. э. главным образом в Северном Причерноморье, Поднепровье и Подонье и состоявшему из разных этнических групп. Жили скифы и в Средней Азии и в современном Казахстане. Раскопки могил и остатков поселений в Причерноморье дали яркий и обильный материал, характеризующий культуру скифов. Памятники их были найдены также в Румынии, Венгрии и Болгарии. Наиболее обстоятельные сведения о скифах оставил Геродот.

¹⁰ Султан Махмуд I (1696—1754) — турецкий султан с 1730 по 1754 г.

¹¹ Тимарлот — владелец тимара в древней Турции. Тимар — обозначение введенного по византийскому прообразу военного лена, преимущественно небольшого, с доходами до 6 тыс. аспер, в противоположность сиамену, владелец которого обладал доходами, по меньшей мере, 20 тыс. аспер. Первоначально тимар жаловался ленникам (тимаристам), по-турецки — сахибам (т. е. рыцарям), только по указу турецкого султана, на основе свидетельства беглербег (канцлер провинции).

¹² Муфтий — у мусульман ученый богослов, толкователь Корана, дающий заключения по духовно-юридическим вопросам.

¹³ Имам — духовный глава у мусульман (позже так назывались у арабов калифы, у турок — султаны, у персов — потомки Али); вообще духовное лицо, заведующее мечетью, руководящее общественной молитвой и т. д.

¹⁴ Диван (арабско-персидское слово) — государственный совет при султанах. На заседаниях, собирав-

шихся периодически, кроме великого визира присутствовали муфтий, как представитель духовенства, и ряд министров. В ведении этого совета были важнейшие вопросы внутренней и внешней жизни государства, кроме религиозных вопросов. Он был также последней инстанцией по судебным делам.

¹⁵ *Valerius Maximus.* — Валерий Максим (жил в I в. н. э.) — римский историк, составитель сборника поучительных исторических примеров для риторических целей — „Factorum et dictorum memorabilium libri IX“, посвященного Тиберию, полного лести ему и предыдущим цезарям.

¹⁶ *Маккиавелизм* — политика, при которой для достижения цели разрешаются все средства; получила свое название от имени итальянского политического деятеля Никколо Маккиавелли (1469—1527), который в своем сочинении „Il Principe“ („Князь“) утверждал, что для создания в государстве прочной власти довлены все средства, независимо от какого-либо морального критерия.

¹⁷ *Илоты* — низший класс древней Спарты, крепостные, занимавшиеся земледелием. Считались собственностью не отдельного рода или двора, а всей спартанской общины, т. е. правившего в то время класса полноправных граждан. Жизнь, имущество и орудия труда илотов находились в полном распоряжении городской общины спартанцев. Жестокое обращение спартанцев с илотами вызвало ряд восстаний илотов, имевших место в VII и V вв. до н. э.

¹⁸ *Лакедемоняне* — полноправные граждане Спарты (Лакедемона).

¹⁹ *Капитуляция* (происходит от латинского *caput* — глава) — старинный термин, означающий постановление, изложенное в отдельных главах или статьях.

²⁰ *Титул* — основание какого-либо права (юридич).

²¹ *Хартия* — документ или указ публично-правового порядка, представляющий собой совокупность положений особой важности, как, например, Великая хартия вольностей 1215 г., Народная хартия в Англии в 1837 г. (отсюда название чартизм).

²² *Дюге Жак-Жозеф* (1649—1733) — известный янсенист, написавший ряд мистико-религиозных сочинений.

²³ Морелли здесь имеет в виду Руссо, написавшего сочинение на указанную тему, удостоенное премии Дижонской академии.

ЛИТЕРАТУРА О МОРЕЛЛИ

1. Волгин В. П. — Предшественники современного социализма в отрывках из их произведений, ч. 1, М.—Л., 1928.
2. Волгин В. П. — История социалистических идей, ч. 1. М.—Л., 1928.
3. Волгин В. П. — Очерки по истории социализма, изд. 4-е, дополненное. М.—Л., 1935.
4. La France littéraire (1769).
5. Villegardelle F. éd. — Code de la Nature par Morelly. Réimpression complète augmentée des fragments importants de la Basiliade, avec l'Analyse raisonnée du système social de Morelly, Paris, 1841.
6. Sudre A. — Histoire du communisme. Paris, 1848.
7. Woulsey T. — Communism and Socialism. Ld., 1879.
8. Kleinwächter T. — Die Staatsromane. Vienna, 1891.
9. Graham W. — Socialism new and old. Ld., 1891.
10. Lichtenberger A. — Le socialisme au XVIIIe siècle. Paris, 1898.
11. Pareto. — Les systèmes sociales. Paris, 1901.
12. Lavesque. — Les économistes du XVIIIe siècle. Paris, 1904.
13. Huit Ch. — Le platonisme en France au XVIIIe siècle (Annales de philosophie, 1906).
14. Reiner J. — Berühmte Utopisten. Jena, 1906.

15. Voight A. — Die sozialen Utopien. Leipzig, 1906.
16. Guthrie — Socialism before the French Revolution. N. Y., 1907.
17. Reverdy A. — Morelly, idées philosophiques, économiques et politiques. Poitiers, 1909 (thèse).
18. Dolléans E. éd. — Code de la nature avec notice et table analytique. Paris, 1910.
19. Fabre J. — Les pères de la révolution. Paris, 1910.
20. Girsberger H. — Der utopische Sozialismus des XVIII Jahrhunderts in Frankreich. Zürich, 1924.
21. Hertzler J. — The History of Utopian thought. N. Y., 1926.
22. Beer M. — Allgemeine Geschichte des Sozialismus und der sozialen Kämpfe. Berlin, 1929.
23. Hearnshaw F. J. C. ed. — The Social and Political ideas of some great french thinkers of the age of Reason. Ld. — N. Y., 1930. См. гл. IX, автор C. K. Driver.
24. Mornet D. — Les origines intellectuelles de la Révolution française. Paris, 1933.
25. Gershoy L. — From Despotism to Revolution 1763—1789. N. Y. — Ld., 1934.
26. Le Flamanс A. — Les Utopies prérévolutionnaires et la philosophie du XVIIIe siècle. Paris, 1936.
27. Laidler H. — Social-Economic movements. An historical and comparative Survey of socialism, communism, cooperation. N. Y., 1946.

СО ДЕРЖАНИЕ

В. П. Волгин. Коммунистическая теория Морелли. 5

КОДЕКС ПРИРОДЫ

Предисловие 45

Часть первая. Недостатки общих принципов политики и морали

Предмет настоящего рассуждения 49

Общие размышления о плане и цели „Базиллады“. 50

Закоренелые заблуждения ходячей морали; трудность пронизать их мрак и пробраться сквозь их массу 54

Источники ошибок древних и новых моралистов; что им следовало бы сделать, дабы обнаружить и избежать их 56

Причины извращения эгоизма 59

Состояние человека, когда он выходит из рук природы, и что она сделала, дабы подготовить его к жизни в обществе 61

Подробное изложение истинных основ общест-венности 64

На каких принципах мораль и политика должны были основать свои предписания и свои учреждения	67
Идея естественной честности; каким образом можно было предотвратить испорченность .	69
Возражение	71
Ответ	72
Какое воспитание предотвратило бы всякие пороки	72
Какое воспитание увековечивает ошибки морали	74
Большинство законодателей разорвали узы общественности и вызвали или поддержали прискорбные последствия этого разрыва .	75
Почему законы природы стали практически неосуществимыми	77

Часть вторая. Особые недостатки политики

Экспериментальные доказательства наших принципов	81
Естественное состояние диких народов, способных к восприятию законов мудрого правительства	83
Идея общепринятой политики и краткое опровержение ее правил	89
В какой мере правила общепринятой политики возмущают здравый смысл	91
Возражения против возможности распространения нашей системы у народов, которые еще не имеют законов	95
Ответы или новые доказательства успеха, который имели бы у наций, свободных от наших предрассудков, законы, основанные на требованиях природы	97
Самая склонность человека к покою есть принцип его деятельности	99
Истинная причина лени	100
Отступление по поводу упорного повторения многих пустых возражений	101

Истинное происхождение наций и причина упадка чувств общественности	103
Законодатели ни в чем не восстановили порядка	106
Для чего следовало составить законы	108
Истинная средняя посылка всякого политического или морального доказательства и первопричина всякого беспорядка	109
В какой мере первоначальным законодателям легко было распознать намерения природы и сообразовать с ними свои установления	110
Какую власть обладали бы законы, более совершенные, чем наши	113
Ложность принципов гражданского и международного права	114
Дух христианства приближал людей к законам природы	116
Почему дух христианства не утвердился	118
Монашеский дух всецело противоречит законам природы	121
В чем заключаются свобода и зависимость	123
Слабость власти самых неограниченных владык	125
Истинные причины упадка и революций в самых цветущих государствах	129
Что такое случай в области нравственности	130
Что могло бы обеспечить устойчивость империй	135
Под каким предлогом политика приносит в жертву интересы большинства интересу одного человека	136
Власть и функции государей в естественном праве; их истинное величие	139
 <i>Часть третья. Особые недостатки ходячей морали</i>	
Что такое зло; различные виды его	145
Пред лицом божества нет физического зла	146
Моральное зло воздействует только на разумное творение	148

Аналогия между физическим и нравственным порядком	150
Благодетель — это первая из наших нравственных идей	151
Что избавило бы человека от всякой идеи нравственного зла	153
Что такое пред лицом божества нравственные несовершенства разумного творения .	154
В мире физическом, как и в моральном, все постепенно совершенствуется	159
Правильные границы нравственного зла	161
Преходящая причина всех зол — также средство против них	163
Истинная причина противоречий ума и сердца	165
Насколько наши принципы далеки от одобрения порока или преступления	168
Главный мотив всякого человеческого поступка и принцип всякой общественной гармонии	172
Истинная последовательность и прогресс нравственных идей; гипотезы, их доказывающие	175
Благотворение — это первый принцип идеи божества	175
Первая гипотеза, объясняющая, как складывается идея божества, как она развивается и совершенствуется	176
Только в размышлениях о естественных чувствах зарождается идея божества	176
Зрелище вселенной только расширяет идею божества	177
В какой постепенности совершенствуется идея божества	178
Вторая гипотеза, при которой идея божества приобретает новые степени совершенства	179
В какой системе идея божества могла все более совершенствоваться или же подвергнуться искажению	183

Как извращенность человеческих поступков отразилась на идее божества и что следовало бы сделать, чтобы помешать этому	185.
Важные причины извращенности человеческих поступков, упущенные из виду философами	188
1. Самые злые нации являются самыми суеверными	188
2. У каких наций суеверные обычаи искажают нравственные поступки	190
3. Характер наиболее гуманных наций	190
4. Какие люди обыкновенно самые злые	191
Какой вывод надо было сделать из предшествующих наблюдений	193
От какого рода страха или надежды не должно зависеть благотворение	193
С чего морали следовало бы начинать свои наставления	195
Заключение настоящего труда	197

Часть четвертая. Образец законодательства, согласного с намерениями природы

Основные и священные законы, которые уничтожили бы в корне пороки и несчастья общества	202
Распределительные, или экономические законы	203
Законы земельные	207
Законы городского благоустройства	209
Законы об общих порядках	212
Законы о роскоши	216
Законы о форме правления, долженствующие предупредить всякую тиранию	217
Законы об управлении	221
Законы брачные, долженствующие предупредить всякий разврат	225
Законы о воспитании, долженствующие предупредить последствия слепой снисходительности отцов к своим детям	229

Содержание

259

Законы о научных занятиях, долженствующие помешать блужданиям человеческого ума и всяким трансцендентным мечтаниям .	233
Законы о наказаниях, столь же немногочисленные, как нарушения долга, столь же мягкие, сколько действительные	237
Комментарии	
Издания и переводы произведений Морелли	245
Примечания	248
Литература о Морелли	252

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР*

*

Редактор издательства *Ц. М. Подюженская*
Технический редактор *О. В. Залышкина*

*

РИСО АН СССР № 2875. А-10364. Издат. № 1201. Типогр.
заказ № 473. Подп. и печ. 8/Х 1947 г. Дормат бум. 70 X 92¹/₃₂.
Печ. л. 8¹/₈. Уч. издат. 9,5. Тираж 10.000 экз.

1-я типография Издательства Академии Наук СССР
Ленинград, В. О., 9 линия, д. 12.

Цена 12 руб.